

МБУК Ростовская-на-Дону городская ЦБС
Центральная городская библиотека
имени М. Горького
Организационно-методический отдел

*Всегда
своевременный
М. Горький*

методическое пособие
по работе с именем писателя

Ростов-на-Дону
2017

ББК 78.3я7 + 83.3 (2 Рос = Рус) 6

В 84

Редакторы и составители – Воропаева Т. В., зам. директора МБУК Ростовская-на-Дону городская ЦБС, Попова А. А., зав. Организационно-методическим отделом ЦГБ им. М. Горького, Кравченко М. В., зав. сектором Организационно-методического отдела ЦГБ им. М. Горького, Левшина Н. Н. зав. сектором Организационно-методического отдела ЦГБ им. М. Горького.

Всегда своевременный М. Горький : методическое пособие по работе с именем писателя / Ростовская-на-Дону городская ЦБС. – Ростов-на-Дону, 2017. – 116 с.

В издание включены методические рекомендации по работе с именем М. Горького, сценарии библиотечных мероприятий, описание опыта работы по данному направлению, а также фрагменты произведений донских литераторов о «буревестнике русской литературы».

Издание предназначено для библиотечных специалистов.

© МБУК Ростовская-на-Дону городская ЦБС

Часть I

Популяризация имени Максима Горького в библиотеках: методические рекомендации.

В последнее время в библиотечной практике наблюдается повышенное внимание к работе, связанной с популяризацией имени, которое носит библиотека. Авторитетное имя библиотеки становится ее символом и брендом, тем культурным ресурсом, который работает на репутацию, повышает имидж в глазах населения, выделяет ее среди прочих библиотек.

В Ростовской ЦБС работа с титульным именем является приоритетной. Особенного успеха в этом отношении достигла центральная городская библиотека, популяризирующая на протяжении многих лет имя и творчество «мятежного буревестника русской литературы». В ЦГБ им. М. Горького реализуются проекты «Имя Горького звучит в Ростове часто», «Горький за рубежом», «Музыка в жизни и творчестве М. Горького», «Читая Горького сегодня». Наиболее яркими результатами проектной деятельности является создание мемориальной экспозиции «Всегда своевременный Горький», виртуального музея «М. Горький: жизнь, книги, сцена». Опыт работы ЦГБ им. М. Горького с титульным именем неоднократно был представлен на профессиональных форумах в Донской государственной публичной библиотеке, центральной библиотеке им. А. П. Чехова в г. Таганроге, а также в статьях областных и всероссийских изданий.

Перечень статей

- Попова А. Писатель, совершенно необходимый сегодня. [об А. М. Горьком] / А. А. Попова, М. В. Кравченко // Донской писатель. — 2010. — № 7. — С. 2.
- Попова А. Юбилей библиотеки отметили зональной конференцией: [о зональной конференции Ростовской ЦБС, посвященной творчеству М. Горького] / А. А. Попова // Донской писатель. — 2010. — № 10. — С. 2.
- Кравченко М. В. Писатель-мыслитель // Игровая библиотека. — 2013. — № 1. — с 50-65.
- Кравченко М. В. «Горький – это эпоха» // Читаем, учимся, играем. — 2013. — № 2. — с. 11-13.
- Кравченко М. В. Выставочный комплекс «Нашей истории строки» // Ваша библиотека – 2013. — №8. — с. 36-45.
- Попова А. Имя Горького звучит в Ростове часто / А. А. Попова, М.В. Кравченко // Донской писатель: Газета писателей Ростовской области. — 2014. — № 4 – 5. — С. 2
- Кравченко М.В. Имя Горького звучит в Ростове часто // Библиотечное дело. — 2015. — № 14. — с. 38-44.

- Кравченко М.В. Названа именем Максима Горького // Библиотека. – 2015. – № 6. – с. 59-64.
- Кравченко М.В. Работаем с именами // Современная б-ка. – 2016. - № 4. – с. 84-87.

В 2016 году проект «Имя Горького звучит в Ростове часто» занял 1 место в межрегиональном библиотечном Интернет-конкурсе «Их именами названы библиотеки», в номинации «Лучшая авторская работа по деятельности библиотеки, связанной с ее именем» (Организатор конкурса – Воронежская областная юношеская библиотека им. В. М. Кубанева при поддержке департамента культуры Воронежской области).

Вместе с тем накануне юбилейного года М. Горького наиболее очевидна значимость личности и творчества этого выдающегося писателя. И каждая библиотека должна внести свой посильный вклад в продвижение горьковского культурного наследия. (См. Указ Президента РФ от 13 июля 2015 г. N 360 «О праздновании 150-летия со дня рождения Максима Горького»).

Библиотекам предлагается активизировать наиболее актуальные направления и формы деятельности по популяризации имени и творчества М. Горького.

Перечень направлений и форм деятельности

- Работа по раскрытию фонда имеющихся в библиотеке произведений М. Горького, литературы о нем (книжные выставки, буклеты, дайджесты, рекомендательные списки литературы и т.д.).

- Внедрение «горьковской» темы на заседания библиотечных клубов (например, проведение конкурсов эссе в литературных клубах, привлечение к оформлению выставок-инсталляций клубов по прикладному искусству и рукоделию).

- Популяризация горьковского наследия в культурно-просветительских мероприятиях.

- Активизация информационно-исследовательской деятельности. (В этой связи библиотекам следует изучить опыт работы читального зала ЦГБ им. М. Горького, в частности, создание виртуального музея «М. Горький: жизнь, книги, сцена», выпуск информационной продукции цикла «М. Горький на Ростовской сцене»).

В работе по продвижению имени «русского прозаика XX века первой десятки» особое внимание следует уделить теме «Горький на Дону», в том числе проблеме взаимоотношений М. Горького и донских литераторов.

Кроме того, при актуализации краеведческого аспекта горьковской темы необходимо обратиться к опыту поисково-исследовательской деятельности читального зала ЦГБ им. М. Горького, благодаря которому разработаны такие эксклюзивные темы, как «Максим Горький в жизни донских писателей», «Пьесы Горького на Ростовской сцене», «Знаменитые

артисты в пьесах Максима Горького на Ростовской сцене и в других театрах России».

***Примерные темы и формы библиотечных мероприятий,
посвященных жизни и творчеству М. Горького***

1 блок

Ранние, «романтические» произведения М. Горького

- «Я не знаю ничего лучше, сложнее, интересней человека» – дискуссионный час.
- «Трагический человек» и «смешные люди» в произведениях М. Горького и в наши дни» – час открытого разговора.
- «Сильная личность: беспредельная свобода или абсолютное одиночество?» – вечер-размышление.
- «Самоубийство: утверждение или поражение?» – диспут.

2 блок

Личность писателя

- «Горький без хрестоматийного глянца» – вечер-портрет.
- «Сея разумное, доброе, вечное...» (о просветительской деятельности М. Горького) – выставка-открытие.
- «Его именем названы...» (достопримечательности г. Ростова-на-Дону, связанные с именем писателя) – выставка-путешествие.
- «Горький – это эпоха» – читательская конференция.
- «Писатель первой десятки...» – литературный час.
- «Я пришел в мир, чтобы не соглашаться...» – диспут.
- «Не правда нужна человеку, а вера» (об особенностях духовных воззрений писателя) – вечер вопросов и ответов.
- «Горький: человек на грани двух миров» – книжная (электронная) выставка-открытие.
- «Несвоевременные мысли» великого русского писателя» – выставка-откровение.
- «Оттолкнулся от Азии, европейцем не стал» – вечер-размышление.

3 блок

М. Горький – «чудовищный писатель»

- «Главная болезнь России – жестокость...» Так ли это?» – дискуссия.
- «Ржавчина недоумения пред жизнью и яд дум о ней» – выставка-обсуждение, час размышления.
- «Люди бывают порочны от скуки...» – диспут-цитата.
- «Свинцовые мерзости русской жизни» в произведениях Горького и в творчестве писателей 20 в.» (Л. Петрушевская, Ю. Мамлеев, В. Сорокин, В. Ерофеев и т. д.) – час исследования.

4 блок

М. Горький – «трогательный писатель»

- «В жизни всегда есть место... милосердию», «И милость к падшим приывать...» – уроки милосердия.
- «Святая ложь... Всегда ли ты святая?» – урок-размышление.
- «Человек – это звучит гордо?» – дискуссионный час.

5 блок

Актуальные темы горьковского творчества

- «Прославим женщину – Мать» – литературно-музыкальный вечер.
- «Российский интеллигент: вчера, сегодня, завтра» – час истории.
- «Нет плохих народов, есть плохие люди» (тема этнической толерантности в произведениях М. Горького, А. Приставкина, Л. Фейхтвангера, Шолом-Алейхема, Г. Лонгфелло и т.д.) – урок толерантности.
- «Судьбы российского предпринимательства: прогресс, успех, драма?» – диспут.
- «Боль моя родом ... из детства» (тема трудного детства в произведениях М. Горького, В. Короленко, Л. Чарской, Ч. Диккенса, В. Гюго и т. д.) – литературный калейдоскоп.
- «Одним дыханием живут в тебе Восток и Запад...» (М. Горький, Н. Бердяев, В. Соловьев, А. Солженицын – о России) – читательская конференция.
- «Образы Горького, переложенные на язык кино», «Кинопутешествие по страницам горьковских произведений» – киноэкскурсы.
- «Экранизации и театральные постановки как второе рождение горьковского слова» – круглый стол с привлечением искусствоведов, киноведов, театроведов, актеров, литературных обозревателей.

Кравченко М.В.,
зав. сектором организационно-методического отдела
ЦГБ имени М. Горького

Указ Президента РФ от 13 июля 2015 г. N 360 «О праздновании 150-летия со дня рождения Максима Горького»

11 сентября 2015

Учитывая выдающийся вклад Максима Горького в отечественную и мировую культуру и в связи с исполняющимся в 2018 году 150-летием со дня его рождения, постановляю:

1. Принять предложение Правительства Российской Федерации о праздновании в 2018 году 150-летия со дня рождения Максима Горького.
2. Правительству Российской Федерации:

образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения Максима Горького и утвердить его состав;

обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения Максима Горького.

3. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации принять участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных празднованию 150-летия со дня рождения Максима Горького.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской
Федерации

В. Путин

Москва, Кремль
13 июля 2015 г. N 360

**Час литературного портрета
«М. Горький – «писатель великий,
чудовищный, трогательный, странный и совершенно
необходимый сегодня»**

Библиотекарь:

У каждой эпохи свои герои. Одной из знаковых фигур советского времени являлся, конечно, писатель Максим Горький. Бесчисленные библиотеки, школы, театры, улицы огромной страны были названы именем «гениального пролетарского писателя», «основоположника социалистического реализма». Дабы вызвать у советских граждан интерес к творчеству классика, ставились многочисленные спектакли, осуществлялись экранизации, некоторые очень удачные. И все это, надо сказать, вызывало положительный отклик у людей.

Читатель-эрудит:

Важно отметить то, что именно в советские годы поэтика горьковских образов навсегда вошла в плоть и кровь нашей культуры. Так, последние шесть-семь десятилетий русский человек, совершенно не задумываясь, порой всерьез, порой с иронией утверждает, что «рожденный ползать – летать не может», жалуется на «свинцовые мерзости жизни», нарекает какую-нибудь свою с богатым прошлым знакомую «старухой Изергиль» и надеется на то, что «Человек! Это звучит гордо».

Неискушенный читатель:

Однако я думаю, вы не будете спорить с тем, что идеалы былых времен не бессмертны. В постсоветский период мир горьковских образов превратился в рудимент канувшей в Лету эпохи. Если сегодня спросить у среднестатистического россиянина, какие ассоциации у него возникают при имени М. Горький, можно быть уверенным, что он ответит: нечто скучное, безнадежно устаревшее.

Библиотекарь:

Интересно, что сегодня писатель Горький за рубежом, пожалуй, более популярен, чем у себя на родине. В Праге в честь него названа улица, в Финляндии – небольшой городок, а в Италии в 2008 году даже была учреждена литературная премия его имени.

В свое время М. Горького высоко оценивали его современники.

М. Цветаева, например, говорила: «Горький – это эпоха». А другие авторитетные исследователи свидетельствовали: «конец 19-начало 20 в.в. прошли в Россию под знаком личности этого писателя». Фотографии Алексея Максимовича продавались тогда с лотков с таким же успехом, как сегодня изображения поп-звезд. «Слава его шла уже по всей России... русская интеллигенция сходила от него с ума», – утверждал И. Бунин. Подобная популярность объясняется, прежде всего, тем, что в российском обществе того времени царили либерально-революционные настроения.

Читатель-эрудит:

Даже такие консерваторы, как З.Н. Гиппиус, И.А. Бунин признавали несомненный писательский талант Горького. Высоко ценили его дар Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, Л. Н. Андреев, А. П. Чехов. О степени признания писательского таланта Горького, безусловно, свидетельствует тот факт, что в 1902 году его избирают почетным академиком Академии российской словесности (правда, стоит заметить, что против такого решения общественности выступил сам царь).

Библиотекарь:

К сожалению, сегодня с именем М. Горького, его наследием произошла печальная метаморфоза: «будучи знаменем своего времени, он дожил до XXI века писателем широко неизвестным». А между тем, если освободить сознание от идеологических штампов, то выяснится, что Горький заслуживает внимания, поскольку созвучен нашему времени. Только это надо суметь увидеть.

Как же возродить читательский интерес к мастеру слова, входящему в «первую десятку русских прозаиков 20 века»? Наверное, **читателя необходимо заинтриговать**. В этом нам поможет популярный писатель-публицист Дмитрий Быков. В своей книге «**Был ли Горький?**» он утверждает: «**Горький – писатель великий, чудовищный, трогательный, странный и совершенно необходимый сегодня**».

Неискушенный читатель:

Какое любопытное высказывание! Предлагаю поразмыслить над ним. Например, давайте разберемся, почему Д. Быков назвал М. Горького «великим».

Библиотекарь:

Как известно, так нарекают того мастера слова, который сумел силой своего таланта сотворить собственную неповторимую художественную реальность, богатую образами, подтекстом, духовно-нравственным содержанием.

Именно к таким писателям относится М. Горький.

Например, его пьеса «На дне» давно уже не воспринимается как только лишь социально-психологическая притча. Многие режиссеры видят в этом произведении символическую, аллегорическую версию человеческой жизни, где все одиноки, разобщены и враждебны друг другу.

Исключительной силой воздействия на читателя обладают также потрясающе колоритные, искрометные, завораживающие своей экспрессивностью ранние горьковские произведения. М. Горькому как достойному продолжателю таких мэтров романтической школы, как Пушкин, Одоевский, Гоголь, Бестужев-Марлинский; Гофман, Байрон, Гюго, удалось создать запоминающиеся, яркие образы.

Забар, Рада, старуха Изергиль, Мальва, Челкаш, Данко – все это сильные личности, люди особого морального чекана, страстные, мятежные натуры, безумно влюблены в стихийную мощь и силу жизни. Они совершают незаурядные поступки, их существование нередко – на грани жизни и смерти. Для большинства из них священным культом является свобода.

Читатель-эрудит:

Можно с уверенностью сказать, что мятежное, романтическое мироощущение было свойственно Горькому и в зрелые годы.

«Я пришел в мир, чтобы не соглашаться» – эти слова являются жизненным кредо тех горьковских героев-бунтарей, которые являют собой авторское alter ego. Действительно, при вдумчивом прочтении произведений Горького нельзя не заметить: художественное мировоззрение писателя пронизывает пафос протеста. Причем, что немаловажно, протеста не только против социальной несправедливости, но и против несовершенства человеческой природы (примечательны в этом отношении такие произведения, как «Человек», «Скуки ради», «Погром»).

Романтическим идеалом овеяны и мечты Горького-мыслителя о совершенной личности. Так, в центре знаменитого романа «Мать» – проблема «строительства нового человека». Вообще, вопреки устоявшемуся мнению, это произведение нужно воспринимать не как пролетарскую прокламацию, а, скорее, как авторское Евангелие. Только вместо Отца-создателя – в центре повествования предстает Мать – творец нового мира. Сцены же собраний рабочего кружка невольно вызывают ассоциацию с тайной вечерей.

Библиотекарь:

Утверждая факт величия Горького, нельзя обойти вниманием его человеческую незаурядность.

Бесспорно, нужно обладать уникальной силой характера, чтобы, пройдя через круги ада нищеты, унижений, беспросветного каторжного труда, не просто сохранить себя как личность на самом дне социального существования, но и стать писателем с мировым именем. Само по себе это выглядит подвигом. Наверное, все пережитые мыслимые и немыслимые испытания (например, достоверно известны два случая, когда молодому Горькому в пору его странствий по Руси грозила неминуемая гибель от рук озверевших обывателей), все наблюдаемые им «мерзости русской жизни» позволили ему говорить о «содранной обваренной коже собственного сердца».

Увидев и испытав в своей жизни многое, он навсегда стал особенно чутким к разного рода страданиям. Именно поэтому, будучи «богатым и знаменитым», никогда не отказывал в просьбах нуждающимся. Так, после революции он занял охранительную позицию по отношению к собратьям по перу: помогал деньгами, благодаря своему авторитету и дружественным отношениям с лидерами большевиков, многих представителей интеллигенции спас от арестов.

Выступая на защиту цвета российской интеллигенции, Горький являлся горячим сторонником просветительства. Он считал, что единственной защитой от несовершенства бытия отдельного человека и целой нации является просвещение, приобщение людей к культурным ценностям... «Я не знаю ничего иного, что может спасти нашу страну от гибели». Невозможно переоценить значение деятельности Максима Горького в этом направлении. После революции по его инициативе в Петрограде открылся Дом искусств, где собирались Гумилев, Ходасевич, Грин, Мандельштам и т.д. Позже, в 1934 г., по его инициативе был создан Союз писателей. Горький является автором уникальных литературных серий «Всемирная литература», ЖЗЛ, «Библиотека поэта», которые востребованы до сих пор.

Неискушенный читатель:

Это очень интересно, но давайте вернемся к высказыванию писателя Д. Быкова. Скажите, разве допустимо о таком незаурядном человеке, талантливым писателе говорить «чудовищный»?

Библиотекарь:

Думается, Д. Быков взял на себя смелость так отозваться о Горьком, тщательно проанализировав его творчество.

Не будет преувеличением сказать, что именно Максим Горький первым среди русских прозаиков занялся детальным художественным исследованием «низовой» подвальной жизни простого народа. (Предшествующие ему мастера слова, в том числе Ф. М. Решетников, Ф. М. Достоевский, также обращались к этой теме, но не делали ее своим основным объектом). «Свинцовых мерзости» русской жизни предстают на страницах горьковских произведений столь колоритно, ярко и зримо, что поневоле возникает эффект присутствия. Это происходит, конечно, благодаря незаурядному писательскому дару Горького, а

еще оттого, что практически все сюжеты основаны на личных авторских наблюдениях.

Читатель-эрудит:

Горького по праву называли пролетарским писателем. Только вкладывали в это ограниченный, идеологизированный смысл. А ему был свойственен абсолютно объективный, непредвзятый взгляд на жизнь трудового народа. Описывая «страшно густую, насыщенную, зверскую, адскую жизнь», Горький руководствовался принципом беспощадной правды, которая слишком часто выглядела неприглядной до отвратительности.

Стоит вспомнить лишь некоторые очерки и рассказы. Подлинным ужасом веет от картины беспроектной нищеты, в которой вынуждены жить молодая мать-проститутка и сын-калека (рассказ «Страсти-мордасти»). Потрясают беспричинная жестокость, самоупоенный садизм, с какими представители русского «богоданного» народа истязают себе подобных (рассказ «Скуки ради», очерки «Вывод», «Погром»). Даже далекого от целомудрия читателя XXI века шокируют некоторые откровенные описания нравственной распущенности городских «низов» (рассказ «Сторож»).

Неискушенный читатель:

И после всего этого Д. Быков называет М. Горького «трогательным»?

Библиотекарь:

Дело в том, что горьковские произведения обладают существенной особенностью: неприглядные картины русской жизни, данные порою в подробностях и деталях, не оставляют у читателя чувства безысходного омерзения (что, к сожалению, нередко в творениях современных авторов). Спасает авторский пафос человеколюбия, сострадания и соучастия. К тому же Горькому нельзя отказать в художественном мастерстве – созданный им мир неизменно завораживает читателя. Так, случилось с его повестью «Детство», которая изобилует всевозможными страшными подробностями русской провинциальной жизни, но тем не менее оставляет впечатление чего-то светлого, обнадеживающего. К слову сказать, именно это горьковское произведение получило самую высокую оценку компетентных персон. Например, А. Труайя утверждает, что это самая талантливая вещь Горького, а Д. Мережковский называл «Детство» «одной из лучших..., вечных русских книг...». И, действительно, Горький необыкновенно трогателен именно в этой повести: стоит вспомнить, с какой любовью выписан образ Бабушки, какими неоднозначными красками дана фигура деда Каширина.

Читатель-эрудит:

Вообще, если внимательно вчитаться, можно заметить, что все творчество Горького пронизано искренней, наивной, почти детской верой в безграничные возможности совершенствования человеческой природы. Это ярко проявляется в ранних романтических произведениях. В отношении горьковского сердцеведения весьма показателен рассказ (поэма) «26 и одна», где автор очень образно и выразительно описывает такое хрупкое, уязвимое душевное состояние, каким является вера в выдуманный идеал. И, конечно же,

особенно трогательно выглядит горьковская мечта о новом, совершенном человеке. «Человек – это звучит гордо!» – не просто красивая афористичная фраза. Это тезис гуманистического мироощущения писателя.

Неискушенный читатель:

Да уж, действительно, «странный» писатель...

Библиотекарь:

Литературная одаренность Горького – это аксиома. Харизматичность его натуры отмечалась всеми людьми, знавшими его лично. И вместе с тем затруднительно дать однозначную оценку его личности и наследия именно из-за того, что А. М. Горький – один из самых неоднозначных, противоречивых, «странных» писателей.

Вспомним некоторые факты.

Прежде всего, заслуживает искреннего удивления тот небывалый, воистину, волшебный взлет, который совершил никому неизвестный, пусть и талантливый, юноша. Осуществив литературный дебют в 1892 г. на окраине российской империи в провинциальной газете «Кавказ», он за очень короткий срок – уже к концу 90-х г.г. стал не только знаменитым на всю Россию, но и материально состоятельным писателем.

Неразрешимым противоречием мировоззрения Горького является его отношение к революции. Все однозначно признают, что Алексей Максимович являлся духовным знаменем 1905 года и вместе с тем он совершенно не принял февральские и октябрьские события 1917 г. В то же время писателю была духовно близка идеология державного созидания сталинской России (этим, например, объясняется неподдельный интерес Горького к экспериментальной педагогике Макаренко).

Читатель-эрудит:

Но самой большой загадкой для исследователей горьковского творчества остается то, как в писателе уживались неподдельная симпатия к просвещенному сдержанному Западу и необузданное азиатское жизнелюбие. (Об этом очень убедительно рассуждает в статье «Две души Горького» К. Чуковский). Данное противоречие особенно заметно при знакомстве с горьковскими произведениями. Представители «дикой, некультурной России» (произведения «Коновалов», «Челкаш», «Мальва» и др.), которых писатель осуждает за отсталость и невежество, выглядят куда ярче и выразительнее, чем симпатичные писателю просвещенные интеллигенты (произведения «Жизнь Климса Самгина», «Дачники» и др.).

Неискушенный читатель:

И все-таки, почему, по мнению Д. Быкова, Горький – «писатель совершенно необходимый сегодня»?

Библиотекарь:

Когда-то талантливый русский прозаик, мыслитель Василий Розанов сказал: «М. Горький – весь современность. И притом только современность». Эти слова по-прежнему актуальны. Ведь многие темы, мотивы и образы горьковского творчества абсолютно злободневны. Это, прежде всего, темы,

раскрывающие проблему сильной личности, а также низовой жизни простого народа.

В творчестве Горького прослеживается также и другие проблемы, способные заинтересовать современного читателя. Например, в горьковских произведениях своеобразное преломление получает мотив этнической толерантности («Погром», «Мой спутник»), тема прав и свобод женщины («Вывод», «Детство», «Мальва»), образ истерзанного, обездоленного детства («Детство», «В людях», «Дед Архип и Ленка»), материнства («Мать», «Рождение человека», «Сказки об Италии»).

Стоит вспомнить и целую плеяду горьковских персонажей, которые раскрывают тему русского предпринимательства. Нельзя не отметить того, что истории Артамоновых, Вассы Железновой весьма органично проецируются на сегодняшние реалии: та же ситуация быстрого обогащения и нравственного банкротства.

Особенно современно звучит горьковское осмысление проблем русской интеллигенции. Всем нам более или менее известна история духовного краха Клима Самгина, но стоит вспомнить и героев таких почти забытых драматических произведений, как «Дачники», «Варвары», которые демонстрируют «бескрылый прагматизм», «профессионализм, не одухотворенный гуманистической идеей», «сытость, моральную безответственность и равнодушие» – все то, что сегодня, к сожалению, является сущностью многих успешных обитателей офисов.

В свете сегодняшних споров о национальной идее небезынтересно и еще одно произведение Горького – статья «Две души», где писатель, размышляя об извечной русской антитезе «Восток-Запад», приходит к выводу о том, что все пороки национальной характера (лень, нерешительность, пассивность, нетолерантность и т.д.) – восточного происхождения и от них нужно избавляться, ориентируясь на европейскую модель жизни.

Читатель-эрудит:

По мере того как читаешь и перечитываешь горьковские произведения, неизменно приходишь к выводу: Максим Горький – это целая вселенная.

И выводы по нему делать непросто.

Возможно, причина забвения этого писателя, даже неприязни к нему, заключается не только в нашем азартном желании отрицать идеалы ушедшей эпохи. Проблема значительно сложнее. Горький неудобен для нашего времени, он противоречит, противостоит эпохе торжествующего потребления, гедонизма и утилитаризма. Он, мечтавший о новом совершенном человеке будущего, сочетающем «силу и культуру, гуманность и решимость, волю и сострадание», действительно, выглядит неуместно в мире победившего мещанства.

Библиотекарь:

И в то же время, перечитывая горьковские произведения, убеждаешься: на фоне рутинности, консерватизма, конформизма радиальный пафос

Горького всегда звучит удивительно свежо и ново. И призывает к переосмыслению окостеневших стереотипов.

Надеемся, что в результате нашего диалога у вас появилась возможность посмотреть по-новому на такой феномен российской культуры, каковым является М. Горький.

Библиография

1. Горький, М. Собрание сочинений: в 30 т. / М. Горький. – Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1949-1950.
2. Горький, М. Собрание сочинений: в 8 т. / М. Горький. – Москва: Советская Россия, 1988.
3. Быков, Д. Л. Был ли Горький? / Д. Л. Быков. – Москва: АСТ, 2009. – 348 с.
4. Труайя, А. Максим Горький / А. Т. – Москва: Эксмо, 2005. – 320 с.
5. Чуковский, К. Две души М. Горького // Сочинения: в 2 т. / К. Чуковский. – Москва, 1990. – Т. 2. – С. 335-390.
6. Баранов, В. И. Как быть с М. Горьким в школе? / В. И. Баранов // Литература в школе. – 2006. – № 7. – С. 18-22.
7. Березин, В. Быкостернак и Горькасинский / В. Березин // Книжное обозрение. – 2005. – № 41. – С. 19.
8. Грачева, А. М. Русский народный характер и судьба России в прозе М. Горького 1910 годов / А. М. Грачева // Литература в школе. – 2008. – № 7. – С. 15-17.
9. Егоров, О. Г. Духовный кризис русской интеллигенции в пьесах М. Горького «Дачники» и «Варвары» / О. Г. Егоров // Литература в школе. – 2006. – № 7. – С. 2-5.
10. Иващенко, В. Горький оставил свой след и в душах донских цыган / В. Иващенко // Вечерний Ростов. – 2010. – 2 июля. – С. 4.
11. Петелин, В. «Я – каторжник, который всю жизнь работал на других...» / В. Петелин // Литература в школе. – 2008. – № 7. – С. 18-24.
12. Примочкина, Н. Н. Личность и творчество М. Горького в восприятии А. Блока / Н. Н. Примочкина // Литература в школе. – 2010. – № 8. – С. 8-10.
13. Примочкина, Н. Н. Горький сегодня / Н. Н. Примочкина // Литература в школе. – 2008. – № 7. – С. 2-6.
14. Сарычев, В. А. «Люди и человеки» / В. А. Сарычев // Литература в школе. – 2008. – № 7. – С. 7-14
15. Спиридонова, Л. Максим Горький без мифов и домыслов / Л. Спиридонова // Литературная газета. – 2007. – № 12. – С. 6.
16. Шустов, М. П. «Мудрая» старуха М. Горького / М. П. Шустов // Литература в школе. – 2006. – № 7. – С. 6-11.

Кравченко М.В.,
зав. сектором организационно-методического отдела
ЦГБ имени М. Горького

Опыт работы библиотеки по популяризации личности и творчества писателя «Имя Горького звучит в Ростове часто»

Многолетняя, интересная работа с именем писателя – отличительный знак центральной городской библиотеки им. Горького города Ростова-на-Дону. В год 145-летия Алексея Максимовича Горького можно подвести некоторые итоги этой деятельности.

Именем культового пролетарского писателя центральная городская библиотека была удостоена в далеком тысяча девятьсот двадцатом – в год своего основания.

Хочется особо отметить, что присвоение этого имени библиотеке оказалось не только данью моде. Дело в том, что личность Алексея Максимовича непосредственно связана с историей южной столицы.

В 1891 году будущий писатель работал грузчиком в Ростовском порту (на этом месте на набережной Дона сегодня возвышается его памятник). Как отмечают некоторые исследователи-краеведы, странствия по донским степям в те годы стало источником вдохновения для создания неповторимых цыганских образов ранней горьковской прозы.

Пребывая в зените славы, Алексей Максимович дважды посетил столицу Дона в конце 20-х годов. В Ростове-на-Дону есть немало памятных мест, связанных с именем писателя или названных в честь него: мемориальная доска на доме, где жил молодой Пешков, памятник писателю на набережной Дона, главный городской парк, драматический театр, одна из центральных улиц города и т. д.

С первых лет библиотека активно работала с именем пролетарского писателя. Об этом свидетельствует, например, такой реликт библиотечного музея, как областная газета «Молот» от 30 июня 1938 года. В этом периодическом издании есть посвященная ростовской центральной библиотеке небольшая статья, где мы можем прочитать следующую любопытную информацию о популярности в те годы творчества «буревестника революции»: «Книги любимого писателя не залеживаются на полках – они в непрерывном движении. В среднем за день читателям выдается от 115 до 120 книг Алексея Максимовича».

Пик библиотечной активности в работе с именем писателя пришелся, пожалуй, на 50-70-е годы. В библиотечном фотоархиве сохранилось немало фотографий, на которых отразились многочисленные книжные выставки, литературные часы, вечера, посвященные Горькому. Неповторимая атмосфера царила на тех литературных вечерах, в которых принимали участие артисты главного ростовского театра. Многие из подготовленных ими театральными мизансцен представляли горьковскую тематику.

Новым витком работы с именем Горького стало празднование в 2010 году 90-летнего юбилея центральной библиотеки. Было решено организовать областную научно-практическую конференцию «М. Горький – писатель совершенно необходимый сегодня». Без преувеличения можно сказать, что

этот форум стал ярким событием в жизни Ростовской ЦБС. (О резонансе, который вызвало мероприятие, можно судить по тому факту, что по настоятельным просьбам библиотекарей конференцию пришлось провести дважды).

Конференция состояла из трех тематических блоков.

Первый из них был посвящен самобытному творчеству писателя.

О парадоксах горьковского художественного мира, незаурядной личности прозаика рассказала главный библиотекарь организационно-методического отдела ЦГБ им. Горького г. Ростова-на-Дону Марина Валерьевна Кравченко. Основой ее доклада стало столь же любопытное, сколь провокационное утверждение известного писателя Дмитрия Быкова: «Горький – «писатель великий, чудовищный,

трогательный, странный». Докладчик попыталась дать представление о многогранности, противоречивости личности того, кто по праву вошел в «первую десятку русских прозаиков 20 века», о возможностях неожиданного толкования его творений. Например, в контексте выступления было предложено взглянуть на пьесу «На дне» как на экзистенциальную аллегорию, роман «Мать» прочитать как «авторское Евангелие», а также обратить внимание на острую современность затронутых в горьковских произведениях проблем этнической толерантности, феминизации, национальной идеи и т.д. В заключение докладчик заметила, что «радикальный пафос Горького звучит сегодня удивительно свежо, ново и призывает к переосмыслению окостеневших стереотипов». Данный доклад вызвал дискуссию. Несмотря на ряд аргументов выступающего, некоторым из присутствующих нелегко было соотнести уничижительный эпитет «чудовищный» с именем русского классика.

Почти все из нас знают горьковское высказывание: «всем лучшим в своей жизни я обязан книгам». Однако немногие осведомлены о том, насколько пестрым был читательский диапазон Горького. Алексея Максимовича в равной степени восхищали А. Дюма и О. Бальзак, Г. Филдинг и А. Франс, И. С. Тургенев и А.Ф. Писемский. Писательский талант Горького выглядит особенно многогранным в контексте литературных параллелей. Как известно, на становление горьковского мировосприятия, творчества большое воздействие оказали многие отечественные и зарубежные мастера художественного слова. С другой стороны, горьковские тенденции, тематика, мотивы, образность также нашли преломление в произведениях многих писателей. Например, драматический конфликт патриархально-общинного уклада жизни с новыми буржуазными законами, талантливо представленный в горьковских произведениях, с той же беспощадно-объективной интонацией встречается в социально-бытовых повестях болгарского реалиста и сатирика

Елина Пелина. А гениально разработанная в ранних горьковских произведениях тема непростого взросления юной души оказывается созвучной проблематике повести донского писателя Б. В. Изюмского «Алые погоны». Важной и интересной проблеме литературных параллелей был посвящен доклад зав. сектором ростовской библиотеки им. Куприна Бориса Михайловича Федина «Круг читательских предпочтений М. Горького. Горьковские темы, мотивы, образы в творчестве отечественных и зарубежных писателей».

«Писать – это значит петь!» – так называлось выступление ведущего библиотекаря музыкально-нотного отдела ЦГБ им. Горького г. Ростова-на-Дону Галины Владимировны Жамойтук.

Известно, что М. Горького отличало особо восторженное отношение к «прекраснейшему из искусств». Сотрудник библиотеки рассказала о ряде малоизвестных фактов из жизни Алексея Максимовича. Например, о том, что, обладая неплохим тенором и исключительной музыкальностью, он семнадцатилетним юношей был принят в хор Казанского оперного театра. Горький горячо любил и тонко чувствовал музыку. Именно поэтому она обретала в его произведениях новую жизнь, становясь «соучастником» происходящих событий, существенным дополнением к характеристике действующих лиц. Стоит хотя бы вспомнить «Детство», «Дело Артамоновых». Любимыми композиторами писателя были Бетховен, Эдвард Григ. Особым светом озарила жизнь Горького дружба с Федором Ивановичем Шалапиным.

Второй блок конференции назывался – «Работа библиотек по популяризации имени и наследия М. Горького».

На конференции был представлен подготовленный отделом справочно-библиографической и информационной работы ЦГБ им. Горького интерактивный библиографический указатель «Живое, зримое слово». Также работники абонемента центральной ростовской библиотеки представили анализ проведенного ими среди читателей социологического исследования «Писатель совершенно необходимый сегодня». В результате анкетирования работники библиотеки выяснили немало полезной информации. Так, наибольшую осведомленность о писателе проявили, как того и следовало ожидать, читатели зрелого возраста. Для большинства респондентов личность Горького ассоциируется с «буревестником революции» и «великим пролетарским писателем». Самыми популярными творениями писателя оказались роман «Мать», пьеса «На дне», «Песня о Буревестнике». Вместе с тем большой пробел в знаниях читателей творчества Горького обнаружился, когда нужно было ответить на вопрос «Какие высказывания М. Горького, впоследствии ставшие афоризмами, Вы можете назвать?». Лишь немногие (около 30%) вспомнили такие хрестоматийные фразы, как «Человек – это звучит гордо!» и «Буря! Скоро грянет буря!». В общем, анализ опроса неоднозначно показал, что библиотекарям предстоит немало работы для возрождения имени выдающегося писателя.

Достаточно любопытный опыт деятельности по пробуждению читательского интереса к творчеству Горького представила на конференции горьковская центральная городская библиотека Батайска (города-спутника южной столицы). Начальник отдела обслуживания Раиса Анатольевна Гречишкина рассказала о небольшом эксперименте. Библиотекарями был распечатан малоизвестный рассказ М. Горького «Маленькая». В качестве буклета этот анонимный текст (без автора и названия) предлагали взять читателям для прочтения. Чего добились этим библиотекари? Конечно, пробуждения читательского интереса к горьковскому творчеству. Многие из тех, кто познакомился с рассказом, были искренне поражены захватывающей фабулой, драматизмом образов. Практически все были заинтригованы: кому же принадлежит это произведение? В процессе индивидуальных бесед после прочтения библиотекарям удалось убедить читателей взять и другие творения классика. К тому же эта небольшая акция стала своеобразной прелюдией к целому циклу мероприятий горьковской тематики.

Оживленный интерес у присутствующих вызвал третий блок конференции – «Памятные места, связанные с именем М. Горького».

Среди российских прозаиков, подлинно талантливых и просто популярных, немного найдется таких мастеров художественного слова, о которых с полной уверенностью можно было бы сказать – «европейски знаменитый писатель». Не будет преувеличением утверждать, что творчество А. М. Горького широко признано по сей день не только в Европе, но и во всем мире. Об этом свидетельствует удивительный факт. Согласно исследованиям одного из крупнейших издательств Индии, самым читаемым в стране произведением русской литературы является роман Горького «Мать» (!).

Ярким моментам жизни писателя в Чехии, Финляндии, Швейцарии, Франции, Италии, Англии, Германии, Америки был посвящен доклад заведующей отделом литературы на иностранных языках ЦГБ им. Горького г. Ростова-на-Дону Татьяны Германовны Радионовской.

Интересно, что сегодня писатель Горький за рубежом, пожалуй, более популярен, чем у себя на родине. В Праге в честь него названа улица, в Финляндии – небольшой городок, в Герингсдорфе (Германия) в доме, где он жил, организован музей. В центре Берлина на улице Унтер ден Линден находится самый маленький театр в Германии, которому в 1952 г. присвоено имя Максима Горького. Кроме того, на сцене другого берлинского театра «Берлинер ансамбль» и в наши дни проходят постановки излюбленной немцами пьесы «На дне» и других произведений Горького.

Об органической вписанности Горького в культурный европейский контекст свидетельствует и то, что он регулярно вел переписку с французскими писателями Роменом Ролланом и Анатолем Франсом.

Любовью всей жизни для Алексея Максимовича была Италия. Здесь писатель провел около 15 лет. Солнечная южная страна стала для Горького фактически вторым домом. Он обожал итальянскую природу, искусство. Именно здесь были созданы многие горьковские произведения, являющиеся

частью наследия русской культуры. Примечательно, что во время пребывания на Капри Горький спас Чертозу (средневековый картезианский монастырь) от сноса, предложив создать в нем библиотеку и школу. Близко к сердцу, как если бы это была его настоящая родина, Горький принимал беды Италии. Так, когда в декабре 1908 года в южной Италии произошло землетрясение, Горький немедленно откликнулся: вместе с профессором В. Мейером за несколько недель он написал книгу «Землетрясение на Калабрии и Сицилии», гонорар от которой поступил в пользу пострадавших от землетрясения.

Италия платила Горькому взаимной любовью. Портреты писателя итальянцы вешали рядом с изображениями Гарибальди. На сюжет «Макара Чудры» итальянскими композиторами было написано несколько опер.

В 2008 году общественной Ассоциацией «Премия Горького» была учреждена одноименная премия, целью которой является поощрение взаимодействия между Россией и Италией в области культуры.

Доклад Т.Г. Радионовской сопровождался демонстрацией созданного работниками отдела ролика «По горьковским местам за рубежом». Это придавало выступлению необходимую экспрессивность, позволяло присутствующим окунуться в атмосферу горьковского зарубежья.

Тему «Горький-путешественник» продолжила ведущий библиограф отдела справочно-библиографической и информационной работы ЦГБ им. Горького г. Ростова-на-Дону Ирина Геннадьевна Воронина. Ее доклад был посвящен горьковским местам в Ростове.

Впервые Горький попал в Ростов весной 1891 года. Это было страшное, голодное время. В Ростове, как и в других российских городах, царила безработица. Труд крайне скудно оплачивался. За 15 часов каторжной, непосильной работы артельные старосты платили грузчикам по полтиннику в день. Портовые грузчики прозвали Пешкова «Алешей-Работящим». Не особо отличаясь физической силой, он таскал с турецких пароходов сырые кожи, многопудовые тюки табака. Уважали двадцатитрехлетнего парня местные работяги за грамотность. Некоторое время Горький жил недалеко от порта в ночлежке старухи Леонтьевны (не здесь ли будущий писатель накапливал житейские впечатления, наблюдал картины городских трущоб?). В 1961 году на донской набережной на месте старого городского порта был открыт памятник писателю. Бронзовый Алексей Максимович стоит с непокрытой головой, взгляд его устремлен в задонскую степь, а ветер с Дона распахнул полы его пальто. Авторами изваяния являются скульптор М. С. Алексеенко и архитектор Я. А. Ребайн.

Во второй раз Горький побывал в Ростове только через 40 лет, уже будучи известным всему миру писателем, – 18 июля 1928 года.

В третий раз Горький посетил Ростов в 1929 году. Тогда он посетил одну из значимых социалистических строек того времени – Сельмаш. Приезд Горького вдохновил рабочих не только на присвоение ударным бригадам его имени, но и на создание литературной группы.

Сегодня в Ростове-на-Дону с именем М. Горького связано многое. О пребывании писателя на Донской земле напоминают установленные на набережной и на доме, где жил Алексей Максимович, мемориальные доски. Одна из центральных в городе улиц еще при жизни Горького в 1932 году к сорокалетию литературной и общественной деятельности была названа в его честь.

Интересной городской достопримечательностью, название которой связано с одним из знаковых горьковских образов, является кинотеатр «Буревестник», расположенный в здании двухзального дореволюционного синематографа «Колизей». Кинотеатр этот примечателен тем, что здесь в июле 1920 года выступал с чтением своих стихов великий русский поэт Сергей Есенин. А интеллектуалы поздне-советского времени почитали это место за то, что здесь можно было посмотреть авторское, элитарное кино, которое обычно не идет на широких экранах.

С именем Горького напрямую связано и еще одно учреждение культуры – главный театр Ростова-на-Дону, построенный в 1935 году (он, кстати, считается самым большим провинциальным театром в мире). В свое время Ростовский академический театр драмы им. М. Горького стал стартовой площадкой для таких мэтров, как Ростислав Плятт, Вера Марецкая, Владислав Ветров. Знаменит ростовский театр и своим внешним обликом. Это самое настоящее архитектурным достоянием города. Театр поражает гармоничным сочетанием мрамора и стекла, мощными стеклянными выносными галереями, гигантской белой стеной, которую уже с первых лет после постройки театра использовали на праздники в качестве гигантского киноэкрана.

Многое в этом здании несет в себе отблеск драматизма. Особенного внимания заслуживают горельефы на фасаде театра, автором которых является скандально известный «донской Роден» Сергей Корольков, скульптор, чья жизнь и судьба могли бы послужить основой для остросюжетного романа. (Сергей Корольков активно работал как художник и скульптор в 30-е годы в СССР, а во время войны ушел с немцами из Ростова; в дальнейшем в США он стал признанным мастером, одним из лидеров американской ассоциации скульпторов).

Театральное здание, имеющее форму гусеничного трактора, (подобные конструкции были чрезвычайно популярны в 30-е годы и соответствовали духу тотальной индустриализации) до сих пор является непревзойденным образчиком архитектурного искусства: макет театра представляет российское зодчество в Лондонском музее истории архитектуры.

Именем М. Горького назван и самый старый парк г. Ростова-на-Дону, которому исполняется в этом году 200 лет. Это самое посещаемое место в Ростове. Парк им. М. Горького имеет два яруса парковых зон, на которых уютно раскинулись аллеи, игровые площадки, городок аттракционов, кафе и др. Здесь сохранены памятники городской архитектуры почти вековой давности: ротонда, семь фонтанов.

Более 90 лет имя М. Горького носит Центральная городская библиотека, чья история богата драматическими событиями.

«Максим Горький на подмостках Ростовской сцены» – так называлось завершающее конференцию выступление зав. сектором по организации массовой работы читального зала ЦГБ им. Горького г. Ростова-на-Дону Юлии Михайловны Новиковой, человека, известного своей особой любовью к театру.

Имя М. Горького самым тесным образом связано с историей главного ростовского театра. На протяжении столетия горьковские произведения занимали почетное место на ростовской сцене. Интересно, что в начале прошлого века злободневные пьесы «буревестника революции» ставились в ростовском театре одновременно с постановками МХАТа. Например, доподлинно известно, какой в 1902 году оживленный резонанс у ростовской общественности вызвали спектакли «Мещане», «На дне», «Дачники». С последней пьесой связан особый случай, свидетельствующий о нарастающей предреволюционной атмосфере. Об этом инциденте писала даже столичная пресса. Во время третьего акта спектакля откуда-то сверху полетели в публику какие-то листочки. Это оказались прокламации революционного содержания. Естественно, после этого эпизода спектакль «Дачники» был запрещен властями. Пьесы Горького в Ростове проходили при полном аншлаге. Об этом писала газета «Приазовский край», отмечая, что во время спектакля «был занят публикой даже оркестр».

Ростовский театр стремился работать и над горьковскими произведениями, не имевшими широкой известности. В разные годы были поставлены спектакли по таким произведениям, как «Трое», «Варвары», «Последние». Горьковские герои продолжают жить на ростовских подмостках и по сей день: одна из громких премьер последнего времени – спектакль «Васса Железнова».

Завершая конференцию, все, и организаторы, и приглашенные, единодушно отметили успешность творческого диалога, перспективность подобных встреч, а главное, высокий профессиональный потенциал, большую исследовательскую работу, проведенную сотрудниками ЦГБ им. Горького г. Ростова-на-Дону.

Конференция не стала, к счастью, фрагментарным мероприятием. Напротив, она послужила стимулом для развития проектной деятельности. В отделах центральной ростовской библиотеки были созданы следующие проекты: «Горький за рубежом» (отдел литературы на иностранных языках), «Музыка в жизни и творчестве М. Горького» (музыкально-нотный отдел), «Читая Горького сегодня» (абонемент).

Самым ярким результатом проектной деятельности можно считать создание на абонементе центральной библиотеки мемориального комплекса «Нашей истории строки» (об истории ЦГБ им. Горького).

Особое место в этой композиции занимает блок, посвященный Максиму Горькому.

Музейная витрина «Всегда своевременный Горький» состоит из четырех полок, каждая из которых раскрывает определенный аспект жизни и творчества писателя.

Так, на первой полке расположены экспонаты, которые помогают создать первое впечатление о писателе. Прежде всего, это статуэтка М. Горького (изделие Ленинградского фарфорового завода) и статуэтка самого узнаваемого из его образов – Буревестника. Колорит

горьковской эпохи воплощают такие экспонаты, как подсвечник, старинные часы. Неповторимые приметы времени запечатлены в экспонатах второй полки. Это аксессуары старины, символизирующие писательское творчество: чернильница с пером, а также писчая бумага старого образца, на которой размещен отсканированный текст рукописи Горького с его автографом.

Горький был знаковой фигурой советской эпохи. Его имя до сих пор носят бесчисленные библиотеки, школы, театры, улицы. Образ «основоположника социалистического реализма» отражен в фалеристике и филателии. Рядом с еще одной статуэткой писателя (изделие Ленинградского фарфорового завода), позолоченным барельефом, юбилейной монетой с его изображением находится коллекция значков и созданный дизайнером центральной библиотеки отрывной календарь с цветными репродукциями марок.

М. Горький, как известно, много лет провел за пределами России и пользовался заслуженным авторитетом у зарубежных собратьев по перу. Об этом напоминает расположенный на этой же полке фотоколлаж «М. Горький и корифеи западной словесности», где можно увидеть репродукции фотографий русского писателя с Р. Ролланом, С. Цвейгом, М. Твенном, Г. Уэллсом. Здесь же представлены фотографии ростовских горьковских мест.

Третья полка музейной витрины посвящена горьковским художественным образам. Здесь находятся видеокассеты, DVD-диски со спектаклями и кинофильмами по мотивам произведений классика, фотографии знаменитых актеров в образах горьковских героев. Важное место занимает буклет «Горький на подмостках Ростовской сцены» – информационное пособие, подготовленное сотрудниками читального зала центральной библиотеки. Обращает на себя внимание фото довоенного здания Ростовского академического театра драмы им. Горького.

Подлинным эксклюзивом всей горьковской экспозиции являются куклы, изображающие горьковских героев. В их создании приняла участие творческая группа методистов, дизайнеров и читателей ростовских библиотек. Для воплощения бессмертных образов Вассы Железновой, Клима Самгина и Старухи Изергиль были использованы обычные «барби», которые до неузнаваемости

преобразились благодаря фантазии креативного коллектива. Для кукол, изображающих Вассу Железнову (она, кстати, получилась очень похожей на героиню И. Чуриковой в одноименном фильме), Клина Самгина, были изготовлены костюмы и аксессуары, соответствующие моде российского среднего класса начала прошлого века. Также куклы были тщательно загримированы. Особенно пришлось потрудиться над Старухой, потому что обезобразить юную красотку-«барби» оказалось совсем не простой задачей. Труды коллектива не прошли даром. Самой интересной и эксцентричной фигурой получилась именно она – героиня популярного горьковского рассказа. Облаченная в разноцветные, ветхие лохмотья, кукла, изображающая Старуху Изергиль, в своем отталкивающе-притягательным облике таит некую темную загадку. Значимо, что в создании образа этого харизматичного персонажа учитывалась ее портретная характеристика, данная в тексте произведения: седые космы, выбившиеся из-под красной косынки, старческое осунувшееся лицо, черные провалы подслеповатых глаз...

На четвертой полке горьковской экспозиции представлены редкие книги Горького из фондов центральной библиотеки. Среди раритетных изданий здесь можно увидеть трехтомник писателя, подаренный центральной библиотеке старейшим библиотекарем Дона И.П. Кисляковым, два романа «Дело Артамоновых» (один выпущен в печать в 1938 году, другой – немецкоязычное издание). Важными экспонатами этой полочной экспозиции являются также копия горьковского членского билета Союза советских писателей, очки старинной модели, похожие на те, которые носил Алексей Максимович.

Бесценным свидетельством горьковской эпохи можно считать и представленную здесь газету «Правда» 25 сентября 1932 года, посвященную сорокалетнему юбилею литературной деятельности писателя.

Важно заметить, что процесс

создания горьковской экспозиции всецело захватил коллектив библиотечных работников. Благодаря творческому энтузиазму заведующей организационно-методическим отделом Антонины Анатольевны Поповой на сайте антикварных вещей Молоток.ru были приобретены настольная медаль, юбилейный рубль, скульптуры Ленинградского фарфорового завода, коллекция значков и т.д.

Составляющей частью мемориальной выставки «Всегда своевременный Горький» являлась размещенная в оконном проеме трехмерная композиция «Песня о Буревестнике» (по мотивам хрестоматийного горьковского произведения). Образ Буревестника выбран не случайно, потому что именно он является в поэтике Горького самым узнаваемым и наиболее полно отражает художественно-философскую концептуальность горьковского творчества. Макет птицы, прикрепленный в оконном проеме, выполнен в технике папье-маше. Задрапированная в виде волн двухцветная ткань (на ней можно увидеть «брызги морской пены» – результат использования аэрозоля «Сухой снег») окружает макет скалы. В целом, композицию можно считать яркой иллюстрацией к известным строкам: «Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный».

Горьковская символика отражена и в переносной рекламной конструкции, установленной у входа в библиотеку. На центральном щите трехстороннего штендера изображены графический портрет писателя и силуэт Буревестника, окруженные облаками, сквозь которые пробиваются лучи солнца. Общее цветовое решение иллюстративного щита штендера (преобладает романтическая бирюзово-бежевая гамма) намекает на возможность нового осмысления «забронзовелых» образов.

Центральная библиотека им. Горького всегда являлась благодатным пространством для самопрезентации творческих личностей. Третья музейная витрина – «Автографа таинственная вязь» посвящена донским мастерам художественного слова. Здесь можно увидеть их книги с автографами. Этот блок экспозиции тоже непосредственно связан с Горьким.

Наибольший интерес представляет первая полка, экспонаты которой снова возвращают нас к имени Горького. Не будет преувеличением сказать, что культовый пролетарский писатель непосредственно стоял у истоков современной ростовской литературы. Приехав в очередной раз в Ростов в 1929 году, Алексей Максимович с большим удовлетворением отметил тот заметный творческий потенциал, который угадывался в представителях молодой литературы южного города. (С одним из ростовских начинающих писателей – Павлом Максимовым – Горького связывала многолетняя переписка). Максим Горький побывал на Сельмашстрое (ныне – знаменитый завод Ростсельмаш). Приезд писателя послужил импульсом к активности молодых талантов. Вскоре после отъезда Горького при заводе возникла литературная группа «Ростсельмаш», которая существует и по сей день. Ее участниками были такие знаменитости, как Анатолий Софронов, Даниил Долинский, Борис Примеров. Обо всем об этом рассказывают представленные экспонаты: книга П.

Максимова «Воспоминания о Горьком», сборник произведений поэтов литературной группы «Ростсельмаш» «Мы жили в этом городе...», копия фотографии «Горький с группой ростсельмашевцев в цеху завода».

Выставочный комплекс «Нашей истории строки» вызвал большой интерес у городской общественности. О нем писали такие ростовские периодические издания, как «Вечерний Ростов», «Антенна-«Ростов-на-Дону». Высокую оценку выставочному комплексу дала начальник управления культуры г. Ростова-на-Дону Л. П. Лисицына. По ее мнению, мемориальная экспозиция «Нашей истории строки» явилась чрезвычайно актуальным и своевременным событием в преддверии осуществления долгожданного для культурного сообщества города проекта – открытия музея истории Ростова-на-Дону.

В день юбилея Алексея Максимовича Горького 28 марта 2013 г. на абонементе центральной библиотеки был проведен день творческого общения «Музейно-мемориальный компонент библиотечной деятельности: актуальность, тематика, методика», где состоялась презентация экспозиции для работников ЦБС.

Неожиданной кульминацией этого мероприятия стало выступление заведующей библиотекой им. Куприна Анны Николаевны Рысистой. Воистину, ее рассказ явился для работников Ростовской ЦБС маленькой сенсацией.

Анна Николаевна рассказала потрясающую историю, в которой удивительным образом оказались сплетены судьбы простых русских людей и великого писателя.

Предтечей исследовательской работы А. Н. Рысистой стал ее интерес к собственной родословной.

Бабушка Анны Николаевны – Варвара Петровна Толстикова в 30-е годы являлась участницей литературного кружка иркутских пионеров «База курносых». Активисты этого литературного объединения были приглашены в 1934 г. в Москву на открытие Первого съезда писателей СССР и лично общались с Максимом Горьким.

Почему же пионерам из далекой Сибири была оказана столь высокая честь?

Дело в том, что участники литературного кружка явились авторами первой в СССР книги, написанной детьми. Книга эта называлась – «База курносых. Пионеры о себе». Благословил ребят на такое большое дело их литературный руководитель – поэт И. И. Молчанов-Сибирский (он, кстати, впоследствии стал тестем знаменитого писателя – Валентина Распутина). В книге ребята живо и ярко описали свою жизнь, рассказали о себе, о школе, пионерских лагерях, Сибири. Каждый такой рассказ стал главой книги. «База курносых. Пионеры о себе» вышла из печати в Иркутске в 1934 году и вызвала большой читательский интерес. Книга читается с не меньшим интересом и сегодня, через семьдесят лет. Сквозь идеологию, которую сметает всесильное

время, проступает вечное: настоящая дружба, взаимная помощь ребят, их стремление к прекрасному в природе, литературе, жизни.

Коллективный труд ребят оказался замеченным самим Максимом Горьким. Известный писатель в статье «Мальчишки и девчонки» (в газете «Известия») высказался так: *«Получил и прочитал вашу книжку «База курносых». Очень интересная книжка, ребята».*

Горький пригласил детей и их руководителей – И. И. Молчанова-Сибирского, пионервожатую Галину Кожевину – на Первый съезд писателей. После съезда они побывали на даче писателя, встретились с Л. Кассилем, С. Маршаком.

Встречу с великим писателем ребята описали в вышедшей после смерти Алексея Максимовича второй книге – «В гостях у Горького».

Важно отметить и то, что опыт ребят из Иркутска получил распространение. Вскоре пионеры из Томска, Свердловска, Челябинска занялись коллективным писательским творчеством.

Как же сложилась дальнейшая судьба пионеров «Базы курносых»?

Все мальчики прошли суровыми дорогами Великой Отечественной войны. Среди «курносых» были и свои знаменитости. Так, Ариадна Манжелес, которой Горький в своё время напророчил судьбу художника, стала известным скульптором.

Самое интересное, что была написана и третья книга. В 1988 году вышло в свет коллективное сочинение «Это в сердце было моим. Рассказывают курносые», посвященное полувековому жизненному и творческому пути легендарных «курносцев».

Есть во всей этой истории некое загадочное обстоятельство. Почти через четыре десятка лет после смерти Горького юные литераторы из Иркутска вдруг получили его второе письмо, которое, как оказалось, ещё с 1934 года по неизвестным причинам лежало в архивах. Это послание, воистину, потрясает искренностью, душевностью, затаенной сердечной болью. «Весной этого года у меня умер сын, талантливый парень, – пишет Горький. – Это был весьма крепкий удар по сердцу мне. Но я вытерпел его бодро, потому что знаю: есть немало ребят дорогих мне, любимых мною. Затем приехали вы. Очень вовремя, ребята, очень подбодрил меня ваш приезд, ваши весёлые, умные глаза. Ну ладно. Перестану «объясняться в любви», а то засмеёте старика, вы, сибирские зверюшки».

Память о «Базе курносых» не канула бесследно в Лету. На здании Иркутского профессионального училища-интерната для инвалидов по улице Володарского 13 октября 1983 г. была установлена мемориальная доска из темно-розового мрамора с гравированным текстом: «Здесь в 1933 году под руководством поэта И. И. Молчанова-Сибирского был создан первый в нашей стране пионерский творческий коллектив «База курносых», написавший книги «Пионеры о себе» и «В гостях у Горького». Кружок работал с 1934 г. по 1936 г.». Здесь же, в Иркутске, к пятидесятилетию выхода первой книги «База

курносых» на пересечении улиц Ленина и Горького был установлен памятник Максиму Горькому.

Горьковская тема вплетается красной нитью в канву многих мероприятий центральной библиотеки.

Так, герои произведений Максима Горького стали активными участниками акции «Библионочь-2013». Клим Самгин, цыганка Рада, Босьяк – (их сыграли активисты городской общественной организации «Я – волонтер», костюмы были самые настоящие – их взяли в костюмерной драматического театра им. Горького) раздавали на улице перед библиотекой рекламные буклеты, во время торжественного открытия играли со зрителями в блиц-викторину «закончи цитату», участвовали в буккроссинге, и наконец, во время церемонии «Торжественное подведение итогов читательского марафона «Моя book-симпатия» награждали грамотами лучших читателей. Многие гости «Библионочи» с удовольствием фотографировались с горьковскими персонажами.

«Там, где был и не был Горький» – так назывался вечер интеллектуального общения, который в рамках «Библионочи-2013» организовал отдел литературы на иностранных языках центральной библиотеки. Участники мероприятия, преподаватели и студенты факультетов иностранного языка, совершили виртуальное путешествие «М. Горький за рубежом», участвовали в электронной викторине «Литературная Европа горьковских времен». Также на этом вечере состоялась презентация дайджеста «Горький и Германия», созданного работниками отдела. Ценность этого издания заключается в том, что оно содержит немало интересной информации, касающейся писателя: небольшие статьи о пребывании Горького в Германии, список имеющихся в фонде отдела произведений Горького на немецком языке, обзор ресурсов Интернет, связанных с горьковской тематикой (особенно интересна информация о немецкоязычном сайте «Неизвестный Горький»). Пожалуй, наиболее интересная страница издания – цитаты Горького на немецком языке. Дело в том, что сотрудниками отдела незадолго до «Библионочи» был проведен конкурс среди молодых переводчиков и студентов иностранных факультетов. Участникам этого необычного состязания было поручено сделать перевод нескольких хорошо известных русскому читателю, но не переведенных на немецкий язык горьковских афоризмов. (Трудно представить, но такие хрестоматийные выражения, как «Рожденный ползать, летать не может», «Любите книгу – источник знаний» вовсе незнакомы немецкому читателю). Лучшие переводы были опубликованы в дайджесте.

Значимым событием для ЦГБ им. Горького в 2017 году стало торжественная передача мемориальной доски с ростовского дома, где в 1891 году жил Максим Горький.

28 марта, в преддверии 150-летнего юбилея писателя в будущем году, представители Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры вручили старейшей библиотеке города замечательный раритет. (Необходимо пояснить, что бывший ночлежный дом, находящийся на пересечении пр. Ворошиловский, 5 и ул. Донской, 65, был снесен в 90-е

годы прошлого века, а мемориальная доска, считавшаяся долгое время безвозвратно утерянной, находилась на хранении у председателя Общества охраны памятников А. О. Кожина). Присутствующие на мероприятии журналист А.М. Оленев и краевед Л. Ф. Волошинова выразили уверенность, что артефакт ростовского периода жизни А.М. Горького займет почетное место в музейной экспозиции библиотеки и станет стимулом для новых краеведческих открытий.

Разумеется, работа с именем Максима Горького – это необозримое поле деятельности. В будущем предстоит еще немало сделать.

Прежде всего, необходимо расширять координационные взаимодействия. Это касается установления контакта с областными, российскими библиотеками, носящими имя Горького. В планы центральной библиотеки входит также возрождение взаимодействий с театром Горького с целью проведения совместных мероприятий.

Чрезвычайно важным направлением работы в ближайшем будущем станет создание виртуального мемориального музея «Открываем Горького» на сайте Ростовской ЦБС (donlib.ru).

С вершины XXI века, как с высоты птичьего полета, персона «буревестника революции» перестает казаться навязчиво политизированной, напротив, она выглядит притягательно ностальгической в своем трогательном устремлении воспеть красоту человеческого достоинства и внутренней свободы. И хочется верить, что мы, библиотекари, вносим весомую лепту в непростой процесс возвращения Максима Горького к читателю.

Кравченко М.В.,
зав. сектором организационно-методического отдела
ЦГБ имени М. Горького

**Сценарий торжественной передачи мемориальной доски дома, где
жил М. Горький
«Именем Горького названа...»**

Место проведения: абонемент ЦГБ им. М. Горького.

Время проведения: 28.03.17. 11:00

- Возложение цветов к памятнику – 27.03.17. 16:00

Оформление: *электронные презентации «Горький», «Горький. Программа ИНО», «Васса Железнова», «Горький в жизни донских писателей», «На подмостках ростовской сцены», «Экранизации произведений Горького»; музыкальные записи произведений Бетховена, Грига и Шалляпина, книжные выставки «Центральная библиотека г. Ростова-на-Дону – в профессиональных изданиях», тематические книжные выставки абонемента ЦГБ им. Горького.*

Ведущий – зав. абонементом ЦГБ им. Горького Дроздова Н.В.

Экскурсию проводит гл. библиотекарь абонемента ЦГБ им. М. Горького Г.А. Вертиева.

Перед мероприятием звучит музыка (фрагменты из произведений Бетховена и Грига), на протяжении всего мероприятия – электронные презентации «Васса Железнова», «Горький в жизни донских писателей», «На подмостках ростовской сцены», «Экранизации произведений Горького», «Горький», «Горький за рубежом».

Ведущий: Здравствуйте, дорогие друзья! Приветствую вас в стенах старейшей библиотеки города Ростова-на-Дону!

Сегодня по традиции мы отмечаем день рождения писателя, чье имя вот уже почти столетие носит центральная городская библиотека города Ростова-на-Дону.

На протяжении всей истории библиотеки имя А.М. Горького является ее культурным брендом, символом и отличительным знаком. И это далеко не случайно. Ведь личность Алексея Максимовича непосредственно связана с южной столицей. Позволю себе небольшой экскурс. Обратите внимание на экран. (3-9 слайды презентации «Горький»).

Максим Горький бывал в Ростове неоднократно. В 1891 году он работал грузчиком в городском порту. Жил в ночлежном доме старухи Леонтьевой. Некоторые исследователи утверждают, что странствия по донским степям стало источником вдохновения для создания цыганских образов ранней горьковской прозы, а опыт проживания в ростовской ночлежке отразился в бессмертной пьесе «На дне». Дважды Горький посетил донскую столицу в двадцатые годы прошлого столетия. Известно, что в последний свой визит Алексей Максимович вдохновил коллектив молодых

рабочих с завода «Сельмашстрое» на создание литературной группы. Литературное объединение «Ростсельмаш», участниками которого были в свое время такие знаменитости, как Анатолий Софронов, Даниил Долинский, Борис Примеров, существует и по сей день. И заседает оно в одной из библиотек Ростовской ЦБС.

Сегодня в Ростове-на-Дону о М. Горького напоминает многое. Это и памятник на набережной, и одна из центральных улиц, и драматический театр, и старейший городской парк и, конечно, Центральная городская библиотека.

(на протяжении всей вступительной речи ведущей – на экране электронная презентация «Горький»)

На абонементе ЦГБ создано мемориальное пространство «Горький – писатель необходимый сегодня», посвященное личности и творчеству великого писателя. Приглашаем вас совершить небольшую экскурсию.

Экскурсия по мемориальному комплексу «Горький – писатель необходимый сегодня».

Ведущий: В этом году день рождения Алексея Максимовича Горького для центральной библиотеки является особенным. Сегодня мы являемся свидетелем выдающегося события.

Ростовское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры решило преподнести в дар нашей библиотеке исключительный раритет – мемориальную доску дома, где жил в 1891 году писатель. Предоставляю слово представителю Общества охраны памятников, журналисту Александру Михайловичу Оленеву.

Выступление представителя Общества охраны памятников А.М. Оленева.

Ведущий: А сейчас произойдет кульминационное действие нашего мероприятия – торжественная передача мемориальной доски.

Передача доски представителю ЦГБ им. М. Горького.

Ведущий: С первых лет своего существования ЦГБ им. М. Горького активно работала с именем писателя, которого Д. Быков назвал «русским прозаиком XX века первой десятки».

В настоящий момент в центральной городской библиотеке реализуются локальные проекты: «Горький за рубежом» «Музыка в жизни и творчестве М. Горького», «Читая Горького сегодня». И сейчас о них расскажут наши коллеги, заведующие отделов ЦГБ им. М. Горького.

Выступление Селиной Л.А., зав. читальным залом, Евсеевой Т.И., зав. отделом литературы на иностранных языках (одновременно демонстрируются презентации «Горький за рубежом» «Музыка в жизни и творчестве М. Горького»).

Ведущий: Как подобает настоящей творческой личности, душевно богатой и одаренной эстетически, Алексей Максимович горячо любил и тонко чувствовал музыку. Особенно высоко ценил он творчество Людвиг ван

Бетховена и Эдварда Грига. Фрагменты произведений этих замечательных композиторов прозвучали в начале нашего праздника. А сейчас я предлагаю вашему вниманию русскую народную песню «Из-за острова на стрежень» в исполнении легендарного певца и большого друга Горького – Федора Ивановича Шаляпина.

Звучит запись «Из-за острова на стрежень».

Ведущий: Опыт работы ЦГБ им. М. Горького с титульным именем неоднократно был представлен на профессиональных форумах в Донской государственной публичной библиотеке, центральной библиотеке им. Чехова в г. Таганроге, а также в шести статьях различных всероссийских профессиональных изданий. Эти статьи сейчас вы видите на выставке «Центральная библиотека г. Ростова-на-Дону – в профессиональных изданиях».

Особенно отрадно и почетно для нас то, что в 2016 году проект «Имя Горького звучит в Ростове часто» занял 1 место в межрегиональном библиотечном Интернет-конкурсе «Их именами названы библиотеки», в номинации «Лучшая авторская работа по деятельности библиотеки, связанной с ее именем». Такая высокая оценка является наилучшим стимулом для дальнейшей деятельности.

Ведущий: Разговор на тему «М. Горький и Ростов-на-Дону» был бы неполным, если бы мы не обратились к большому знатоку истории донской столицы, краеведу, архитектору, поэту и другу всех ростовских библиотек – Любови Феоктистовне Волошиновой. Сегодня она у нас в гостях, и я рада предоставить ей слово.

Выступление Л.Ф. Волошиновой.

Ведущий: Уважаемые коллеги, гости праздника! Очень хотелось бы, чтобы кто-то высказал свое мнение по поводу сегодняшнего события.

Выступление Ю.М. Новиковой, зав. сектором Читального зала ЦГБ им. М. Горького.

Ведущий: Наше мероприятие завершается. Однако работа с именем М. Горького будет продолжаться на новом этапе. И я думаю, что к грядущему 150-летию писателя мы достигнем новых вершин и открытий.

(музыка)

Кравченко М.В.,
зав. сектором организационно-методического отдела
ЦГБ имени М. Горького

Часть II

М. Горький и Ростовская писательская организация

С 1929 г. ростовскую писательскую организацию возглавляли бывшие рабкоры: с января — Александр Иванович Бусыгин, а с марта 1931 г. — Илларион Николаевич Стальский, ставшие к тому времени писателями. К концу 20-х — началу 30-х годов окрепли международные связи СКАППа, в Москве и Ростове были напечатаны очерки В. Ставского «Станица» и пьесы И. Стальского «Черный дым», «Любовь в упряжке». В журнале «На подъеме» начал публиковаться роман Г. Шолохова-Синявского «Крутии», отдельными изданиями вышли сборники рассказов о советском рабочем классе А. Бусыгина, были напечатаны сборники стихов Г.

Каца, В. Варганова, В. Жака, Л. Шемшелевича, П. Хромова, А. Гарнакерьяна. Большую популярность приобрели очерки П. Максимова о строительстве социализма на Северном Кавказе. Они печатались в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Молоте», в журналах «Наши достижения», «На подъеме», «Октябрь», «Красная новь», «Советский Северный Кавказ».

В эти годы П. Максимов и И. Стальский ведут оживленную переписку с А.М. Горьким, который помогал молодым писателям Ростова выработать свой литературный стиль и определить свое место в борьбе народа за новую жизнь.

Начало знакомства П. Максимова с А.М. Горьким относится к 1910 г. Рассказы А.М. Горького «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Дед Архип и Ленька», «Челкаш», «Коновалов» и другие покорили воображение сына бедного грузчика, мечтавшего стать писателем, но лишенного возможности учиться. Биография автора рассказов ошеломила П. Максимова, и он, по примеру А.М. Горького, пошел странствовать по Руси. «Вглядываясь в одесском порту в фигуры босяков, — рассказывает П. Максимов, — я думал о возможной встрече с Челкашом. Толкаясь среди рыбацких ватаг на берегу Каспия — близ Петровск-порта, искал глазами Мальву»¹. Размышляя о трагической судьбе людей «дна общества», увиденных во время странствия, П. Максимов обращается к А.М. Горькому со своим первым письмом, положившим начало их знакомству. «...Зачем зовете в босяки? — писал он, — ничего хорошего в их жизни нет, это несчастные, пропащие люди»². Вскоре пришел ответ. «Милый юноша — в письме Вашем много лишнего, задорного, несправедливого, но мне кажется — это хорошее письмо честного человека...

¹ П. Х. Максимов.

² Там же, стр. 8.

Все, о чем Вы пишете, было когда-то пережито мною и памятно мне, сиживал и я, раздавленный, в уголку, когда вокруг меня говорились громкие речи, спрашивал и я себя — кто я и зачем... Я советую Вам — учитесь. Учитесь настойчиво, упорно, всегда. Читайте серьезные книги — я очень рекомендовал бы Вам Ключевского — «Историю», Милюкова «Очерки по истории русской литературы». Эти книжки скажут Вам, кто Вы исторически, чем Вы были в прошлом, о Ваших предках, может быть, укажут и на то, чем Вы должны быть теперь»³. Далее А.М. Горький писал о том, что его хождение по Руси было вызвано не стремлением к бродяжничеству, а желанием видеть жизнь, узнать людей и найти тех из них, которые украшают жизнь, — людей действующих и активных.

Поняв, что он имеет дело с молодым и малокультурным человеком с городской окраины, А. М. Горький в первую очередь стал заботиться о повышении его культурного уровня. В каждом письме настойчиво советовал он П. Максимову учиться, побольше читать книг по различным отраслям знаний. «Брюсова, Блока, Бальмонта и вообще новых поэтов не спешите читать. Сначала хорошенько ознакомьтесь со старыми — Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом, Фофановым. Вербицкую — тоже можно не читать. Вы уж и теперь зрелее и серьезнее ее. Ремизов Вам не понравится. Кузьмин, вероятно, тоже - все это лучше потом прочтите, заложив прочный фундамент старой литературой. «Всемирной истории» хорошей — нет у нас; я бы рекомендовал Вам вот что: возьмите в библиотеке Вебера и читайте его том за томом, а вместе с ним — древних писателей Геродота, Тацита, Фукидида и новых — Момзена «Историю Рима», Белоха «Историю Греции», Ренана «Историю Израильского народа». А по всемирной географии — возьмите Элизе Реклю, это с картинками. Если попадетсЯ Вам в руки книга Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» — хватайте и читайте внимательно. Необходимо — до истории — взять Тейлора «Первобытная культура», не найдете Тейлора, возьмите Липнерта, тоже «История культуры». Всегда предпочитайте толстую книгу — тонкой, а в истории — немцев и англичан — французам. Ключевского «Русскую Историю» надобно прочитывать. Много? Мало, сударь мой! То ли еще будет!»⁴.

А.М. Горький интересовался жизнью молодого автора, неоднократно присылал большое количество книг по самым разным вопросам истории литературы и искусства, настоятельно рекомендовал ему попробовать свои литературные способности в описании небольшого события. «Читайте, учитесь и — пробуйте писать, как раз время... Вот попробуйте-ка написать, как Вы шли в Св. горы, кого встретили дорогой, что больше всего задело при встречах, какие пятна наиболее сохранились в памяти и т. д. — все, весь поход. И пришлите мне посмотреть», — советовал А.М. Горький⁵.

³ Там же, стр. 10.

⁴ М. Горький. Собр. соч., т. 29. М., ГИХЛ, стр. 175.

⁵ Там же, стр. 169.

Узнав о том, что П. Максимов начал писать повесть «Юность», А. М. Горький в письме от 10 сентября 1911 г. обратился к нему с просьбой прислать то, что уже написано.

Переписка П. Максимова с А. М. Горьким длилась с перерывами более четверти века. П. Максимов рассказывает, что эта долголетняя переписка была для него своеобразной литературной школой. А. М. Горький руководил его самообразованием, учил реалистическому изображению жизни и художественному мастерству. Он был строгим и требовательным учителем. Суждения его о первых литературных опытах П. Максимова порой бывали резки. Вот как писал А. М. Горький летом 1912 г. о рассказе П. Максимова «Женитьба», где герой был «якобы революционер», а язык и стиль произведения отличались примитивностью:

«Вам еще рано писать такие вещи, ибо сложности и глубины вопросов, задетых Вами, вы не понимаете, отчего Ваш анархически настроенный герой все время говорит глупости и пошлости, извлеченные им из плохо прочитанных книжек...— Не сердитесь и бросьте пустяки. Надо учиться»⁶. К этому письму был приложен и текст рассказа со стилистической правкой А. М. Горького.

Связь П. Максимова с А. М. Горьким окрепла в годы издания журнала «Наши достижения», который благодаря редакторской деятельности А. М. Горького стал одним из наиболее популярных журналов того времени. В наши дни он является летописью достижений советского народа в выполнении первых пятилетних планов.

С 1929 г. по предложению А. М. Горького П. Максимов становится постоянным сотрудником журнала и продолжает учиться художественному мастерству у великого писателя.

В конце 20-х годов перед советской литературой и журналистикой встала сложная задача: рассказать, как на месте прежней, экономически отсталой России рождалась новая индустриальная Советская держава. Нужен был подвижный публицистический жанр, который давал бы возможность своевременно откликаться на злободневные вопросы жизни, ставить и решать важные общественные проблемы, волнующие читателей.

Таким жанром явился очерк. Молодым очеркистам, пришедшим в литературу через рабселькорское движение и сотрудничество в газетах, нужно было учиться для того, чтобы бороться с ошибочными, а порой и враждебными советскому искусству теориями. Многим молодым журналистам и писателям не хватало политической подготовки, специальных знаний, а также художественного мастерства.

Редактируя «Наши достижения», А. М. Горький спланировал вокруг журнала лучших писателей и журналистов, воспитывал рабселькоров. Письма А. М. Горького к П. Максиму — одна из интересных страниц этой работы.

⁶ Там же, т. 30, стр. 128.

Она рассказывает о том, какое значение придавал А. М. Горький очерку и как учил он молодых писателей искусству его создания.

А. М. Горький призывал журналистов быть разведчиками нового в жизни советского народа, быстро откликаться на это новое, рекомендовал делать в очерках упор на жизненные события. «Ваш очерк, — писал он П. Максиму о «Гизель-доне», — весьма ценная вещь, ибо он рассказывает об Удивительном факте личной инициативы, но форма очерка тону и типу журнала не отвечает! Разрешите просить Вас изменить очерк, уничтожьте «беллетристику», описательную его часть, и погуще подчеркните факт — личную инициативу Байматова, укажите на препятствия, которые ему пришлось преодолеть... Перестроив очерк, пошлите его: Москва, Госиздат, «Наши достижения»⁷.

Неправильно поняв слова Алексея Максимовича о роли описаний в очерках для журнала, П. Максимов в письме к Горькому выразил опасение, не будут ли очерки без описаний природы и панорамы строительства слишком сухими. В своем ответе А. М. Горький еще раз разъясняет мысль, что очерки должны писаться образным, ярким языком, что они требуют «максимума изобразительности и минимума диалогов. «Описание, — напоминал он, — вовсе не исключает художественной изобразительности, а в данном случае оно требует именно этого»⁸.

Очерк «Гизельдон» был переработан автором и напечатан в журнале «Наши достижения».

Должность разъездного корреспондента газеты позволяла П. Максиму знакомиться с тем, что дал народу социализм. Молодой писатель сопровождал правительственную комиссию во главе с председателем Госплана СССР Г.М. Кржижановским, выезжавшую на водораздел между Волгой и Доном для выбора наилучшей трассы будущего Волго-Донского канала. Вместе с С.М. Буденнымзнакомился в Сальских степях с конными заводами, бывал на строительстве Гизель-Дона и Дигорского канала, Ростсельмаша, неоднократно выезжал в Кабарду, Чечено-Ингушетию. Все, что увидел П. Максимов, стало темой его очерков.

Очерк П. Максимова «По цехам Сельмаша» был высоко оценен А.М. Горьким, который писал автору: «Очерк о Сельмаше хорош. Попробуйте себя на беллетристике. Давайте картины о съездах, праздниках, очерки интересных встреч с новыми людьми».

Все очерки о строительстве социализма на Северном Кавказе вошли в сборник «Кавказ без романтики»⁹, рукопись которого автор послал А.М. Горькому. В газете «Культура и жизнь» от 27 марта 1958 г. впервые было опубликовано письмо А. М. Горького директору ГИЗа А.Б. Халатову. А.М. Горький писал ему из Сорренто о том, что необходимо знакомить массового

⁷ М. Горький. Собр. соч. т. 30, стр. 103.

⁸ Там же, стр. 106.

⁹ П. Максимов. Кавказ без романтики. Ростов-на-Дону, Севкавказдат, 1931.

читателя с культурной работой, которая велась в те годы в различных областях Советской страны, и предлагал ГИЗу издать ряд книг, рассказывающих о новой жизни советских людей. В этом письме А.М. Горький рекомендовал А.Б. Халатову издать книгу очерков П. Максимова «Кавказ без романтики»: «Вместе с этим письмом посылаю очерки Павла Максимова. Северо-Кавказский край. Они написаны вполне грамотно, охватывают почти весь край, сообщают много поучительного, интересного, читаются легко».

Развитие нашей страны по пути строительства социализма в конце 20-х – начале 30-х годов сопровождалось не только идейным и культурным ростом советского народа, но и обострением классово-борьбы. Великие начинания по реконструкции народного хозяйства, проводимые партией и правительством, встречали бешеное сопротивление со стороны врагов социализма. Шпионы, диверсанты, нэпманы, кулаки всячески пытались помешать строительству социализма в нашей стране. Пьесы электромонтера Первого Госкожзавода коммуниста И. Стальского отражают в литературе жизнь той поры.

Сын потомственного рабочего И. Н. Стальский пришел к созданию первых драматических произведений через активную рабкоровскую деятельность в газете. Его наставником был также А.М. Горький. Участие великого пролетарского писателя в литературной судьбе начинающего драматурга — заводского рабочего — ободрило молодого автора и в значительной степени сломало безразличное, высокомерно-небрежное отношение к его творчеству некоторых работников театра. «Вдохновляющая оценка моих произведений, — рассказывает И. Стальский, — ясные, конкретные советы и указания, что следует сделать, чтобы пьесы стали «гораздо лучше», а главное, предложение Горького побольше работать над собой и «побольше писать» звучали для меня наказом, благословением. Вдохновляющим напутствием всегда будут для меня звучать последние слова его писем: «Всего доброго, товарищ»¹⁰.

И. Стальский читал произведения А. М. Горького, учился по ним искусству художественного слова, тщательно следил за всеми выступлениями своего великого учителя о задачах советской литературы и месте писателя в борьбе народа за новую жизнь. Горьковская мысль о том, что советский писатель должен «изучать, оформлять, изображать и тем самым утверждать новую советскую действительность», стала идейным принципом молодого драматурга. Вот что писал И. Стальский о задачах советского писателя в журнале «На подъеме» в 1930 г. в период работы над первыми крупными произведениями: «Пролетарский писатель в первую очередь должен разрабатывать темы, организующие волю пролетариата вокруг задач социалистической стройки. Пролетарский писатель должен поднять красный сигнал, обязывающий максимально повысить классовую бдительность. Пролетарский писатель должен помочь отсталому рабочему разобраться в

¹⁰ Цит. по воспоминаниям об А.М. Горьком, написанным И. Стальским по просьбе автора настоящей работы.

обстановке, показать стремительный рост социалистического строительства, в процессе которого вполне естественны некоторые трудности, помочь преодолеть эти трудности. Чтобы идти в ногу с сегодняшним днем и уметь увидеть завтра, пролетарский писатель должен быть застрельщиком и проводником всех новых начинаний»¹¹.

Первые крупные пьесы И. Стальского «Черный дым», «Любовь в упряжке» посвящены «его величеству рабочему классу». Создавались они в то время, когда вместе с грандиозной реконструкцией народного хозяйства начало изменяться отношение людей к труду и социалистической собственности.

По поводу пьесы «Черный дым» А. М. Горький писал автору из Сорренто: «Черный дым» — пьеса, на мой взгляд, интересная и сделана довольно живо. Следует хлопотать, чтобы ее поставили на сцене, но для этого сезона она, вероятно, уже запоздала. Поставить ее будет нелегко, уж очень много действующих лиц. Что мне с нею делать? Послать в Госиздат с предложением напечатать? Наверное, редакторы театрального отдела в ГИЗе укажут Вам, что некоторые действующие лица — лишние, сцены растянуты и пьесу надо сократить... мне тоже кажется, что пьеса длинна. Надо переменить фамилию Ковняков — нехорошо звучит. Всего доброго, товарищ. Жду ответа: посылать ли пьесу в ГИЗ? А. Пешков. 16.3.29 года. Сорренто». Замечания помогли молодому драматургу доработать пьесу. Через месяц он отослал ее А.М. Горькому, который отвечал: «Рукопись я отправил в театральный отдел Госиздата. Во второй половине мая буду в Москве, справлюсь о пьесе и напишу Вам. Привет. А. Пешков». Вскоре пьеса «Черный дым» была издана Госиздатом в Москве и поставлена во многих театрах страны.

Успех «Черного дыма» воодушевил автора. К весне 1930 г. он закончил комедию «Любовь в упряжке». Горький писал о ней: «Пьеса не плохая, но может быть сделана гораздо лучше. Недостаток ее: длинна. Если ее станет сокращать режиссер, он Вам много напортит. Лучше сократите своей рукой — на всем протяжении, выкидывая отдельные слова, фразы. Вычеркните монологи, например, монолог Фени в 4-ой картине 2-го действия. Монолог — это фальшь. Никто, кроме умопомешанных, не разговаривает сам с собой. Феня написана Вами слишком грубо, — женщина вовсе не виновата в том, что она похотлива, обыкновенно в этом повинен мужчина, развративший ее. По материалу пьеса близка комедии. Вам следует увеличить в ней комический элемент. Вы этого достигнете, сделав Феню бойчее, ловчей, менее грубой. Шпака — еще более наивным, Бугая — смешней. Веселее разыграйте эпизод соглашения Мани с Речкиным. Вам надобно побольше работать над собой, побольше писать, читать, Шекспира

¹¹ «На подъеме», 1930, № 3, стр. 168-169.

читали? Почитайте. Особенно — его комедии. Всего доброго. А. Пешков. 26.5.30 года»¹².

И. Стальский учел советы Горького, и в 1931 г. пьеса с успехом шла во многих театрах страны.

Гордеева Н.М.
«Литературный Ростов 20-х годов», 1967г.

Павел Максимов – писатель, публицист

Павел Хрисанфович Максимов родился в 1892 году в поселке Русском (на реке Миус), Куйбышевского района, ныне Ростовской области, в семье безземельного крестьянина. С восьми лет живет в Ростове. Здесь он учился в городском пятиклассном училище, в средне-техническом училище и один год в Педагогическом институте.

С 1910 по 1921 год работал в Управлении Северо-Кавказской железной дорог, занимая (разные конторские должности, а в 1922 году – в Дорпрофсоже Сев.-Кав. ж. д.

С 1922 г. П.Х. Максимов работал в органах печати: до конца 1927 г. в редакции Северо-Кавказской краевой газеты «Советский юг», в 1928 году в редакции газеты «Маяк», а после этого перешел исключительно на литературную работу.

Очерки П.Х. Максимова печатались в местных журналах «Лава», «На подъеме» и «Советский Северный Кавказ», альманахах «Литературный Ростов» и «Дон», а также в центральных журналах «Наши достижения», «Октябрь» и «Красная новь».

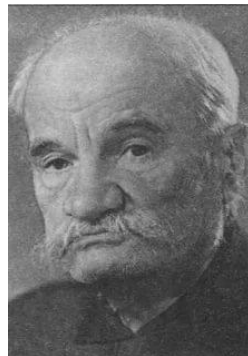
П.Х. Максимов много ездил по Северному Кавказу, бывал в национальных областях, собирал и обрабатывал адыгейский фольклор.

Адыгейские сказки в его обработке выходили различными изданиями в книгоиздательствах Ростова, Майкопа и Москвы.

В годы Великой Отечественной войны П.Х. Максимов ушел добровольцем в Красную Армию и в ее рядах прошел путь от Кавказа до Вены; работал как писатель в армейской газете, затем был политработником. Награжден орденом «Красной Звезды», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

¹² Письма А.М. Горького к И.Н. Стальскому. Государственный Ростовский-на-Дону областной краеведческий музей.

В творческой биографии П.Х. Максимова большую роль сыграла его переписка с Алексеем Максимовичем Горьким. Среди многих корреспондентов Горького был и юноша Максимов, как и многие молодые люди обратившийся к великому писателю с сомнениями, вопросами, на которые он сам не мог найти ответа. Переписка с Алексеем Максимовичем началась в 1910 году.

Воспоминания П. Максимова о Горьком, его переписка с Алексеем Максимовичем нашли свое отражение в ряде опубликованных им книг.

П.Х. Максимов — член КПСС с 1943 г., член ССП — с 1934 г.

Произведения

Что даст Волго-Дон. «Популярно-экономический очерк». Ростов н/Д., «Севкавказ», 1927. 48 стр.

Что должен знать о Волго-Донском канале каждый рабочий и крестьянин. («Основные сведения в общедоступном изложении»). Ростов н/Д., «Севкавказ», 1927. 32 стр.

Кавказ без романтики. Очерки. Ростов н/Д., Севкав-издат, 1931. 223 стр.

Аул Псыгансу. (Хроника). Ростов н/Д., Азчериздат, 1934. 194 стр.

Горские сказки. Предисл. М. Горького. Ростов н/Д., Азчериздат, 1935. 93 стр.

То же. Под ред. проф. Ю. М. Соколова. М., «Сов. писатель», 1937. 172 стр.

Адыгейские сказки. (Лит. обработка сказок для детей П. Максимова). Ростов н/Д., Азчериздат, 1936. 12 стр.

То же. (Перевод и лит. обработка П. Максимова, Т. Керашева), Майкоп, Адыгнациздат, 1946. 166 стр. (Адыг. н/исслед. ин-т).

То же. Перевод Т. Керашева, лит. обработка П. Максимова. Ростов н/Д., Ростиздат, 1955. 167 стр.

Адыгейские сказания и сказки. (В лит. обработке П. Максимова). Ростов н/Д., Азчериздат, 1937. 472 стр.

То же. С предисл. М. Горького. Майкоп, Адыгнациздат, 1952. 352 стр.

- То же. С предисл. М. Горького. Майкоп, Адыгнациздат, 1957. 323 стр.

Мишка из майкопских лесов. Истинное происшествие. Ростов н/Д., Ростиздат, 1938. 24 стр.

Кавказские рассказы. Ростов н/Д., Ростиздат, 1939. 212 стр.

О Горьком. (Письма А. М. Горького «встречи с ним»). Ростов н/Д., Ростиздат, 1939. 84 стр.

То же. Изд. 2-е, перераб. и доп. (Письма А. М. Горького и встречи с ним). Ростов н/Д., Ростиздат, 1946. 108 стр.

Воспоминания о Горьком. (Переписка и встречи). Изд. 3-е, испр. и доп. М., «Сов. писатель», 1956. 191 стр.

В первом разделе книги опубликованы воспоминания П.Х. Максимова о том, как зародилась его переписка с великим писателем, помещены письма, полученные им от А.М. Горького с острова Капри и из Петербурга в 1910-1916 годах, а также из Сорренто (Италия) в 1927-1928 гг. Здесь же рассказывает автор о своих встречах с Горьким в Ростове летом 1929 года и на Первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 году.

Во втором разделе опубликованы материалы о пребывании Горького в Ростовской области, на Кубани и Черноморье, о его работе грузчиком ростовского порта в 1891 году, о посещении им Сельмашстроя (строительство Ростсельмаша) и зерносовхоза «Гигант» в 1929 году.

В третьем разделе помещены материалы о встречах Горького со знатными людьми Дона и Кубани – с колхозным бригадиром Ириной Никульшиной и с одним из первых организаторов колхозов на Кубани – Софьей Иовной Гринченко.

Книга иллюстрирована фотоснимками.

Очерки

Город на Дону. «Дон», 1950, № 1, стр. 1-55. Очерк посвящен 200-летию Ростова-на-Дону – истории возникновения города и его развития. Рассказывается о быте и нравах Ростова «купеческого», о революционном движении среди ростовских рабочих, об окраинах Ростова-на-Дону, о Ростове советском, о коренных изменениях, происшедших в жизни города после Великой Октябрьской социалистической революции.

Великие перемены. (Из хроники Волго-Донского судоходного канала). «Дон», 1952, № 2, стр. 109-134.

Памятная встреча. Из воспоминаний об Ал. Фадееве. — «Комсомолец», 1957, 3 февр.

Критика

Горький М. Собр. соч. в тридцати томах. Т. 29: стр. 147-149, 155-156, 166-170, 173-176, 180-181, 199, 224-226, 237, 244-245, 286, 369, 539-540, 552, 560, 574, 578 и 619; Т. 30: стр. 45-46, 63-64, 103-104, 106-107, 111-112, 126-128, 147, 165-156, 158, 204, 460, 464, 465, 478, 481, 486, 491, 494 и 608.

На указанных страницах опубликованы письма Алексея Максимовича Горького к П.Х. Максиму. В ряде писем имеются высказывания Горького об отдельных очерках и рассказах писателя. (В газете «Сов. культура», 1958, 27 марта опубликовано письмо – «А.М. Горький к А.Б. Халатову. 10 января 1929 года, Сорренто», в котором великий писатель высоко оценивает очерки П.Х. Максимова).

Горький М. (Отзывы об очерках П. Максимова). В кн.: Максимов П. – О Горьком. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1946, стр. 38 и 44.

Горький М. Об адыгейских сказках. Предисловие к сборнику «Горские сказки». В кн.: Адыгейские сказания и сказки. Майкоп, Адыгнациздат, 1952, стр. 5.

Касторский С. Горьковские традиции в советском очерке. В кн.: «Горький и вопросы советской литературы». Л., «Сов. писатель», 1956, стр. 207-261.

На стр. 216, 128, 225 и 226 анализируются очерки П. Х. Максимова, подчеркивается их связь с горьковскими традициями.

Об отдельных произведениях.

Лысяков П. Мишка из майкопских лесов. – «Детская литература», 1939, № 4, стр.53.

Дмитриева Е. Кавказские рассказы – «Лит. обозрение», 1940, № 3, стр.17-18.

Демидов А. Адыгейские сказки. – «Молот», 1955, 6 сент.

Илларион Стальский – драматург

Илларион Николаевич Малыгин-Стальский родился 18 июня 1901 г. в г. Таганроге, в семье рабочего. По образованию – техник-металлист. С 1919 по 1931 год работал на таганрогских заводах - Русско-Балтийском (до 1923г.) и Большом кожевенном.

В 1920 году окончил Государственную студию драмы (режиссерское отделение) в Таганроге.

Литературную деятельность начал в 1919 г. со стихов, очерков, рабкоровских заметок, рассказов. С 1925 года работает, главным образом, в драматургии.

Алексей Максимович Горький ободрил и поддержал молодого пролетарского драматурга и своими советами помог ему доработать первые произведения (пьесы «Черный дым» и «Любовь в упряжке»).

В 1931 году Стальский был избран руководителем Сев.-Кав. краевой литературной организации и переехал в Ростов.

За 1933—1940 гг. им были написаны и шли в театрах пьесы: «Красивая женщина», «Сталевары», «Доблесть».

В 1933—1934 гг. И. Стальский заместитель управляющего трестом «Севкавкино», а с 1934 по 1941 г.— уполномоченный Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром.

В годы Великой Отечественной войны работал в армейской печати Южного и Закавказского фронтов, а после контузии – в Военном комиссариате Казахской республики в Алма-Ате.

В послевоенные годы Стальский – директор Ростовского драматического театра имени М. Горького, затем – председатель Ростовского областного комитета по радиовещанию.

И.Н. Стальский — член КПСС с 1928 г., член ССП с 1934 года.

Произведения

Свежий приток (пьеса в 1-м действии). Ростов н/Д., Севкавказдат, 1931. 15 стр.

Черный дым (пьеса в 4-х действ., 8-ми карт.). Ростов н/Д., Севкавказдат, 1931. 72 стр. (Новинки пролет, лит-ры Сев. Кавказа).

Любовь в упряжке (комедия в 4-х действ., 8-ми карт.). (Предисл. В. Ставского). М., изд-во «Федерация», 1932. 115 стр.

То же. Ростов н/Д., Азчериздат, 1937. 96 стр.

Пьесы: «Любовь в упряжке», «Черный дым», «Красивая женщина» (Предисл. Вл. Ставского). Ростов н/Д., Азчериздат, 1934. 272 стр.

Человек идет дальше (пьеса в 4-х действ.). В кн.: «Альманах писателей Азово-Черноморья». Ростов н/Д., Азчериздат, 1935, стр. 135—168.

Сталевары (пьеса в 4-х действиях, 9-ти картинах). В кн.: «Октябрьский альманах», Ростов н/Д., Ростиздат, 1937, стр. 230—290.

Доблесть (пьеса в 4-х актах). В кн.: «В эти дни». Ростов н/Д., Азчериздат, 1941, стр. 72—111.

Критика

Органищак Ян. О пролетарском драматурге Илларионе Стальском. – «На подъеме», 1930, № 10, стр. 170-182.

Морозов М. Новые пьесы о новом быте. – «Прожектор», 1931, № 20-21, стр. 22-23.

Ставский В. Предисловие. В кн.: Стальский И. «Любовь в упряжке». М., «Федерация», 1932, стр. 3-4.

То же, в одноименной кн. Азчериздат, 1937.

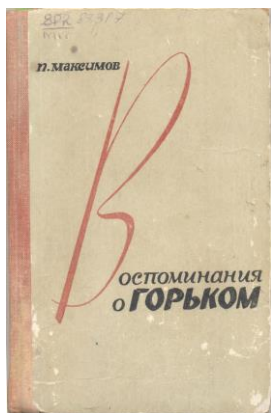
Максимов П. Окно в рабочий мир. (О пьесе И. Стальского «Любовь в упряжке»). – «На подъеме», 1938, № 3, стр. 124-129.

Линии Ан. Красивая женщина. (Новая пьеса И. Стальского). – «На подъеме», 1933, № 2, стр. 149-156.

Руманова Д.И.
«Писатели советского Дона», 1958 год.

Встреча с М. Горьким

В то время я работал в редакции ростовской газеты «Молот». Из Москвы, со съезда, вернулся редактор этой газеты.

Товарищи, — сказал он, — в одном поезде со мной, из Москвы в Харьков, ехал Горький. Я видел его несколько раз, когда он выходил из вагона на остановках. Постарел, щеки ввалились, но живой, бодрый... Из Харькова он поедет на Горловку. Это же совсем близко от нас. Надо его обязательно залучить в Ростов, послать телеграмму с приглашением. Сейчас пойду в крайком, нацсовет, горсовет...

Прошел день или два. Прихожу в редакцию.

Вы слышали? В шесть часов в Ростов приезжает Горький!

Это было 18 июля 1928 года.

Писатели и журналисты шумной группой двинулись к вокзалу. Туда же спешили колонны рабочих, — с оркестрами, со знаменами. Привокзальная площадь заполнилась народом.

Горький, Горький... — слышалось здесь и там.

Стало известно, что поезд сильно опаздывает. И ползти, ползти томительные минуты...

Мы прошли на перрон; там уже шумело людское море — пожилые рабочие, молодежь, дети... И все они — читатели Горького. Где и когда читатели так встречали писателя? Нигде, никогда!

... Паровоз вынырнул из-за поворота как-то неожиданно.

По перрону пробежал железнодорожник.

Во втором вагоне, во втором вагоне! — кричал он на бегу.

Окна вагонов проплыли мимо. Народ, колыхнувшись, устремился к голове поезда.

Поезд остановился. Где же Горький? Быстро скользнув глазами по окнам, я увидел в одном из них стриженую, седеющую голову, свисающие усы... И он, и не он — ни один портрет не дает живого Горького!

...Он смотрит из окна... Встречающие — в растерянном оцепенении. Он улыбается отцовской улыбкой. На нем фуфайка без воротника, в руке — янтарный мундштук с сигаретой.

— Алексей Максимович! — кричу снизу, подняв голову к окну. — Здравствуйте! Помните Павла Максимова, который писал вам из Ростова? Семнадцать лет тому назад началась наша переписка... Семнадцать!..

Кричать снизу было неудобно, неловко как-то. Алексей Максимович долго и внимательно смотрит на меня. У него большие

синие, цвета выцветшего сатина, глаза пожилого человека, без блеска, и по-стариковски добрые.

Алексей Максимович быстро подал мне из окна руку. Она была большая, мягкая.

Вот вы какой! — сказал он глуховатым баском... — Я вас почему-то не таким представлял...

Он говорил, заметно напирая на «о», как говорят волжане, и продолжал смотреть на меня, у А народ уже столпился у вагона, кричал «ура».

— Ничего, товарищ, они не опрокинут вагона, — шутливо сказал Алексей Максимович, обращаясь к стрелку железнодорожной охраны.

В вагоне вспыхнул электрический свет. Рядом с Алексеем Максимовичем показалось тонкое, бритое лицо его сына Максима; в соседнем купе были видны пассажиры, молодые рабочие.

— Вы не сойдете? — крикнул я Алексею Максимовичу. — Там, на площади, вас ждут рабочие.

— Не могу, — ответил Алексей Максимович, — еду в Баку этим же поездом.

— Тут близко... Только перейти через пути.

— Право, не могу.

— Скажите что-нибудь! — крикнул молодой голос.

— Да, хорошо вам... А каково-то мне? Я же не умею говорить, — ответил Горький.

— А писать, небось, умеете!

Горький смущенно улыбнулся.

Между тем в вагон вошли представители краевых и городских организаций и, видимо, стали приглашать Алексея Максимовича сойти. Повернувшись спиной к окну, Алексей Максимович развел руками и сдался. Сын Максим заботливо накинул пиджак на его плечи.

А молодежь продолжала кричать с перрона.

- Экая молодая страна! — с восхищением сказал Алексей Максимович, задерживаясь ласковым взглядом на молодых лицах.

Мешая друг другу, заиграли оркестры. Дальше я видел только стремительный людской водоворот на путях и сухошавую фигуру Алексея Максимовича, которая то скрывалась в толпе, то вновь появлялась. Мелькала его стриженная, тронутая сединой голова без шапки да высохшая, слегка сутулая спина. Вытянув руки из окон вагонов, аплодировали пассажиры.

Горького вели под руки. Он прикрывал ладонью рот и кашлял. В глазах его была растерянность и как мне показалось, страх...

В тот день не спрашивали перронных билетов: людской поток захлестнул контролеров.

... Очень высокий, тонкий человек в застегнутом на все пуговицы пиджаке поднялся на трибуну и порывисто вскинул руки, приветствуя народ. Он был еще крепок, только шея у него была стариковская, сморщенная. Народ был всюду: на площади, в окнах этажей, на крышах... Не верилось: но этот

человек был живой Горький. Он то опирался на перила трибуны, то нервно сжимал пальцы. Молчал, собирался с мыслями...

— Сорок лет тому назад я работал в этом городе, — напирая на «о», негромко начал Горький, — грузчиком на берегу работал... кожу, табак выгружали из турецких пароходов. Грязный, извините меня, был ваш город... Плохо платили рабочему человеку... и полиция была свирепая.

И словно вспомнив тяжелые времена, великий писатель, с совершенно обычным лицом трудового человека, красноречиво почесал за ухом. Мировая слава нисколько не испортила его: он, книги которого читают во всех странах мира, видимо, чувствовал себя на трибуне неловко, был явно смущен. Скажет, помолчит, опять скажет... Но постепенно голос его окреп, мысль бурно налетала на мысль.

— Я вот был на Днепрострое и еще побывал в разных местах... Вы — хозяева страны, вы! На себя работаете, а не на дядю! Иногда вы этого недооцениваете... Побережнее относитесь к себе, товарищи...

Выброшенная вперед рука красноречиво жестикулировала, пальцы то разжимались, то сжимались в кулак, бровь приподнялась, лицо пылало убеждением и страстью. Профиль лица четко рисовался в высоте.

— Привет! — закончил Горький, вскинув руки.

И, помолчав, добавил:

— Всего доброго вам, товарищи!

Ораторы говорили с трибуны о том, что Горький — великий, гениальный писатель, а сам Горький скромно стоял за их спинами, и будто совсем не замечал, что речь шла о нем. Фотограф уже прижал его к барьеру, местный «король репортеров» упорно напирал на него и совал ему в руки блокнот и карандаш. Взяв блокнот, Алексей Максимович написал: «Привет «Молоту» и его читателям. М. Горький». А «ура» все перекатывалось, и рассыпалось, и вновь клубилось, мешалось с музыкой.

Народ раздался. Взявшись за руки, открыли дорогу Горькому — славе и гордости русского народа, — чтобы он свободно мог пройти к вагону. И он, сутулясь и покашливая, бережно поддерживаемый под руки, шел этой живой аллеей, среди восторженных рукоплесканий и пылающих знамен.

Так и не удалось мне тогда поговорить с Горьким, — немисливо было сделать это в такой обстановке.

Горький – грузчик Ростовского порта (1891г.)

Он любил наш прекрасный юг. Еще в юности влекли его привольные донские и кубанские степи, Черноморье, Кавказ. Первые рассказы Горького овеяны воздухом южных степей. И на склоне лет, будучи уже прославленным писателем и вынужденно живя в Италии, вдали от родины, он радовался трудовым успехам Ростовской области, пристально следил за строительством первенца первой пятилетки — завода Ростсельмаш и достижениями сальского зерносовхоза «Гигант», его очень волновала проблема Волго-Донского канала.

Вернувшись в СССР, он в скором времени побывал на Ростсельмаше и в «Гиганте» и там же, в зерносовхозе, написал рассказ о «Гиганте» и его людях — пионерах нового, крупного социалистического земледелия.

Великий писатель лично знал наших знатных людей, горячо, дружески приветствовал их и вместе с ними радовался успехам самоотверженного социалистического труда в нашей стране.

В Ростове Горький был несколько раз.

Ранней весной 1891 года он ушел из Нижнего Новгорода странствовать пешком по России. «Хочу знать Россию», — коротко объяснил он причину своего необычного путешествия. «Хождение мое по Руси было вызвано не стремлением ко бродяжеству, а желанием видеть, где я живу, что за народ вокруг меня», — писал он впоследствии о том же в первом письме ко мне.

Ему было тогда двадцать три года.

Он шел вниз по Волге, по ее правому берегу, до Царицына, здесь свернул вправо, прошел хоперские и донецкие станицы и через некоторое время прибыл в купеческий Ростов.

Впоследствии, в рассказе «Чужие люди», А. М. Горький писал, что уже в то время, в девяностые годы, он «собирал заметки на тему о людях, сознательно ушедших от нормальной жизни». По-видимому, делал он такие заметки и во время этого путешествия, полного встреч и ярких впечатлений, — копил богатый материал для будущих произведений. К сожалению, эти заметки погибли. «...Пакет, в котором хранились они, был отобран у меня при обыске и потерян в Петербургском жандармском управлении», — писал он. (Речь идет об обыске, произведенном у А. М. Горького в январе 1902 года в Риге.)

Придя в Ростов, он направился в порт — заработать на хлеб.

Тогдашний Ростов был полон социальных контрастов, характерных для капиталистического города: с одной стороны — промышленники и купцы, ворочавшие миллионами, с другой — нищета, разорение трудовых слоев населения и характерное для тогдашнего Ростова обилие люмпен-пролетариата.

Это было в страшном 1891 голодном году. Тысячи истощенных людей — крестьянская беднота из центральных голодавших губерний — двигались в хлебные места — на Дон, на Кубань... «До ужаса много было людей, искавших куска хлеба в этот тяжелый год», — вспоминал впоследствии Алексей Максимович в рассказе «Мой спутник».

Ростов был забит голодающими. Рабочие руки были нипочем. За пятнадцать часов каторжного труда артельные старосты-кровососы платили грузчикам по полтиннику в день, сами наживали тысячи, — и жаловаться было некому: царская полиция свирепо расправлялась с недовольными.

«В самый разгар навигации заработная плата грузчика Ростовского порта не поднималась выше 75 копеек в день», — пишет один исследователь в своей книге о прошлом Ростова. «Даже спустя много лет, вспоминая о своем ростовском житье-бытье, А. М. Горький всегда с возмущением говорил об

этих 75 копеек, зарабатываемых путем нечеловеческого труда», — добавляет один из его биографов.

Устроиться на работу было трудно. Горькому помог случай: бродя по набережной Ростовского порта, он неожиданно встретился с неким Евгением Тросткиным, своим старым знакомым по Борисоглебску. Оказалось, что Тросткин, бойкий, грамотный человек, служил теперь маркировщиком в Ростовском порту — выводил кисточкой номера и надписи на мешках и ящиках с грузом. Он-то и помог Горькому — устроил его грузчиком в артель.

Это было в годы, когда купеческий, торговый Ростов бурно шел в гору. В его порту былолюдно, шумно. За навигацию проходило до трех тысяч судов. Среди них много иностранных, особенно турецких и греческих.

Но этот крупный, кипучий порт был в то время самым неблагоустроенным, и все погрузочные и разгрузочные работы в нем производились примитивным способом. Пристани, как и сейчас, находились на правом берегу Дона, на территории от железнодорожного моста до Богатяновского (ныне Кировского) проспекта. Собственно, никаких специальных пристаней в порту не было: шел обыкновенный, крутой, глинистый берег, и на нем не было никаких приспособлений для погрузки и выгрузки, никакого намека на механизацию этих работ.

И так как из-за мелководья суда не могли подойти к берегу, то всюду виднелись «поколья» (свайные причалы) или с берега далеко на пароход перекидывались дощатые шаткие мостки на козлах, и по этим мосткам шла погрузка и разгрузка — исключительно вручную.

Работа была тяжкая...

В 1938 году, в связи с семидесятилетием со дня рождения А.М. Горького и установлением мемориальной доски в Ростовском порту, где почти пятьдесят лет тому назад работал грузчиком великий писатель, представителями Областного бюро охраны памятников революции, искусства и культуры — Б. В. Луниным и другими — была организована встреча со старыми ростовскими грузчиками, работавшими в порту вместе с Горьким.

И вот что рассказали тогда потомственные пролетарии, старые грузчики, вся жизнь которых прошла «на берегу», в порту одного из крупнейших городов нашей страны — Ростова-на-Дону.

Приводим их рассказы по дословной записи Б.В. Лунина («Литературный Ростов», книга третья за 1939г., Ростиздат. Что в этих воспоминаниях правда и что «творимая легенда» — судить трудно. По поводу подобных воспоминаний, в том числе и воспоминаний одного бывшего ростовского грузчика, горьковед И. А. Груздев в своем труде «Горький и его время» (изд. «Советский писатель», т.1,1948, стр. 570-572) пишет, что «всегда находятся люди... которые любят пофантазировать». Из этого следует, что к некоторым из этих любопытных, но апокрифических воспоминаний о молодом Горьком следует относиться критически) и по другим материалам.

— Грузили пшеницу, ячмень, рожь, да и многое другое. Гавани не было. Подойдет баржа, ты по дощатому мосту и прешь с грузом. А он и гнется, и

грещит, вот-вот в воду свалишься... — вспоминают старые грузчики Павел Сергеевич Шулепа и Николай Иванович Потапов. — Работали у того, кто наймет, и работали «без часов по двенадцать, по четырнадцать часов шпарили, а то и просто «от солнца и до солнца». А зарабатывать в день 75 копеек и меньше; а то, бывало, и ничего не заработаешь. Приходилось бывать и безработными.

Вместе с другими грузчиками работал и парень с Волги, Алексей Пешков, выгружал сырые кожи, таскал на спине с турецких пароходов на берег громадные, десятипудовые тюки табака и получал, как и все грузчики, полтину в день.

Жизнь грузчиков была безрадостная, беспросветная. Ни столовых, где бы они могли пообедать по-человечески, никаких культурных развлечений в часы досуга, после тяжелого труда, не было.

Пошабашив, грузчики шли к «рундукам» (ларям), которые лепились тут же, вдоль берега, и от которых густо несло борщом, сальниками, требухой, разной немудрящей снедью, и обедали у торговков тут же, за рундуками, или прямо на земле.

Вместе с грузчиками обедал здесь и молодой Горький.

Жизнь у нас была темная... От самой зари и до позднего вечера спину гнешь, ног не чувствуешь, а там закусил, выпил и спать завалился. Соточку выпьешь, требухой закусишь, — вот тебе и жизнь вся. Помню, одного из нас корил как-то Пешков. «Вот бы, говорит, написать о вас, как вы живете», — вспоминает Павел Сергеевич.

— Не жисть была, а жестянка, — невесело ухмыльнувшись, кивает седой головой Николай Иванович. — Когда Пешков в порту работал, так многих зданий, которые теперь есть, еще не было. Хатенок разных до черта было, завалюшки всякие. Тут тебе и варят, и жарят, тут и драка, тут и пьяные спят... И главное — везде было одно и то же. Я и в Одесском порту работал, и в Новороссийском, а свету нигде не видел. Навигация кончится — в Майкоп едешь лес корчевать, к грекам нанимаешься на плантации, землю под табак копать, а то идешь к кулаку в станицу семечки тяпковать (полоть подсолнух). А потом — опять в порт грузчиком. Так и шла жизнь...

Жил Горький у известной среди берегового люда старухи Леонтьевны, в доме на углу Большого (ныне проспекта им. К. Маркса) и Донской улицы, на спуске к Дону, недалеко от порта. Это здание стоит и сейчас.

— В этом доме был как бы постоянный двор для нашего брата. Тут же и кабачок был. Двор содержала старуха Леонтьевна, полная такая женщина. Фамилии ее никто не знал, звали все Леонтьевной, — рассказывает старый ростовский грузчик Алексей Алексеевич Костромицкий. — У Леонтьевны народу страсть сколько перевидал я. К ней и из Тамбовской губернии, и из Пензенской, и откуда только люди не приходили. Все работу на Дону искали. Придет, бывало, новый парень к Леонтьевне и говорит: «Ты уж корми, матушка, пока на работу не поступлю». Леонтьевна и кормила его требушкой, да еще там чем, а потом, когда парень заработает, так она своего не упустит — втрое возьмет».

— В грузчики особенно шли те, у кого не было паспорта, — поясняет П. С. Шулепа. — Я вот тоже два года жил без паспорта, через то и пошел в грузчики, да так потом грузчиком и остался. Дашь «на лапу» городовому или писарю Филатову — они тебе и выправят паспорт. А без «лапы» — никак... Ну, да... «Волчков» (живших по волчьим билетам) было среди грузчиков много. Дом у Леонтьевны с виду был дом как дом, а внутри — вонь, чад — кухня внизу. Жили в доме и внизу, и наверху. Подвал — всегда битком набит народом — там были комнаты, где ночевало по двадцать и больше человек. Спали вповалку. Теснота, грязь, духота страшная... Наверху у Леонтьевны имелось несколько комнат получше, и народу в них жило поменьше — туда Леонтьевна пускала жильцов из тех, кто почище и не пьет сильно. Пешков жил сначала в подвале, а потом Леонтьевна перевела его наверх. Комнату, где жил Пешков, и сейчас могу указать — она на втором этаже, на угол выходит. После, когда мы узнали, что Пешков стал знаменитым писателем, революционером, мы в честь его стали называть ее «политической комнатой».

Много всякого люда перебивало в те годы в Ростовском порту, но грузчик Алексей Пешков — молодой Горький — выделялся среди всех.

В порту кого только не перевидаешь. Одни уходят, другие приходят. А Пешкова я запомнил. Он мне в душу запал. Парень был он необычайный, заметный, с большим понятием. «Как с работы придет, так и за газету, бумажки какие-то читает», — говорил А.А. Костромицкий.

Еще чем я запомнил Пешкова — что он шляпу всегда носил — шляпа широкая, немного набок... — улыбнулся Н. И. Потапов.

Да... И здорово дружили с Пешковым наши грузчики — Федоров Алексей Петрович и еще один, по прозвищу Гришка-Москва — фамилии его не помню, его так и звали: Гришка-Москва, и, кажется, служил он раньше матросом. Так они втроем вместе и были — вместе работали, вместе жили.

Правильно, Костромицкий, — подтвердил П.С. Шулепа. — Особенно дружил с Пешковым Федоров. Он, Федоров, так и льнул к Пешкову. Как-то мы посмеялись за это над ним, а он говорит: «Этот парень большой боец против царя будет». И после рассказывал, будто Пешков говорил ему: «Ничего, Федоров. Не все же будем, как свиньи, в одной комнате скопом жить, вечно пьяными быть. Здесь только по три койки должно стоять, а мы по десять человек ночуем. Но придет время — и пароходы, и амбары перейдут в руки

трудовых людей». И еще рассказывал Федоров: «Его, Пешкова, уже на другой день ребята приметили, что парень он сознательный, политический, и около Пешкова после работы всегда народ вертелся: он и газету прочитает, и расскажет что-нибудь хорошее, интересное». Ребята, особенно молодежь, так и льнули к Пешкову. Из конторы молодежь тоже приходила к нему. А у нас в порту было два городских: Афонин, с медалями на груди, за заслуги, и Скиба. Так этот Скиба сразу Пешкова на мушку взял, в подозрении держал, следил за ним. Бывало, остановит тех, с кем беседовал Пешков, и увещает: «С кем, варвары, связываетесь! С теми, которые высланы из других городов, бродят с волчьими билетами и смущают народ? Смотри мне!» Таких, как Пешков, Скиба прямо ненавидел. Идет как-то Скиба, а навстречу ему Пешков. «Опять ты здесь!» — закричал на него Скиба... Не лучше Скибы был Афонин. Пришел раз этот Афонин на постоянный двор и арестовал Пешкова, Перепелина Василия Тимофеевича и еще двух-трех молодых грузчиков. Ну, тут Федоров постарался ради своего друга: мигом собрал денег среди грузчиков, тут же сунули мы их Афонину, и он освободил арестованных.

Вот какой он был, Пешков... Заметный был (человек, да жаль, скоро ушел... Но потом узнали мы от Федорова, что Пешков стал знаменитым писателем Максимом Горьким. Вот кто, оказывается, среди нас был... А мы долгое время и не знали этого. А Федоров узнал (ему Пешков, кажись, писал письма); узнал — и все, бывало, ходит в город, ищет книжки Горького. Найдет, купит, принесет и читает нам вслух, а мы сидим вокруг и слушаем, и только вздыхаем да ахаем. Ну, после этого грузчики, конечно, часто вспоминали о Пешкове, какой он был, когда жил среди нас, и жалели, что не были с ним такими близкими друзьями, как Федоров и Гришка-Москва. А Федоров очень гордился своим другом и часто говорил нам: «Ага, говорил я вам, что тот Пешков большой человек будет!»

Этот Федоров был наш, рабочий человек. Из порта он ушел на шахты, работал шахтером. После стал большевиком и в гражданскую войну мы его видели комиссаром. Тогда, в гражданскую войну, он и погиб... Давно умер и Гришка-Москва — у него чахотка была...

— Мы о Пешкове — Алексее Максимовиче Горьком — теперь чуть не каждый день вспоминаем и любим читать его книги. Большой человек был, трудового люда защитник. И я так счастлив, что молодого Пешкова-Горького мне довелось знать. В 1928 году, когда он проезжал через Ростов, ходил я на вокзал, — очень хотелось повидаться с ним, поговорить... Да где ж... Не довелось, очень много было народу... Жалеем мы все душевно, что умер Алексей Максимович... Сойдемся мы вот так, старики, вспоминаем наше прошлое житье-бытье, и старая жизнь — как тяжелый сон кажется... Жизнь теперь другая пошла. Пенсию нам теперь дают, безработицы не знаем, квартирами располагаем. Я сколько лет прожил — ни кино, ни театра не знал, а теперь увидел. При Советской власти грузчик стал человеком, — закончил беседу Николай Иванович Потапов.

Много лет спустя Алексей Максимович, отвечая на запрос одного своего корреспондента из Ростова — К.А. Иеропольского, сообщил ему о своем пребывании в Ростове в 1891 году следующее (приводим его письмо полностью):

«Никаких «поправок» в заметку Вашу не могу внести. В Ростове жил около порта, в подвале каменного дома, у старухи, которая сдавала на ночь «углы» по пятаку за ночлег. Вместе со мной ходил ночевать к ней матрос Петр, фамилию не ясно помню, что-то вроде Байда, Галайда. Ему я писал из Тифлиса. Кроме него, в Ростове я встретил знакомого по Борисоглебску Евгения Тросткина, паренька, изгнанного из какого-то казачьего училища в Урюпине; паренек оказался «маркировщиком» по пристани, очень бойкий, грамотный. В 96 году он служил в Н.-Новгороде конторщиком на Сибирской пристани «Кавказ и Меркурий» и перед приездом царя был выслан в числе многих других. Вот и все. Ему тоже писал раз или два.

Не можете ли вы передать редакции «На подъеме», чтобы мне выслали комплект книжек журнала. Буду очень благодарен.

Всего доброго.

М. Горький¹³.

Поработав в Ростовском порту некоторое время, А.М. Горький пошел дальше — на Украину и в Бессарабию. Из Бессарабии повернул обратно, прошел по южному берегу Крыма, переправился через Керченский пролив, двинулся на Кавказ и в ноябре того же года пришел в Тифлис (Тбилиси).

За это время он работал во многих городах и встречался со многими людьми. И, тем не менее, как это видно из приведенного его письма, помнил о своих ростовских друзьях и знакомых и не терял с ними связи: писал из Тифлиса в Ростов Евгению Тросткину и матросу Петру по фамилии не то Байда, не то Галайда. Какую фамилию в действительности носил этот матрос и не был ли он Гришкой-Москвой или Федоровым, с которыми А.М. Горький дружил в Ростове и о которых рассказывали старики грузчики, осталось невыясненным.

Но о чем он писал из Тифлиса своим ростовским друзьям, каков был характер их дружбы и о чем он мог беседовать с ними в свою бытность в Ростове — это более или менее известно. «Тема этих писем — все та же: как устроить жизнь, чтобы рабочему человеку жить и дышать стало легче», — пишет один из его биографов.

Живя в Тифлисе, А.М. Горький вел пропагандистскую работу в кружке рабочей и учащейся молодежи. «Мы не можем установить более или менее точной программы занятий кружка, но сохранились документы, указывающие

¹³ (М. Горький. Собр. соч., т.30, стр. 384, 576. То же в книге К.А. Иеропольского «Максим Горький в нашем крае». Ростов-на-Дону, 1935, стр. 2; В журнале «На подъеме». Ростов-на-Дону, 1935, № 1-2; В газете «Молот», № 4517, 21 июня 1936г.)

на то, что по делам кружковой организации велась даже переписка с другими городами», — пишет биограф А.М. Горького И.А. Груздев. Такими документами являются тифлиссские письма Алексея Максимовича его ростовским и казанским друзьям.

«... поливаю из ведрышка просвещения доброкачественными идейками, и таковые приносят известные результаты», — писал он одному из ростовских друзей и добавлял, что «работы пока нет, и работников, способных к чему-нибудь, всего 6-8 человек». В другом письме он просит достать место двум парням и уведомляет, что он и его товарищи ожидают «визита блестящих пуговиц», то есть полиции или жандармов.

О характере интересов молодого Горького, их политической направленности говорит и другое его письмо, тогда же написанное в Казань.

«Вчера был обыск. Пускай, жалование уменьшили до тридцати пяти рублей. Читаю с учениками института и семинаристами. Ничему не учу, но советую понимать друг друга. С рабочими депо железной дороги читаю и разговариваю. Есть тут один рабочий Богатыревич — хорошая натура. С ним мы душа в душу живем. Он говорит, что в жизни ничего нет хорошего, а я говорю — есть, только спрятано, чтобы не каждая дрянь руками хватала».

Об интересах Горького и его ростовских друзей красноречиво говорит и тот факт, что они уже были «на примете» у жандармов. В 1892 году у одного из ростовских друзей Горького был произведен обыск по «делу о распространении преступных изданий», и обнаруженные при этом письма Пешкова были изъяты жандармами. Та же участь постигла и его письма в Казань; эти письма сохранились и дошли до нас только в результате «любопытности» жандармов.

Этим и исчерпываются сведения о пребывании А.М. Горького в Ростове в 1891 году.

Во второй раз А.М. Горький был в Ростове только через тридцать восемь лет, проездом на Кавказ, 18 июля 1928 года, будучи известным всему миру писателем. (Об этом его втором приезде в Ростов мною рассказано выше, в главе «Встреча с А.М. Горьким»).

28 марта 1958 года, в день девяностолетия со дня рождения А. М. Горького, в Ростовском порту, на Береговой улице, у начала Газетного (бывшего Казанского) переуллка, на новом, большом, светлом здании была установлена беломраморная мемориальная доска с надписью на ней золотыми буквами:

**«ЗДЕСЬ, НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОГО Н/Д. ПОРТА ЛЕТОМ
1891 ГОДА РАБОТАЛ ГРУЗЧИКОМ ВЕЛИКИЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МАКСИМ ГОРЬКИЙ (Алексей Максимович ПЕШКОВ)».**

В марте этого же, 1958 года, по решению исполкома Ростовского горсовета установлена мемориальная доска на доме по Донской улице, № 67 (угол проспекта К. Маркса) с надписью: «В этом доме летом 1891 года жил великий пролетарский писатель А. М. Горький».

Одна из центральных улиц, городской парк и библиотека в центральной части города и гордость Ростова — городской театр, большое здание оригинальной архитектуры, носят имя А. М. Горького, в городском парке его имени и на набережной, на территории Ростовского порта, где работал грузчиком молодой Горький, возвышается памятник — фигура А.М. Горького, отлитая из металла.

Дальнейший жизненный и литературный путь А.М. Горького широко известен.

Но есть сведения, говорящие о том, что Алексей Максимович странствовал по Черноморскому побережью и позже, в 1904 году, когда был уже знаменитым писателем.

Привожу малоизвестные воспоминания бывшего служащего гостиницы в Гагре, опубликованные в Чертковской районной газете, Ростовской области¹⁴:

«Летом 1904 года А. М. Горький, пробираясь на Кавказ, захал во вновь строящийся тогда буржуазный курорт Гагра. Остановился он в гостинице на третьем этаже, в недорогом номере. С Алексеем Максимовичем был второй путник, но кто он был — не знаю.

У Алексея Максимовича взяли документы, в которых он значился Пешковым. Прописали. Никто из служащих гостиницы не знал, что это Горький. Но через день это стало известно. Многие хотели видеть его. Он был высокого роста, тонкий, усатый, с бритой бородой, одет в легкое пальто, кепи, в сапогах, с котомкой за плечами. Прощаясь со служащими гостиницы, собравшимися в вестибюле, М. Горький сказал: «До свидания. Еще увидимся».

Как после я узнал, власти курорта предложили А.М. Горькому покинуть Гагру в трехдневный срок. В то время слуги царизма преследовали пролетарского писателя, не давали ему покоя нигде».

¹⁴ газета «Путь Ильича», 18 июня 1939г.)

Горький на Сельмашстрое¹⁵ (1929г.)

1929 год. Разгар лета... За окраиной Ростова, где недавно гулял ветер да кружили над степью ястребы, идет гигантская стройка.

Лязгая по рельсам узкоколеек, разбегаются по всем направлениям вагонетки с ковшами, полными бетонной каши; маленькие, проворные паровозики-«кукушки», тонко свистя, тащат составы платформ с песком, камнем, лесом; тракторы подвозят рельсы; экскаваторы и грейдеры, разевая чудовищные, стальные пасти, вгрызаются в землю; паровые катки-мастодонты укатывают новое шоссе; тянутся бесконечные караваны скрипучих телег с кирпичом; весь двор изрыт по случаю укладки всевозможных трубопроводов; среди гор материалов, куда ни глянь, копошится многотысячный, пестрый людской муравейник и над всем этим разносится неумолчное, оглушающее таканье пневматической клепки: армия котельщиков собирает на открытом воздухе железные остовы корпусов. Строится гигантский завод сельскохозяйственного машиностроения — Ростсельмаш.

На зиму с 1928 на 1929 год А.М. Горький выехал по состоянию здоровья в Сорренто. Но и оттуда он пристально следил за строительством первой пятилетки — Ростсельмаша.

Сельмашстрой — это «родоначальник многих будущих «Гигантов», и таких, как существующий Ишимский, и также других...» — сделал он пометку в рукописи моей статьи, где я говорил о Ростсельмаше.

«Нет ли хорошего снимка с рабочего поселка Сельмашстроя? Пошлите его...» — писал он мне.

Весной или в начале 1929 года А.М. Горький уже был в Москве и, как писали в газетах, собирался в поездку по стране, чтобы посмотреть ее социалистические стройки.

... Был жаркий день. Пробили на обед (в то время гудка на Сельмаше еще не было, и сигнал на обед подавался просто ударом костыля о подвешенный на столбе кусок рельса). Со всех сторон в цех шли на обед рабочие. И вдруг видят: внизу в широкие, распахнутые ворота цеха уборочных машин входит в окружении провожатых Горький.

К тому времени цех еще не был достроен, ворота в него были временные, деревянные, внутри, вдоль стен, поднимались решетки (строительные леса, помосты), лежали части металлических конструкций для перекрытий, разный строительный материал. В соседнем цехе были возведены только стены.

Горького тотчас же узнали. Слесари побросали молотки и устремились к нему навстречу. Со всех сторон неслись радостные возгласы:

¹⁵ По воспоминаниям А.К. (газета «Рабочий Ростов», 24 сентября 1932г.), И. Котенко (в сборнике «Строители степных кораблей, Ростиздат, 1941г.»), А. Софронова (устные воспоминания на вечерах памяти А.М. Горького) и воспоминания рабочих и служащих Ростсельмаша на траурном митинге в день смерти А.М. Горького («Молот», 20 июня 1936г.) и другим материалам.

— Алексей Максимович! Здравствуйте! Рабочие окружили и буквально вынесли его на помост, нечто вроде эстрады, где они обычно обедали. Табурета не оказалось, и рабочие усадили его на первый попавшийся под руку ящик.

Встреча была неожиданная, неподготовленная, но Алексей Максимович видел, что рабочие рады ему от всей души, и был взволнован этой горячей встречей.

Рабочие ждали, что Горький станет говорить.

— Да нет, — сказал он, — не я, а вы расскажите, как живете и работаете.

В то время социалистическое соревнование на Сельмашстрое только начиналось. Член цехкома и секретарь комсомольской ячейки стали с жаром рассказывать Алексею Максимовичу о перевыполнении цехового плана. Алексей Максимович, сидя на ящике, слушал очень внимательно, одобрительно покачивая головой, и в то же время изучающим, прониновенным взглядом осматривал окружающих его рабочих.

А народ кругом был очень интересный: бывшие кустики, квалифицированные слесари, женщины-сверловщицы, городская молодежь и вчерашние крестьяне — съехались сюда со всех концов Союза и вот стояли перед ним — потные, запыленные, испачканные ржавчиной. Иные, особенно молодежь, в одних майках и трусах, а то и голые до пояса, и внешне было в этой картине что-то похожее на известную картину Репина «Запорожцы».

Так прошло некоторое время.

Алексей Максимович, взволнованный и растроганный сердечной встречей рабочих и рассказом об их ударной, героической, самоотверженной работе, встал, смахнул слезинку и попрощался.

— Ну, товарищи, до свиданья!

И, приветственно помахав рукой, пошел дальше, из цеха в цех — к котельщикам, металлстам, строителям...

В одном из следующих цехов — опять беседа со строителями и металлстами, окружившими его плотной стеной.

В конце беседы — их пожелания:

— Оставайтесь у нас, Алексей Максимович, напишите книгу о нашем Сельмаше!

И его тихий, медленный ответ:

— Вам, молодым, нужно знать и о старом, окаянном прошлом. Пишу сейчас о старом: повесть «Клим Самгин» — может, читали? А о Сельмаше... О Сельмаше я напишу хуже вас. Вы, рабочие, построили гигант-завод, и вы же, рабочие, все вместе, коллективно, лучше, чем я, и опишите все это.

Решеточная мастерская, где изготовлялась арматура для строящихся цехов, решетки для ограждения заводских зданий и т. п., помещалась в небольшом деревянном здании временного типа (по характеру своей работы мастерская была временной и существовала только в период стройки завода). Здесь, а также в котельной и механической мастерских «работали наиболее квалифицированные рабочие, отсюда шли инициатива и опыт. Особенно прославилась решеточная мастерская, где среди рабочих было пятнадцать комсомольцев... Ряды ячейки быстро пополнялись новыми членами. Вскоре в мастерской уже насчитывалось сто тридцать комсомольцев. Они представляли крепкое ведущее ядро на участке... Среди комсомольцев-решеточников впервые зародилось социалистическое соревнование. По инициативе ячейки была создана бригада под руководством Петра Харкатовича», впоследствии делегата Первого Всесоюзного съезда ударников. «Особенно ревностно за первенство боролись комсомольцы Краснянский и Клисанич. Каждое утро перед началом работы они переспрашивали друг друга:

— Сколько дадим? Две?

— Нет, сегодня не меньше трех!

— Боролись за три, а приготавливали по пяти решеток»¹⁶.

Был обеденный перерыв. Одни из рабочих решеточной мастерской, расположившись на верстаках и развязывая узелки с хлебом, салом, зеленым луком, только приступали к обеду, другие, уже покончив с обедом, собирались в группы, толковали о том о сем...

Засвистали козаченьки

В похід идучи...—

затянул пожилой слесарь старую казачью песню.

Другие подхватили. А с противоположного конца мастерской взвилась другая, звонкоголосая, лихая песня:

По морям, по волнам,

Нынче здесь, завтра там.

¹⁶ «Строители степных кораблей». Ростиздат. 1941г.

Это пели комсомольцы.

У окна стояла работавшая в той же мастерской девушка и смотрела во двор.

— Ой!.. Неужели обозналась?.. — вдруг тихо сказала она и изумленными, радостными глазами обвела рабочих. — Нет... Товарищи, — закричала она на всю мастерскую, — к нам идет Горький!

Он пробирался между штабелями кирпича и кучами песка и был уже возле решеточной мастерской. Услышав песню, остановился, прислушался... Потом перешагнул канаву — вот уже показался в дверях мастерской, высокий, чуть сутулый, ярко освещенный солнцем.

Ребята мгновенно схватили гитару, мандолину, две балалайки, и этот маленький, импровизированный оркестр заиграл марш. Раздались аплодисменты. Сняв кепку и отдав ее кому-то из сопровождавших его, Горький, стриженный наголо, медленно шел по мастерской и, улыбаясь, всматривался в лица рабочих.

— Вот думал ваши песни послушать, да только перебил... — тихим, глуховатым голосом сказал он, подойдя к рабочим. — А хорошо пели. Старая песня и новая. Ну, да новая песня взяла бы верх. Молодых тут — куда больше, чем старых.

А в мастерскую, услышав о дорогом госте, уже бежали каменщики, монтажники, штукатуры, землекопы... Рабочие подняли Горького на руки и поставили на помост — некое подобие сцены. На сцене уже стоял стол, покрытый красной материей.

Горячая, братская, встреча тронула Горького.

— Что это вы меня сюда поставили? — взволнованно и смущенно спросил он.

— Скажите что-нибудь, Алексей Максимович.

— Что же вам сказать? Не я, а вы должны говорить. Ваша жизнь — интересная, неопределимая, и у вас есть о чем рассказать.

Стоявший впереди бородатый каменщик в брезентовом фартуке, обрызганном известью, пробасил:

— Жизнь наша простая — кладем кирпичики, землю роим...

Горький, протестуя, поднял руку:

— Не простая ваша жизнь. Перед всем миром встает русский народ — небывалые заводы строит. Вы кирпичики кладете, а в буржуазных газетах какой вой идет — про ваш завод пишут: смеются, удивляются, не верят... А нам доказать надо, всему миру доказать надо... И я верю — вы докажете.

Горький задумался, опершись руками о стол. Затем ласковым взором посмотрел на рабочих:

— Жить хочется, когда смотришь на вас... писать хочется.

Было жарко. Алексей Максимович снял свое пальто. На нем была легкая белая рубашка, подпоясанная белым шелковым поясом, ворот рубашки был широко расстегнут.

Ободренные словами А. М. Горького, рабочие поднимались на помост, крепко жали ему руку и один за другим, просто и сердечно, как своему родному человеку и лучшему другу, рассказывали о своей работе.

Потом поднялся на помост бригадир комсомольской бригады Петя Харкатович. Сняв кепку, положил на стол и, обращаясь к А. М. Горькому, громко сказал:

— Спасибо, товарищ Горький, что провели нас!

И рассказал, что его бригада ежедневно выполняла и перевыполняла задание и что за май 1929 года решеточная мастерская, имея задание установить 983 тонны решеточных работ, изготовила и установила 1582 тонны, то есть выполнила задание на 162 процента.

— И мы даем вам, товарищ Горький, обязательство работать, на страх врагам, еще лучше, пустить завод в срок и овладеть техникой. Вот приезжайте года через три посмотреть наш новый завод. И мы тоже будем другими... Желаем вам, дорогой Алексей Максимович, много лет доброго здоровья для осуществления Ваших творческих замыслов.

Горький взял обеими руками руку смущенного комсомольца и долго держал ее, прижав к груди. В глазах у писателя блеснули слезы.

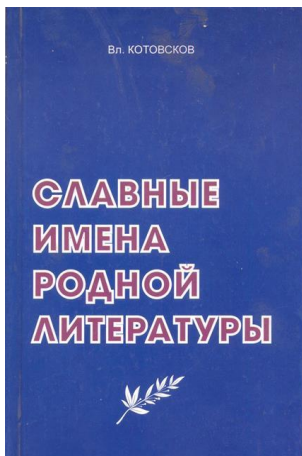
...Высокий, чуть сутулый, он медленно уходил из мастерской и, взволнованно посматривая на рабочих, провожающих его сплошной массой, «шел мимо первых маленьких сверлильных станков... через груды досок и строительного щебня. Вокруг только вырастали стены цехов, но рабочие знали, что этот большой... человек с пламенным сердцем, так же как они, видел уже готовые цехи, большие гудящие станки и новые, выпущенные на поля сеялки».

Сохранился снимок «А. М. Горький среди комсомольцев Ростсельмаша», но где, в каком цехе он фотографировался с комсомольцами — не указано.

Обойдя цехи, А.М. Горький выступил на митинге строителей Сельмаша с простой, но горячей, идущей от сердца речью. К сожалению, его речь на этом митинге, по-видимому, не была записана. Опубликованы только краткие, всего в несколько строк, воспоминания одного из инженеров Сельмаша о том, что, «выступая на митинге, Алексей Максимович пожелал (строителям Сельмаша) успешно закончить строительство, чтобы поскорее принять участие в великом деле перестройки сельского хозяйства.

«Приезд Горького на Сельмашстрой, — заканчивает свои воспоминания И. Котенко, — вдохновил строителей. Долго вспоминали рабочие великого писателя. Именем Горького они называли первые свои бригады, которые показывали на стройке пример ударной работы».

М. Горький и М. Шолохов – классики литературы XX века

«Мы знаем Горького-художника, знаем Горького-мыслителя, Горького-революционера, гуманиста, учителя жизни... Писатели моего возраста с трудом могут отделить всеобщее, всемирное значение имени Горького от того глубокого личного чувства, которое вызывается именем Алексея Максимовича в каждом из нас, напоминая о неповторимой жизни в общении с ним, вблизи от него. Нам трудно отделить его - живого, участвующего в повседневных наших заботах, радостях, тревогах труда - от того Горького, который стал понятием, образом, обликом передовой современности...».

1946 г.

«Мы собрались в этом зале., где раздавался голос Горького, – собрались, чтобы выразить нашу душевную признательность и отдать высокую честь замечательному писателю нашего времени – Михаилу Шолохову... Качественной особенностью прозы Шолохова я назову благотворную преемственность национальной традиции русской эпики. Это не означает следования по дорогам и тропам, проложенным нашими классическими предшественниками. Нет, Шолоховым дано эмоционально убеждающее доказательство, что прогресс в искусстве достигается органичным сродством писателя с современностью».

1965г.

К. Федин
Горький и Шолохов

Горький и Шолохов... Эти два гиганта возвышаются в истории отечественной литературы XX века. Первый – её великий родоначальник, второй - её великий представитель. Оба они – классики реалистического искусства. Но, как заметил ещё Пушкин, «высокопарные прозвища, безусловные похвалы уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих».

Нужны доказательства. Поэтому остановимся на некоторых фактах из творческой биографии М. Шолохова (1905-1984), связанных с именем М. Горького (1868-1936). Сегодня, когда поток лжи в адрес Шолохова, Горького и некоторых других писателей, которые являются гордостью нашей литературы, заметно схлынул (в адрес Шолохова после недавней находки рукописи первых книг «Тихого Дона»), можно спокойнее поговорить об их творческом пути.

Бесспорно, что молодой Михаил Шолохов учился писать у русских классиков.

Вспомним начало его литературной деятельности. 19 сентября 1923 года в московской газете «Юношеская правда» был опубликован небольшой фельетон «Испытание». Это было первое выступление будущего писателя в печати. В той же газете, которая вскоре стала называться «Молодой ленинец», были опубликованы ещё два его фельетона.

12 апреля 1924 года появился шолоховский «Ревизор». В его основе, как и знаменитой гоголевской комедии, лежал смешной случай...

Повторением гоголевской ситуации молодой писатель подчеркивал только комичность положения героев, но из всего содержания делал, разумеется, свой совершенно определённый, не «смутный» вывод (как пишет в одной из своих работ литературовед В. Гура), а весьма ясный: он не согласен с теми, кто «сердито брызгая слюнями..., захлебываясь негодованием, громил безнравственность нынешней молодежи».

Уже в первых фельетонах и «Донских рассказах» Шолохов стоял в идейно-политическом отношении на уровне требований времени. Но ему, как и всей литературной «марксистской молодёжи» (так назвал её Горький), не хватало ещё художественного мастерства. Овладеть мастерством, выдвинуть молодую советскую литературу на ведущее место в современной мировой литературе - вот к чему призывал наших писателей Максим Горький.

Молодой Шолохов творчески осваивал богатейший опыт прошлого. Наибольшее влияние на него, судя по высказываниям самого писателя, оказали Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и А.М. Горький.

«Горький заразил нас, молодых писателей, – вспоминал Михаил Александрович, – мыслью создать литературу, которая станет частью общепролетарского дела. И мы самозабвенно, до жестоких споров между собой искали новые пути в литературе, новые формы, способные выразить и объять наши стремления... Теперь через толщу времени чётко проглядывается гражданская, партийная, да и художественная зрелость этих спорщиков, вырвавшихся под мягким, добрым крылом Алексея Максимовича, иногда и бранившего нас за «плохие писания».

Прошло несколько лет упорного труда, и Михаил Шолохов создал произведения подлинного искусства, не уступающие лучшим мировым образцам. А рядом с ним появились новые яркие художники слова, мастера музыки, театра и кино. Это, конечно, дало ему право заявить в 1939 году: «...Мы с гордостью можем сказать, что являемся первыми ростками советской интеллигенции».

Стремительно рос он как художник, стремительно росла и его слава. Когда в десяти номерах журнала «Октябрь» за январь-октябрь 1928 года появилось сразу два тома «Тихого Дона», Горький прозорливо распознал в авторе романа большой талант. В статье, напечатанной в газете «Известия» 26 июля 1929 года, он писал: «Фадеев, Шолохов и подобные им таланты пока ещё

– единицы. Но, как видим, рабочий класс совершенно правильно оценил их достоинства художников слова».

В статье «О литературе», впервые напечатанной в 1930 году в декабрьском номере журнала «Наши достижения», Горький отмечал:

«...Мы можем законно похвалиться, что в целом ряде книг молодые наши писатели давно уже успели и сумели хорошо изобразить войну 1914-1918 годов со всеми её ужасами.

Широко и многими весьма талантливо использован героический и трагический материал гражданской войны. Надолго останутся в новой истории литературы яркие работы Всеволода Иванова, Зазубрина, Фадеева, Михаила Алексея, Юрия Либединского, Шолохова и десятков других авторов - вместе они дали широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны.

Я считаю промахом критики нашей тот факт, что она не дала должной необходимой оценки книг, посвященных теме войны гражданской, всей работе писателей над этим материалом. Я говорю об идеологической и технической оценке всей массы книг о гражданской войне. Это следовало и следует сделать не только в интересах литераторов, но и читателей, которые, кстати сказать, в положительной оценке книг этого ряда опередили критику».

В этом высказывании хотелось бы подчеркнуть два места: во-первых, убежденность Горького ещё в 1930 году в том, что имя Шолохова «надолго» останется в истории литературы, и, во-вторых, констатацию того факта, что читатели давно полюбили произведения Шолохова, «опередили критику» в положительной оценке его книг.

В той же статье «О литературе» Горький впервые высказал и мысль, что «старая наша литература была по преимуществу литературой Московской области. Почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других соседних с Московской губерний. Жанр и пейзаж - быт и природа, - в которых литераторы воспитывались, довольно однообразны. Решающие впечатления детства были ограничены, действительностью Московской области, и эта узость поля наблюдений определённо отразилась впоследствии на творчестве классиков. Можно привести немало доказательств ограниченного знакомства классиков с общерусской жизнью».

Эту же мысль, но более подробно и с разъяснением главного в ней, Горький высказал во второй статье цикла «Беседы о ремесле», опубликованной впервые в июльском номере журнала «Литературная учеба» за 1931 год:

«Литература дворян и разночинцев оставила вне своего внимания целые области, не тронула донское, уральское, кубанское казачество, совершенно не касалась «инородцев» - нацменьшинств. Это, разумеется, не упрек людям, которые жили на «черноземных полях» или в столицах, это говорится для того, чтобы отметить факт, ещё не отмеченный, но весьма значительный: наша текущая литература охватывает все области Союза Советов и это надобно

вписать в её актив. Не следует думать, что я низвожу художественную литературу до «краеведения», кстати сказать, дела глубоко важного, - нет, я считаю эту литературу превосходным источником «народоведения» – «человековедения».

В беседе с «молодыми ударниками», вошедшими в литературу, Горький с удовлетворением сказал, что «сейчас появляется настоящая литература: есть сибирские писатели, уральские и другие», что Шолохов в третьем томе «Тихого Дона» пишет «как казак, влюбленный в Дон, в казацкий быт, в природу». Он, по словам Горького, «так же восторженно описывает» свой край, как сибиряки. А ведь это подчёркивает тесную связь писателя с народом, с родной природой, - без чего нет настоящего художника.

Упоминание имени Шолохова в ряде первых статей Горького о советской литературе, говорило о растущем внимании великого писателя к творчеству молодого литератора.

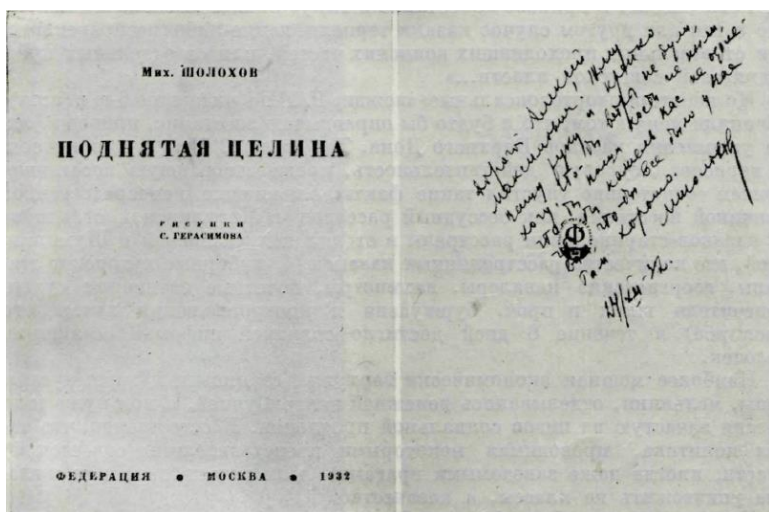
Но в оценке «Тихого Дона» были у Горького на начальной стадии и предубеждения. Есть основания полагать, что и термин «областной» писатель, и ошибочное сближение позиций автора и его героя Григория Мелехова, и упрек в сомнительной «поэзии» старого казацкого мира шли от рапповского руководства, навязывались Алексею Максимовичу. Следует указать на то, что в «областничестве» упрекал Шолохова в те годы и Фадеев - один из руководителей РАППа.

Вскоре Горький стал теплее и внимательнее относиться к творческой работе молодого писателя. Достаточно вспомнить о его роли в организации встречи Шолохова со Сталиным в 1931 году, на которой был окончательно решен вопрос о публикации третьей книги «Тихого Дона».

Трудно назвать имя литератора, который не был бы обязан Горькому добрым советом, дружеской поддержкой. «Первые два поколения советских писателей, говорил К. Федин, - создавали свои книги при жизни Горького. Я убеждён: Горький - это великая школа из когда-либо бывших литературных школ. Он буквально сливал в нерасторжимость свою личную судьбу с судьбой родившейся недавно новой литературы».

Алексей Максимович хотел ближе познакомиться с Шолоховым. В 1930 году, живя в Италии, он пригласил его в гости. Однако встреча их состоялась лишь весной 1931 года в Подмоскowie. Вспоминая о ней, летом того же года, писал Горькому: «В апреле я уехал от вас из Краскова с большой зарядкой бодрости и желания работать. Спасибо вам, дорогой Алексей Максимович, за ваше тёплое и внимательное отношение ко мне».

В этот период Шолохов работал над первой книгой «Поднятой целины» и одновременно завершал третий том «Тихого Дона». Со свойственной ему смелостью и принципиальностью писатель не обходил острых углов в большой исторической теме.

В некоторых главах романа он разоблачал враждебных революции людей, маскировавшихся званиями «комиссаров», «военных специалистов». Эти главы вызвали настороженное отношение со стороны членов редколлегии журнала «Октябрь», куда была представлена рукопись. Между автором и журналом возник спор. Шолохов вынужден был обратиться за помощью к Горькому. 6-го июня 1931 года он писал из станицы Вёшенской:

«...Некоторые «ортодоксальные» «водители» РАППа, читавшие 6-ю часть, обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию...

Но я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики расказачивания и ущемления казаков-средняков, так как, не давши этого, нельзя вскрыть причин восстания...

Занятно то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест. И если всех слушать, то 3/4 нужно выбросить...

Думается мне, Алексей Максимович, что вопрос об отношении к среднему крестьянству ещё долго будет стоять и перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодняя история с коллективизацией и перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г., подтверждает это. Вот своевременно ли писать об этих вещах? У вас неизмеримо шире кругозор, и мне хотелось бы получить от вас ответ на все эти вопросы...».

Прочитав 6-ю часть «Тихого Дона», Алексей Максимович, как вспоминал потом Шолохов, сказал: «Слишком много у неё редакторов, каждый правит на свой лад. Книгу надо печатать».

Но книгу не печатали, несмотря на авторитет Горького. Да и он за три дня до письма Шолохова писал Фадееву: «Я, разумеется, за то, чтобы её напечатать... Но автор, как и его герой, Григорий Мелехов, «стоит на грани между двух начал», и далее - о «поэзии» старого казацкого мира, об «областничестве» автора.

Но молодой писатель Шолохов обладал гениальной интуицией художника и психолога. Когда он писал письмо-трактат о судьбе донского казачества в годы Гражданской войны, о кровавом, по вине троцкистов, рассказывании как основной причине Верхне-Донского восстания, он писал вроде бы для Горького, но понимал, что оно вместе с рукописью 6-й части «Тихого Дона» попадёт к Сталину. Так оно и вышло. В результате, в июле того же года на даче у Горького состоялась встреча Шолохова со Сталиным, был серьёзный разговор, в конце которого Сталин сказал: «Да, согласен. Изображение хода событий в третьей книге «Тихого Дона» работает на нас, на революцию. Роман будем печатать».

И 6-я часть (третья книга) после трёхлетнего мытарства пошла в печать.

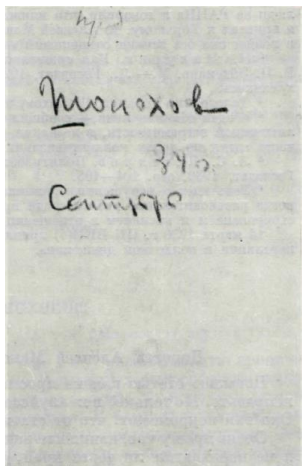
В 1932 году третья книга появилась в журнале «Октябрь». Горький, знакомый с ней ещё по рукописи, заявил, что это - «произведение высокого достоинства, на мой взгляд, она значительнее второй, лучше сделана... Шолохов очень даровит, из него может выработаться отличный литератор».

Не раз ещё Шолохов встречался с Горьким, обращался к нему за помощью и советом, вёл с ним задушевные беседы. Вспоминая о них, Михаил Александрович рассказывал:

«Горький любил живую беседу, поразительно умел вести её. Видимо, ему хотелось поговорить с пишущим человеком нового поколения... Говорил о своих творческих планах, расспрашивал о моих дальнейших замыслах... На квартире у Горького мне пришлось встретиться и ближе познакомиться и с другими писателями...».

В первые месяцы 1934 года на страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия о литературном языке. Началась она после появления в газете «Открытого письма А.С. Серафимовичу», подписанного М. Горьким. Он требовал бережного отношения к русскому языку. Его поддерживали А. Толстой, А. Фадеев и другие писатели. М. Шолохов написал статью «За честную работу писателя и критика» и направил её из Вёшенской Горькому с таким письмом:

«Дорогой Алексей Максимович! Посылаю статью вам на просмотр. Если сочтёте нужным исправить - исправьте. Но только, пожалуйста, не давайте резать оргкомитетчикам. Они так искромсают, что от статьи останутся «рожки да ножки».

Очень прошу вас, напишите ваше мнение. То ли я написал, что нужно, и не перехватил ли через край, ругая Панфёрова? Смотрел последние № № «Лит. газеты». Что-то там - ни звука на ваше письмо Серафимовичу. Неужто не будут отвечать. Хотя по существу и отвечать-то им нечего...».

Письмо было написано 4 марта, а статья появилось в «Литературной газете» 18 марта 1934 года. Судя по её началу, выступление Горького о языке пошло на пользу самому Шолохову: «Многие из советских писателей (в том числе и автор этих строк), – признавался он, – погрешны в злоупотреблении «местными речениями». Большинству из нас присущи, в той или иной мере, и другие литературные «недостатки»... Заканчивалась статья пожеланием: «Чтобы

девяносто пять слов были отличными, а остальные пять хорошими».

...В июне 1936 года, в дни, когда весь наш народ прощался с М. Горьким, Шолохов произнёс речь на собрании учащихся Вёшенского педагогического техникума и слушателей межрайонных курсов учителей. Он говорил:

«Меня поражали колоссальные, разносторонние знания Алексея Максимовича, его неустанное трудолюбие, суровая требовательность к себе».

Таковы некоторые чисто внешние связи двух писателей. Но влияние Горького на Шолохова было, конечно, гораздо шире и плодотворней.

2

Эстетические принципы Шолохова определяются его взглядом на труд как на основу народной жизни, источник нравственного здоровья, духовного обаяния крестьянина-казака с его сложной психологией и особым бытовым укладом. У писателя свой подход к теме труда: социальная сила его, преобразующая мир, выражена не так определенно и остро, как у Горького. Герои книг Шолохова не говорят о труде так категорично, как герои Горького: «Мы, рабочие, - люди, трудом которых создаётся всё - от гигантских машин до детских игрушек... Мы - революционеры и будем таковыми до поры, пока одни - только командуют, другие - только работают... Победим мы, рабочие!».

Эта тема в романах Шолохова тесно связана с народно-поэтической традицией в обрисовке крестьянского труда. Его герои, несмотря на изнурительную работу в поле, видят в ней источник духовного здоровья и радости. «Землица-любущка», «мать-кормилица» - такими и подобными ласковыми, песенными словами называют свою землю донские казаки. Приподнято и взволнованно описан в «Поднятой целине» трудовой порыв колхозников на весенней пахоте.

Во всех своих произведениях Шолохов - певец труда, он поэтизирует его, выступает как достойный наследник Горького, сказавшего однажды: «Я верю, что все тайны и трагедии нашей жизни разрешатся только трудом...».

Роман «Мать», всё творчество Горького начала XX века, явились как бы прологом к новой художественной эре реалистического искусства. Возникнув, сформировавшись в творчестве великого писателя, метод социалистического реализма прошёл в дальнейшем несколько этапов развития - по мере расширения исторического опыта. Новый реализм родился, когда возникли первые «факты социалистического характера» (М. Горький).

«И как прикинешь, что ведь на год первой русской революции падает дата рождения того, кому суждено было стать вдохновенным изобразителем дум, дел и судеб революционного народа, как припомнишь этакое, так, право же, не грех подумать, что и природа не лишена способности загадывать вперёд». Это сказано о Шолохове известным критиком А. Макаровым.

Едва вступив в литературу, Шолохов принялся за художественное освоение больших, масштабных тем народной жизни. Он делал то, к чему призывал писателей Горький, говоривший, что наша литература «ставит перед собою крайне трудную задачу - создать приёмами реализма эпическое искусство, в котором отразился бы со всей возможной силой слова и полнотою героизм рабочего класса, строителя нового общества», подчеркнув при этом, что «лучшие, наиболее талантливые работники литературы пролетариата правильно понимают, что эпос реалистичен и что реализм отнюдь не стесняет воображения».

В своих произведениях Шолохов чувствует себя не только и не столько «судьёй» и «критиком» жизни, сколько непосредственным участником процесса её обновления. Это относится и к «Тихому Дону», и к «Поднятой целине».

В произведениях писателя можно найти немало страниц и с изображением противоречий в развитии советского общества, но критическая направленность этих страниц не порождает скептического и пессимистического отношения ко всему. Фундаментом, на котором она возникла, является утверждение новой действительности. Шолохов показывает историческую тенденцию победы нового над старым.

Своим творчеством писатель по-горьковски зовёт человека к участию в борьбе за новое, укрепляет веру его в победу самых прогрессивных идей эпохи, и этим определяется высокогуманистическая направленность его прозы.

Романы Шолохова во многом близки к классическому русскому роману. Вместе с тем они не похожи на классический роман прошлого. И дело не только в том, что он раскрыл существенные черты русской революции и характер человека нового общества. Развивая традиции Горького, писатель нашёл новые формы реалистического воспроизведения действительности. Он воплощает в своих романах русский национальный характер на новой исторической ступени. Своеобразие романа-эпопеи Шолохова в сравнении с

эпическими произведениями Горького заключается в показе новой российской действительности, преобразованной новыми идеями и новым строем народной жизни.

Всем своим содержанием шолоховские произведения обращены к современности, автор ищет и открывает в новой действительности новых героев, для которых чувство личной ответственности перед историей - принципиально новая черта. Это преобразует и содержание, и структуру романа. Заметны также особая динамичность и проникновенный лиризм шолоховского эпоса.

Горький обратил внимание на жизненную достоверность, серьезную реалистическую основу первых томов «Тихого Дона». «Умные читатели, – говорил он, – признали то, что, например, развитие сюжета двух шолоховских книг – не дело авторского произвола, а серьёзное отражение подлинной жизни, с которой должны считаться и в Риме, и в Париже. Вот почему с книжками Шолохова толковые люди Европы считаются, как с самой действительностью».

«Тихий Дон», «Поднятая целина» и другие произведения Шолохова показывают бесконечное разнообразие средств, которыми располагает талантливый писатель, благодаря методу реализма. Их форма определяется прежде всего самой отображаемой жизнью. Поэтому его книги всегда поражают читателя новизной своих художественных решений. Но новаторство Шолохова в области литературной формы не имеет ничего общего с «авангардизмом» некоторых представителей школы «нового романа» на Западе. В речи на церемонии вручения Нобелевской премии он сказал:

«Сейчас часто говорят о так называемом литературном авангарде, понимая под этим моднейшие опыты преимущественно в области формы. На мой взгляд, подлинным авангардом являются те художники, которые в своих произведениях раскрывают новое содержание, определяющее черты жизни нашего века. И реализм в целом, и реалистический роман опираются на художественный опыт великих мастеров прошлого. Но в своём развитии приобрели существенно новые, глубоко современные черты. Я говорю о реализме, несущем в себе идею обновления жизни, переделки её на благо человеку. Я говорю, разумеется, о таком реализме, который мы называем сейчас социалистическим».

Из речи Шолохова видно, что эстетика его реализма противостоит модернистской не в том, что последняя за новые художественные приёмы и средства выразительности, но непременным условием этого новаторства должна быть жизненная правда, соответствующая жизненности содержания.

Для шолоховской прозы характерна высокогуманистическая направленность. Это идёт прежде всего от Горького – великого гуманиста, бесконечно влюблённого в человека, впервые провозгласившего на весь мир: «Человек – это звучит гордо!».

Читая шолоховские страницы, радуясь и удивляясь его самобытному таланту, мы находим в его произведениях те художественные особенности,

которые Горький отмечал как «увлекающие» читателя – «фабулу, внешнюю занимательность книги, обилие в ней содержания, наблюдений и знаний, её словесное изобразительное мастерство».

Своим романом «Мать» (кстати, в России напечатанном впервые в полном виде лишь в 1917 году) Горький открыл для новой русской литературы возможности героической эпопеи.

В принципе он не «выдумывал» своих героев, а при обработке материала реальной действительности «домысливал» их, наделял крупными, отчётливыми характерами, ярко индивидуализировал их, выдвигал на первый край, не занимаясь «добавлением» чего-то мелкого. Энгельс в письме к Лассалю (18 мая 1859г.), выступая против мелочной индивидуализации, писал, что «главные действующие лица действительно являются представителями определённых классов и направлений, а стало быть, и определённых идей своего времени, и черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях, а в том историческом истоке, который их несёт». Это, пожалуй, и составляет основной принцип индивидуализации главных героев в романе «Мать».

Героико-эпический жанр романа определяется у Горького и такой чертой, как яркое изображение народных масс. Больше того, в романе «Мать» впервые глубоко диалектически поняты и раскрыты социальные взаимоотношения личности и коллектива, героя и массы. Народ у Горького – не пассивная толпа. Мы видим, как расслаивается народная масса, как пролетариат создаёт своих героев-вожаков и двигает вперед историю.

Роман «Мать» - это и героическая эпопея борьбы рабочего класса, это и «воспитательный роман». Он рассказывает о революционной борьбе и о том, как в ходе этой борьбы внутренне преобразуется человек массы, переживая своё второе рождение. Это второе, духовное, рождение убедительно показано на примере Павла Власова и его матери Ниловны. Вот почему роман «Мать» можно назвать гуманистической эпопеей Рождения нового человека на пути к новому обществу.

Воплощённые в этом произведении принципы изображения народа в революционную эпоху, осмысление диалектики исторического развития личности, общества были творчески применены крупными русскими писателями, в том числе Шолоховым.

Роман «Мать» сыграл заметную роль в развитии современной литературы, нового искусства. Множеством нитей с ним связаны лучшие произведения нашей литературы и прежде всего – романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

Конечно, основополагающие горьковские принципы утверждались и совершенствовались в живой практике литературного движения, о чем позднее вспоминал Михаил Александрович. И надо сразу отметить, что Шолохову в этом принадлежит центральная роль.

Ко времени появления первых книг «Тихого Дона» и «Поднятой целины» у наших писателей ещё не было большого опыта в художественном

познании новой действительности. Шолохов одним из первых приступил к эпическому изображению Гражданской войны в России, к художественному исследованию сложных процессов революционного преобразования. И хотя Горький вскоре с чувством удовлетворения отмечал «яркие работы» десятка авторов (в том числе и Шолохова), которые «вместе дали широкую, правдивую и талантливейшую картину Гражданской войны», в этих работах нетрудно было заметить «предпочтение» образу революционной массы, действия которой не были одухотворены сознанием конкретной личности, не получили отражения в индивидуализированных образах, характерах.

Своеобразие Шолохова – в изображении противоречивых форм проявления человеческого характера. Кого бы ни изображал писатель – простого казака, ищущего правду, большевика-руководителя, закоренелого кулака или белогвардейцев, – он всегда стремится художественно проанализировать сущность человека, показать индивидуальную психологию и индивидуальную судьбу персонажа. При этом он в полной мере учитывал выработанные Горьким принципы изображения характера, в частности, психологического анализа. А Горький, как известно, обобщая опыт мирового реалистического искусства и собственный писательский опыт в изображении внутреннего мира человека, указывал на то, что, во-первых, нельзя недооценивать классового начала в человеке, а, во-вторых, нельзя сводить всю сложность человеческого характера только к «классовому признаку». «Неоспоримо, – писал он, – что «классовый признак» является главным и решающим организатором «психики», что он всегда с различной степенью яркости окрашивает человеческое слово и дело». Однако, пишет далее Горький, «один только «классовый признак» ещё не даёт живого, цельного человека, художественно оформленный характер».

Шолохов, раскрывая глубокие человеческие характеры в «Тихом Доне» и «Поднятой целине», учитывал всю их сложность, но при этом в каждом по-горьковски определял главное. У Горького Павел Власов – прежде всего пролетарский революционер, он олицетворяет силу и разум партии, поэтому суд над ним превратился в суд истории над капитализмом, а его знаменитая речь стала подвигом. В романах Шолохова революционная деятельность Подтёлкова, Бунчука, Давыдова и Нагульнова также стала подвигом, главным смыслом жизни этих героев.

Другое дело - Григорий Мелехов. Это наиболее сложный человеческий характер. Многим чертам его автор симпатизировал, и эти симпатии перешли к читателю. Но образ Мелехова, как образ социального типа, шире рамок своей индивидуальной судьбы, которой не исчерпываются все богатые возможности, заложенные во взаимосвязи человека и эпохи, в том числе в глазах будущих поколений.

Как заметил литературовед А. Хватов, сам Шолохов не сразу пришел к точной оценке образа Григория Мелехова, его социально-типической ёмкости.

В 1935 году писатель говорил: «У Мелехова очень индивидуальная судьба, и в нём я никак не пытаюсь олицетворить средняцкое казачество». В

1957 году он высказал другое мнение: «Григорий... является своеобразным символом середняцкого казачества». А немного позже заявил: «В социальном облике Григория Мелехова воплощены черты, характерные не только для известного слоя казачества, но и для крестьянства вообще».

Интересно ещё одно высказывание писателя о судьбе своего героя. Летом 1951 года, во время пребывания в Софии, при встрече с болгарскими писателями Михаил Александрович сказал: «Меня спрашивают, какова судьба людей типа Григория Мелехова? Людей этого типа советская власть вывела из тупика, в каком они оказались. Некоторые из них избрали окончательный разрыв с советской действительностью, большинство же сблизилось с советской властью. Они участвовали в Советской Армии во время Отечественной войны, участвуют в народном строительстве».

Говоря о горьковских традициях в творчестве Шолохова, нельзя не заметить, что критики давно уже обратили внимание на некоторую близость образов Ильиничны из «Тихого Дона» и Ниловны из романа «Мать». По мнению Б. Дайреджиева, образ Ильиничны «по глубине и силе выражения не уступает даже Ниловне Горького». Однако, установив сходство в материнской любви к детям, в желании «следовать за судьбой сыновей», критики разошлись в оценке различий между ними. Мне кажется, что Б. Дайреджиев не разграничил нравственные и социальные мотивы в поступках двух матерей. Оба образа обаятельны, но как личность Ниловна духовно сильнее, богаче, она обрела в революционной борьбе вместе с сыном большое счастье.

С горьковскими традициями показа масс, сразу широкого круга лиц, как это сделано в известных сценах романов «Мать» и «Жизнь Клима Самгина», перекликается изображение масс в «Тихом Доне» и «Поднятой целине». Высказывания, реплики передают общественные взгляды, настроения, мысли не только отдельных людей с их индивидуальными характерами, но и большого круга лиц, создают картину времени. Вспомним многие сцены из «Тихого Дона», особенно шумные построения и митинги казачьих сотен, полков, в которых раскрыто отношение человека-труженика и народа в целом к войне, к революции, к большевикам.

Одной из классических является сцена митинга в полку, куда прибывает по заданию Петроградского комитета большевик Бунчук. Показывая стихийную массу, Шолохов не пользуется авторским описанием, а даёт возможность читателю создать представление о настроении казаков через краткие речи и индивидуальные реплики.

Таковыми же художественными приёмами пользуется Шолохов в романе «Поднятая целина», изображая сцены собраний, а также бабьего бунта, митингов в поле на пахоте и у кузницы, и т.д., передающих эпоху сложнейшей революционной перестройки деревни, нелёгкого жития крестьянских масс на Дону. Это придаёт «Поднятой целине», как и «Тихому Дону», эпическое многоголосье, полное глубокого исторического смысла.

В последние десятилетия XX века в литературе о Шолохове всё чаще говорили о влиянии некоторых творческих концепций автора «Жизни Клима

Самгина» на роман «Тихий Дон». Этому, вероятно, способствовали и высказывания Михаила Александровича о романе Горького и более пристальный анализ обеих эпопей.

Высшим образцом писательского искусства Шолохов считал роман Горького «Жизнь Клима Самгина», как говорил он, - произведение «великолепно отделанное и являющееся энциклопедическим по широте охвата и показу всех предреволюционных слоев и прослоек царской России».

А. Хватов пишет: «Когда появилась в печати первая книга «Жизни Клима Самгина», Шолохов тоже завершал работу над первой книгой романа, вносил уточнения в свой замысел, ибо переход от «Донщины» к «Тихому Дону» сопровождался не механическим расширением пространственно-временных рамок повествования, а коренным пересмотром идейно-художественной концепции... Смерть помешала Горькому завершить его эпопею, действие обрывалось в канун Октября... Шолохов как бы подхватывает эстафету и вписывает в художественную летопись России страницы, о судьбах народа на великом историческом рубеже».

Для Шолохова, осуществлявшего грандиозный замысел романа-эпопеи, особую творческую актуальность имел живой опыт Горького, создававшего в эти годы эпопею «Жизнь Клима Самгина». У Горького молодые писатели учились мастерству «выстраивания» романа, ёмкой и свободной композиции с естественными переходами от картин общественной жизни к реалистическим зарисовкам быта, к психологическому анализу. Во время работы над «Жизнью Клима Самгина» автор так сказал об особенностях своего произведения: «Роман должен иметь характер хроники, которая отметит все наиболее крупные события от 80-х годов до 918-го».

Как известно, судьбы героев «Тихого Дона» разворачиваются (как и у Горького) на широком историческом фоне.

Критики указывают на горьковские традиции («Жизнь Клима Самгина») в шолоховской трактовке (роман «Тихий Дон») темы «уходящего мира»: обрисовка противников революции, разнообразных типов из этого лагеря – генералы Каледин, Краснов, Корнилов, Фицхеллауров, белогвардейские офицеры, буржуазно-дворянская интеллигенция и т.д. А. Хватов считает даже, что «Шолохов нередко пользуется теми же приёмами раскрытия характера Листницкого, что и Горький при изображении Клима Самгина». Конечно, всё это требует ещё тщательного изучения. Но сама постановка этого вопроса - изображение врагов революции в «Жизни Клима Самгина» и «Тихом Доне» - не может не вызвать интерес. Ведь это Горькому принадлежат слова о поверхностном показе в нашей литературе «уходящего мира».

Подчеркивая здесь значимость для Шолохова и других советских писателей опыта горьковского «Клима Самгина» – одного из самых монументальных созданий литературы социалистического реализма, мы несколько не умаляем могучего дыхания толстовской традиции в творчестве Шолохова, скажем, «Войны и мира» в «Тихом Доне». Она ощутима в

раскрытии писателем «диалектики души» своих героев, в охвате сразу многих слоев жизни и полнокровном изображении её, в показе исторически масштабных событий, которые, как и локальные конфликты, семейно-бытовые противоречия определяют судьбы героев. Как в знаменитом романе Л. Толстого, в «Тихом Доне» сцены мирного труда перемежаются картинами военных действий и политических событий.

«Но толстовская традиция в «Тихом Доне» не как подражание, а как наследие», – подчёркивал литературовед Б. Сучков. В отличие от Толстого Шолохов «смотрел на... жизнь как народный художник, стоящий на революционных социалистических позициях, оценивающий события живой историей, исходя из интересов революции...».

Не только преемственность толстовской традиции, но и новизну шолоховского романа отмечал и великий французский писатель Ромен Роллан. Он видел в «Тихом Доне» проявление воли и разума новой эпохи.

Возвращаясь к Горькому, вспомним, что в речи на пленуме правления Союза советских писателей в 1935 году, отмечая недостатки ряда драматических произведений тех лет, он упрекал молодых литераторов в неумении создавать яркие человеческие характеры по законам синтеза, отбора типичных черт: «Ходит по сцене человек и не веришь, что был такой».

Герои Шолохова – Григорий Мелехов, Аксинья, Наталья, Давыдов, Нагульнов, Лушка, дед Щукарь, Андрей Соколов, Пётр Лопухин и другие литературные типы такой цельности и яркости, что иногда кажется, будто герои эти живут где-то рядом, что ты недавно встречался с ними.

Говоря о шолоховской силе типизации, нельзя не указать на почти документальную основу отдельных характеров-типов и типических обстоятельств. В литературе уже упоминались имена некоторых «прототипов» шолоховских героев - нет поэтому нужды повторяться. Хотелось бы указать и на другое. Конечно, прототипами художественных образов могут служить реальные люди и явления, но это, как правило, не одно явление, не один человек, а многие. Типический образ далеко не всегда «совпадает» с тем или иным конкретным человеком, а лишь в чём-то сходен и с ним, и с другим, и с третьим...

Например, когда говорят о генерале Стрельцове из романа «Они сражались за Родину», то вспоминается судьба известных генералов Горбатова, Лукина и других. Кстати, в этой связи сам Шолохов дважды упоминал имя М.Ф. Лукина в печати (17 апреля и 21 октября 1965 г.). Когда речь заходит о деде Щукаре, то вспоминается старый казак Воробьев из-под Вёшек, «самозванству» которого поначалу писатель дивился, а потом даже подружился с этим «дедом Щукарем», и безымянный дед-возница, о котором Шолохов рассказывает в очерке «Слово о Родине», вспоминая поездку на лошадях в январе 1930 года, в начале сплошной коллективизации. Однако надо сказать, что образ Щукаря, как и многих других героев из романов Шолохова, ни с какого конкретного прототипа списан не был. Это плод

творческой фантазии, отбора и типизации, когда писатель обобщает черты целого ряда подобных людей.

В литературе всегда преобладало понимание типического образа как отражения прочно сформировавшихся и многократно повторяющихся явлений. Не отбрасывая полностью традиционное понимание художественного обобщения, в нашей литературе эта проблема решается несколько по-новому.

Художественная фантазия, как правило, не получает необходимой силы, если она не вспыхнула от искры времени. И литературные герои наиболее яркие, оригинальны в том случае, если за ними стоят прототипы, доведенные как бы самой жизнью до кондиции своеобразного характера, типа. Умение передать через такие типизированные образы ход исторического развития - это ещё один результат плодотворного освоения нашими писателями опыта, замечательных традиций М. Горького. А основу горьковского метода типизации характеров и обстоятельств составляет социальный анализ. Он является органическим свойством социалистического реализма и другим творческим методом в такой степени не присущ.

Горький писал:

«Я думаю, что вот это и есть социалистический реализм, – реализм людей, которые изменяют, перестраивают мир, реалистическое образное мышление, основанное на социалистическом опыте».

В другом месте он подчеркивал:

«Мы считаем талантливыми литераторов, которые хорошо владеют приемами наблюдения, сравнения, отбора наиболее характерных классовых особенностей и включения - воображения - этих особенностей в одно лицо; так создается литературный образ, социальный тип».

И Горький советовал молодым писателям: «Надо учиться наблюдать, сравнивать, отбирать классово типичное...».

Но, создавая обобщенный литературный образ (социальный тип), Горький советовал:

«Нудно в каждой воображаемой единице найти, кроме общеклассового, тот индивидуальный стержень, который наиболее характерен для неё и в конечном счете определяет её социальное поведение».

Сторонники традиционного понимания типического упрекали писателя в «нетипичности» фигуры Ниловны. Объясняли это тем, что в ней было отражено явление, еще не ставшее тогда массовым. Григория Мелехова тоже объявили фигурой «нетипичной», поскольку средняцкое казачество (крестьянство) в массе своей, преодолев сомнения и ошибки, пошло за большевиками.

Но если Ниловна и Григорий Мелехов не типичные образы, а индивидуально-случайные фигуры, то почему Горький и Шолохов поставили их в центре своих романов?

Становится очевидной узость некоторых рассуждений о том, что путь Ниловны не типичен для широких масс пролетариата, а драматический путь

Григория Мелехова для широких масс крестьянства, стоит лишь внимательно вчитаться в слова, сказанные В.И. Лениным о романе «Мать» самому Горькому: «Книга - нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя»¹⁷.

Значит, Ниловна и много других рабочих участвовало сначала в революции несознательно. Выходит, образ Ниловны типичен, он отражает не единичное, а массовое явление - «много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно». Это можно отнести и к образу Григория Мелехова, ибо он и много других крестьян участвовали сначала в революционной борьбе несознательно, стихийно. Шолохову удалось с небывалой силой и глубиной изобразить всю сложность положения крестьянских масс в период социальной ломки.

Рискуя повториться, но помня о непрекращающихся до сих пор горячих спорах вокруг Григория Мелехова, о забвении некоторыми литературоведами шолоховских слов о том, что «у Мелехова очень индивидуальная судьба», ещё раз подчеркну: создавая образ огромного социального обобщения, Шолохов как бы следовал известному совету Горького: «Нужно в каждой изображаемой единице найти, кроме общеклассового, тот индивидуальный стержень, который наиболее характерен для неё и в конечном счёте определяет её социальное поведение».

Заканчивая разговор о творческом освоении Шолоховым горьковских традиций и о самобытности его большого таланта, хочется подчеркнуть, что подлинный художник осуществляет развитие лучших традиций отечественной литературы прежде всего созданием новаторских образов, в которых опыт предшественников сочетается со значительными находками в форме и открытиями в содержании.

Писатель-академик Леонид Леонов очень точно заметил: «Истинное произведение искусства, произведение слова в особенности, есть всегда изобретение по форме и открытие по содержанию».

Только так традиции обретают новую жизнь, влияют на литературный процесс. Сегодня достижения писателя-академика Шолохова уже приобрели для русской и мировой литературы значение классических традиций.

Тема «Шолохов и Горький» огромная, требует, конечно, дальнейшего обстоятельного, коллективного изучения. Наше литературоведение только начинает её освоение. А глубокое изучение данной темы имеет принципиальное значение. Время от времени слышатся - то глухо, то явственно - голоса, которые тшятся доказать, что современный литературный процесс не связан с шолоховскими и горьковскими традициями, идёт в обход этих традиций. Больше того, они проявляют нигилистическое отношение к их творческим урокам и художественным открытиям. И это в то время, как история нашего искусства и практика писателей доказали, что

¹⁷ М. Горький. Собр. соч. В 30 т. - М.: ГИХЛ, 1949-1955. - Т.17. - С.7.

художественные традиции Горького и Шолохова являются глубинными корнями отечественной литературы. Лучшие произведения наших российских и зарубежных писателей - наглядное свидетельство несостоятельности нигилистических утверждений.

Михаил Александрович Шолохов как-то сказал: «На меня влияют все хорошие писатели». И назвал некоторые имена. Мне представляется, что влияние Горького было самым плодотворным. Молодой талант Шолохова быстро окреп и создал такие произведения, которые стали вровень с лучшими образцами русской и мировой литературы.

Закончить эту статью хочется словами М. Горького, сказанными 31 декабря - под новый, 1929, год:

«Шолохов, - судя по первому тому, - талантлив... Каждый год выдвигает всё более талантливых людей. Вот это - радость. Очень, анафемски талантлива Русь».

Публицистика М. Горького

«Два томика его рассказов и очерков представляют собою нечто вполне определённое, притом такое, что может доставить и художественное наслаждение и пищу для размышления, что можно не только с удовольствием читать, но и перечитывать, и что помянется историей литературы, хотя бы г. Максим Горький уже ничего более не писал. Горький разрабатывает если не совсем новый, то очень мало известный рудник, - мир босяков... и, между прочим, он отдаёт ему всё своё внимание и весь свой недюжинный талант».

1898 г. Н. Михайловский

«С нашей точки зрения, художественное мировоззрение М. Горького, как оно оформилось теперь в его последних вещах, нуждается в серьёзных поправках и оговорках... Ответ надлежит искать в отношении М. Горького к Октябрьской революции... Сомнения и колебания связали талант Горького там, где шла речь о революции. Поэтому с такой осторожностью Горький касается наших дней, предпочитав более устоявшийся материал прошлого... Одну душу, жадную, собственническую, дикую, Горький видит превосходно, а к другой глух. И у него искажаются иногда революционные перспективы и звучит скептицизм... Мысли Алексея Максимовича по этому поводу и вправду «несвоевременны»... Эти и подобные замечания и оговорки к современному Горькому необходимо сделать. У Горького есть «несвоевременные мысли», но «по кровям», по своему художественному облику он наш художник... Горький демократичен с ног до головы... Горький был и остаётся большим и по-своему единственным и неповторимым писателем».

1926г. А. Воронский

М. Шолохов - М. Горькому.
24 декабря 1932 г.
Между прочим
(Наброски о Горьком, статьях и т.д.)

Этот заголовок, придуманный более ста лет назад М. Горьким для цикла фельетонов Иегудила Хламида (ещё один псевдоним журналиста Алексея Максимовича Пешкова) в «Самарской газете», помогает мне сейчас сказать несколько вступительных слов о предстоящих для читателя двух статьях о публицистике Максима Горького.

Так случилось, что на протяжении всей моей журналисткой и литературной работы (а это уже более полувека) я чаще всего обращался к творчеству М. Горького и М. Шолохова. И это не случайно - я считал и считаю сейчас их самыми великими писателями России XX века, которыми мы должны гордиться, а для этого надо хорошо знать их творчество.

Например, надо знать, что когда в начале 1898 года появились два тома «Очерков и рассказов» никому неизвестного автора М. Горького, то он и издатели были приятно удивлены «неожиданным» успехом книг у читателей и критики. Все восхищались и содержанием, и художественной формой (особенно языком) произведений о босяках, но мало кто знал, что за этим кроется большой шестилетний труд молодого писателя: тридцать произведений, вошедших в это первое издание, составляли только четверть из всего, что к тому году было опубликовано в газетах и журналах.

Теперь о статьях в этой книжке.

О тех, что о публицистике М. Шолохова, - здесь говорить не буду. Я об этом уже кое-что сказал в нескольких своих книжках о нём и в научных сборниках, а новое читатель прочтёт здесь через десяток-другой страниц. А вот о статьях о публицистике М. Горького, что в этой книжке, скажу сейчас пару слов как бы между прочим.

Первая статья о ранней публицистике великого писателя - 90-х годов XIX века - была задумана мной ещё в 50-х годах минувшего века, когда в МГУ мне попал в руки только что вышедший 23-й том Собрания сочинений писателя в тридцати томах. В нём были собраны самые первые статьи, фельетоны и очерки молодого писателя, опубликованные в газетах в 1895-1906 годах. Причём меня поразило тогда примечание к тому: «После первой публикации в периодической печати статьи... не переиздавались». А в них ведь не только критика старой русской действительности, обличение «свинцовых мерзостей» жизни, но и искания талантливо мыслящего человека новой, лучшей доли для своего народа.

Уже по этим статьям, очеркам, фельетонам и наброскам «Между прочим» можно изучать историю русского общества конца XIX - начала XX веков, так правдиво и художественно воссозданную М. Горьким. Здесь не только беспощадное изображение устоев частнособственнического общества, верное понимание социальных отношений, но и многосторонний охват

действительности, больше того – видение перспектив развития жизни в России, намёк на реальные силы, которые могут принести избавление от гнёта.

Итак, первая статья о ранней публицистике Горького была задумана в 50-х годах, потом я вернулся к ней в 70-х годах, а начал работать над ней в 1987 году, когда появились новые неизвестные фельетоны 90-х годов и ещё я прочитал 1-го мая в «Комсомольской правде» статью «Школа Горького», в которой справедливо говорилось о том, что за последний период мы забыли издавать публицистику Горького, а она - лучший пример и урок в познании нашей бурной действительности. Это была несомненная правда. Как-то постепенно мы стали «забывать» значение М. Горького в нашей культурной и общественной жизни, значение, которое давно и чётко определил критик-революционер А.В. Луначарский: оно «заключается в том, что он является первым великим писателем пролетариата, что в нём этот класс... впервые осознаёт себя художественно, как он осознал себя философски и политически в Марксе, Энгельсе, Ленине». Сам Горький, вспоминая о своих политических исканиях в молодости, говорил: «В конце концов я нашёл какой-то свой путь и вот уже почти сорок лет шагаю этим путём, и он привёл меня как раз туда, куда следовало. Рабочий класс принял меня как своего человека, я чувствую себя вполне на своём месте и в этом черпаю силы для жизни и работы...».

Но тогда статья моя так и не написалась.

Потом, через несколько лет, появились в печати после долгого забвения «Несвоевременные мысли» М. Горького, написанные в первые революционные годы (1917-1918), когда в России грянули одна за одной две революции, которые писатель назвал «несвоевременными». Захотелось сказать и об этих статьях. Но надо было оглянуться назад, к первым выступлениям Горького в газетной публицистике.

А это 90-е годы XIX века. И родилась статья «Горькое слово Горького - публициста».

Горькое слово Горького-публициста (По страницам газет 90-х годов XIX века)

I

Богаты литературные традиции у нашего искусства. Известно также, что в нашей отечественной литературе смелое новаторство в художественно-публицистическом изображении жизни сочетается с использованием и развитием всех прогрессивных традиций русской и мировой культуры.

Самым ярким и близким нам, после М. Шолохова, представителем этой культуры, наследие которого до сих пор используется и развивается нашими писателями и журналистами, является Максим Горький. Огромно его значение в развитии нашей культуры. Весь творческий путь М. Горького в художественной литературе и периодической печати - это образец честного, правдивого и высокохудожественного отображения действительности, поддержки всего нового, подлинно прогрессивного и обличения всего того, что противодействует движению любого человеческого общества вперёд.

Под этим углом зрения мы и попытаемся рассмотреть в данной статье журналистское наследие М. Горького 90-х годов XIX века, его смелую критику капиталистической действительности, эксплуатации в городе и деревне простых людей.

Что общего, казалось бы, в творческой манере многих наших писателей и журналистов и Горького 90-х годов?! И однако, это общее существует. Оно не лежит на поверхности, не означает совпадение художественно-тематических признаков. Оно лежит в глубине эстетического и гражданского сознания. Так было, есть и будет.

Известно, что в 90-х годах позапрошлого века на основе промышленного подъёма растёт не только самосознание российского пролетариата, но формируется идеология русского капитализма, которая вместе с идеологией дворянства определяет во многом развитие литературы и журналистики господствующих классов. Антинародному, декадентскому искусству и буржуазно-помещичьей печати, выразившим идеологию имущих классов, напуганных призраком грядущей революции, противостоит творчество молодого М. Горького, быстро, к началу XX века, ставшего во главе передовой реалистической литературы и прогрессивной журналистики России.

Появление такого художника, как Горький, исторически закономерно. Давно известно, что когда возникает жизненная потребность осмыслить время, в особенности, время, исторически переломное, оно всегда выдвигает талантливых людей, часто писателей, для которых это становится внутренней потребностью. Вспомним Радищева, Пушкина, Тургенева, Горького, Шолохова...

В 90-е годы Горький-публицист писал: «В литературе место всякой правде... В литературе место всякому голосу - если это искренний голос. Литература есть трибуна для всякого человека, имеющего в сердце горячее желание поведать людям о неустройстве жизни и о страданиях человеческих, о том, что надо уважать человека, и о необходимости для всех людей - свободы! свободы! свободы!» (Газета «Северный курьер», 1899, №15).

Раннее творчество М. Горького в литературе и журналистике - пример сознательного служения новому, прогрессивному, пример умения владеть передовой методологией анализа социальных процессов.

Уже в самых первых рассказах и фельетонах М. Горького (а это 90-е годы) отчетливо выявилось то, что составило главное содержание всего его творчества дореволюционного периода - протест против старого строя, борьба с капитализмом и остатками крепостничества в городе и деревне, борьба за победу нового образа жизни.

Приступая здесь к анализу творчества раннего Горького, Горького-журналиста, следует, видимо, с самого начала сказать, что наследие великого пролетарского писателя, родоначальника искусства социалистического реализма, обстоятельно изучено нашим литературоведением.

Наука о Горьком - страна огромная. Есть в ней учёные, которые почти всю сознательную жизнь посвятили изучению творчества М. Горького. Назову: лишь некоторых из них - И. Груздев, В. Бялик, А. Волков, Б. Михайловский, А. Овчаренко... Например, одной из первых книг А.И. Овчаренко, вышедшей около 40 лет назад, была «Публицистика М. Горького», а последней - «От Горького до Шукшина» (1982).

К книгам этих и других исследователей с каждым почти годом прибавляются новые работы. Литература о Горьком - это постоянно «расширяющаяся вселенная». Но есть ещё немало проблем, которые нуждаются в дальнейшем рассмотрении. И одна из них - творчество раннего Горького, его публицистика.

II

С появлением и развитием в России крупного промышленного капиталистического производства появился и рос рабочий класс и его беднейшая часть - пролетариат. К концу XIX века, по подсчётам Ленина, в России было уже около 10 миллионов наёмных рабочих¹⁸. Превращение России в капиталистическую страну, как и везде, происходило путём усиления эксплуатации трудящихся. За цифрами роста заводов и количества рабочих скрывались горе и слёзы простого народа. Положение было тем более невыносимым, что капиталистическая эксплуатация сочеталась в России с остатками крепостнического гнёта.

К концу XIX века пролетариат России сложился в большую революционную силу. Основные массы рабочих были сосредоточены в Петербурге, Москве, в Донском бассейне, в Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону и других крупных промышленных центрах. Но эту огромную силу надо было организовать и политически просветить, дать ей ясное понимание путей борьбы за освобождение.

Хищническая эксплуатация и полное политическое бесправие рождали протест рабочих. Уже в 70-х годах XIX века рабочий класс России начал пробуждаться и повёл борьбу за свои права. В 80-х годах в России происходили многочисленные рабочие забастовки. Это была ещё стихийная борьба, всего лишь проявление зачаточной формы сознательности рабочего класса.

Хотя ранний период литературного творчества Горького определяется как революционно-романтический, однако уже в этот период в его творчестве пробивалась мощная реалистическая струя. В критическом отношении к окружающей действительности, в заступничестве за угнетённых и униженных М. Горький следует гуманистическим традициям русской классической литературы, традициям Радищева, Пушкина, Щедрина, Достоевского... Однако он вносит в эти традиции нечто принципиально новое. В своих ранних художественных и публицистических произведениях Горький не только

¹⁸ В.Л. Ленин. Полн. собр. соч., Т.3, С. 582.

сурово обличает «хозяев жизни», гневно протестует против гнетущей действительности, он зовёт к осознанной борьбе.

Особенно много страстных, обличительных выступлений мы найдём в публицистике Горького 90-х годов. На страницах «Самарской газеты» и «Волжского вестника» (Казань), «Нижегородского листка» и «Одесских новостей» он бичевал мир хищных эксплуататоров. Эта критика действительности в реалистических рассказах, очерках и фельетонах молодого Горького развивалась по двум линиям: с одной стороны, - обличение капиталистов-собственников и буржуазной интеллигенции, а с другой стороны, - показ невыносимых, недостойных человека условий жизни эксплуатируемого народа.

Анализ публицистической в основном деятельности М. Горького (А.М. Пешкова) начнём с 1895 года, когда он становится профессиональным газетчиком - сотрудником «Самарской газеты».

До этого М. Горький от случая к случаю печатал свои очерки и рассказы в различных газетах и журналах. Так, первый рассказ «Макар Чудра» был напечатан 12 сентября 1892 года в тифлисской газете «Кавказ», а 4 сентября 1893 года в казанской газете «Волжский вестник» появился широко известный публицистический рассказ «О Чиже, который лгал, и о Дятле - любителе истины».

Сотрудничество М. Горького в «Самарской газете» началось с октября 1894 года, когда был помещён его первый в этой газете рассказ «Два босья». По настоятельному совету писателя В.Г. Короленко в феврале 1895 года М. Горький уехал из Нижнего Новгорода и поселился в Самаре, где по рекомендации того же Короленко был приглашён для постоянного сотрудничества в «Самарской газете». Редакция предложила ему 100 рублей в месяц за ежедневный фельетон и 3 копейки за строку беллетристики. В течение первой половины 1895 года в «Самарской газете» почти ежедневно печатались рассказы, очерки и фельетоны Горького. Сначала он вёл воскресный фельетон «Теневые картинки», через несколько месяцев ему поручили ежедневный фельетон «Между прочим», а затем - отдел «Очерки и наброски».

Фельетон «Между прочим (Мелочи, наброски и т.д.)» сначала вёл журналист С. Гусев, писавший под псевдонимом Слово-Глаголь. После его ухода из газеты этот фельетон начал вести М. Горький и 14 июля 1895 года в «Самарской газете» появилась подпись «Иегудиил Хламида». (Принадлежность этого псевдонима М. Горькому подтверждена им самим в очерке «В.Г. Короленко»). Всего в «Самарской газете» с 14 июля 1895 года по 21 апреля 1896 года было напечатано свыше 180 фельетонов Иегудиила Хламида.

Кстати, слово «фельетон» выражает здесь не только жанровое понятие, но и место («подвал») статьи любой тематики на всех страницах («полосах») старых русских газет.

Вторая половина 90-х годов - это годы бурного развития капитализма в царской России и одновременно годы жестокой эксплуатации пролетариата. Рабочие трудились на фабрикантов и заводчиков от рассвета до глубокой ночи. При этом они получали очень низкую зарплату. Однако и жалкий заработок редко доставался рабочим сполна. На каждом шагу с рабочими сдирали грабительские штрафы. Жили рабочие в тесных казармах, в землянках. Рабочие плохо одевались, скудно питались. Болезни уносили массу жизней. Страхования рабочих не было. Когда рабочий выбивался из сил или заболел, хозяева выбрасывали его на мостовую. Так было по всей России, так было и в Самаре.

Через весь цикл фельетонов «Между прочим» красной нитью проходит мысль Горького о том, что нельзя больше мириться с нечеловеческими условиями жизни многомиллионного народа России. В новогоднем номере «Самарской газеты» (1896, №1) Иегудиил Хламида писал: «Людам, ничем не довольным, желаю пробыть таковыми до гроба. А тем, кто доволен собой и окружающим его, искренно желаю утратить это довольство и принять человеческий образ и подобие».

Для Горького быть человеком - это великая честь, носить имя человека - большая гордость («Человек! Это звучит гордо!»). Хозяев - эксплуататоров Горький с первых же своих литературных шагов лишает человеческих черт.

Вот как, например, рабочий паренёк представляет своего «хозяина» Ивана Митрича в одном из фельетонов Иегудиил Хламыды: «Перед одним из балаганов (цирка) ошалелый от водки... субъект, в красном трико, засовывает себе в разинутую пасть голову удава, обвивавшего ему шею, и благим матом орёт:

-Видите?! Смотрите!

Змея, окоченевшая от холода, еле движется на его плечах...

-Это что! - скептически говорит парень, с ног до головы выпачканный в муке. - Нет, кабы к твоей-то шее наш Иван Митрич присосался - ты бы узнал, каков он есть, настоящий-то удав... Тот поживее ворочает... Тот не токмо что свою голову в чужой рот совать, - он сам живьём людей глотает...

И, довольные своей аналогией, зрители отходят» (Самарская газета, 1895, № 198).

Вот и весь фельетон. Как просто! А как звучит в нём ненависть ко всяким угнетателям-«удавам».

До 1903 года в царской России открыто существовали телесные наказания. За малейшую провинность крестьян пороли розгами, а рабочих жестоко избивали кулаками. М. Горький с первых шагов своей литературной и журналистской деятельности смело выступил против этого варварского «скулодробления».

В одном из фельетонов цикла «Между прочим» Иегудиил Хламида рассказал всем о том, «как в уфимских железнодорожных мастерских дерутся», рабочего избили только за то, что он... грамотный (!). «Кто-то, что-

то, о чём-то написал, а он, ничего не ведая, оказался во всём виновен». Вот как описывает фельетонист этот факт грубого издевательства над рабочим:

«Обвинённый в писательстве человек... имел суждение о каком-то служебном деле с мастером токарного цеха Т. Мастер - это то же начальство - горячился и говорил лаконично и красноречиво...

– Ну? Да! Э! Хе-хе! Болван! О? Дурак! Н-но? Х-ха!

А когда увидел, что всё это недостаточно убеждает его собеседника, то употребил самый веский аргумент и дал собеседнику в зубы... Тот пожаловался начальству. Начальство выслушало жалобу и положило такую резолюцию: «А не надо было выводить человека из терпения».

Зачем выводить его из терпения? Конечно, если и меня вывести из терпения, и я буду бить. И ещё как вздую! Идите, и не выводите человека из терпения,

Жалобщик ушел сконфуженный. Встречается с ним мастер Т.

– Ну что, пожаловался?

– Отстань...

– Пожаловался, ха-ха-ха!

– Скажи, чего ты надо мной издеваешься?

– Я? Я и ещё тебе в зубы дам!

И мастер дал жалобщику ещё в зубы.

– На, жалуйся!

Но тот уже не пошёл жаловаться. Какой в этом смысл?.. Но – увы! Он не обрёл в смирении покоя...» («Самарская газета», 1895, № 261).

Нетрудно догадаться, какой большой смысл заложен Горьким в последних словах. Не смиряться надо, а бороться! Победишь - будешь жить свободно, без издевательств и мордобоев.

* * *

Горький-журналист показал и чудовищную тяжесть труда порабощенных с юных лет таким обществом людей. Испытавши подростком и юношей на собственной спине жестокую эксплуатацию, он много писал о вопиющем положении детей. Чаще всего это были заметки о маленьких жертвах несправедливой жизни. В галерее трогательных образов «уличных» детей мы видим жалких босяков, воришек. М. Горький, глубоко заглядывая в жизнь тогдашней России, смело обнажал социальные корни зла, калечившего сотни тысяч детей.

«Учебный сезон начался, а около трёхсот мальчиков остались с желанием учиться... Поздравляю Самару - она в скором времени будет имеет ещё целую роту горчишников. Совершенно свежих, ещё не бывших в «делах» полиции..., роту молодых пареньков, обалделых от скуки и пустоты жизни и развлекающихся творением диких выходок против мирных обывателей...

Придёт время, и в городской думе появятся доклады и проекты... средств искоренения горчишников... Сей гласный предложит переловить их и сослать на пожизненное проживание в какие-нибудь дикие страны. Оный

порекомендует отдать их поголовно в солдаты. А там, глядишь, начитавшись «Света», «Сына Отечества» и других специально и специфически патриотических печатных бумажек, - предложит образовать из горчишников вольный кадр и послать их на завоевание Китая» («Самарская газета», 1895, №201).

Читая эти горьковские строки, невольно обращаешься мыслью к современной России, но особенно к Америке с её наёмной агрессивной армией, состоящей порою из молодых уголовных элементов.

Со страниц газет М. Горький, молодой тогда просветитель, страстно ратовал за школы для детей, грамотность, народное образование. Он писал: «А двести восемьдесят мальчиков тем не менее лишены возможности учиться. Быть может, среди них есть таланты. И уж, наверное ... Иван Китаев, десятилетний человек, прибывший в Самару из Баку по этапу... Подумайте, мальчик десяти лет - уже бродяга, путешествует по этапам и обучается арестантской мудрости... Что же из него будет?.. Слишком много гибнет мальчиков, ибо слишком мало уделяют им внимания» («Самарская газета», 1895, №201).

Горький настойчиво обращал внимание общества на тяжкие условия труда малолетних подмастерьев, и его фельетоны, рассказы из жизни трудящихся детей звучат и сегодня как обвинительный акт любому антигуманному обществу. «Бесплатные и беззащитные мальчики не требуют от своего хозяина дров и масла, ибо мальчиков, для того чтобы они работали, не нужно ни накаливать огнём, ни смазывать маслом... Они и без того могут делать всё, что их заставит хозяин... Ибо к нему их погнала непобедимая нужда... Мальчики же, нуждаются только в ругани, в толчках, пинках, подзатыльниках, трёпках, выволочках и прочих дешёвых средствах. Наградить всем этим мальчиков хозяину не только ничего не стоит, но даже доставляет удовольствие» («Самарская газета», 1895, №208).

С возмущением писал М. Горький о том, что на чугунолитейном заводе самарского капиталиста Лебедева, где работают малолетние труженики, не существует техники безопасности, вследствие чего часты случаи увечья малолетних. Так, однажды, на заводе этого «бесконтрольного командира и властелина бесплатных мальчиков-учеников», произошла «маленькая неприятность»: один мальчик «как-то неловко пошатнулся, и его ручонка попала в шестерню станка... Говорят, что дробление косточек весьма часто практикуется на заводе господина Лебедева, и говорят, что он вообще хладнокровно смотрит на такие пассажи... Мальчик в представлении подобных господ - не велика штука... По сей причине они свободно практикуют по отношению к мальчикам великие зверства, великую халатность и все прочие качества своих низких душ... Всё это старо? Я знаю... Но ведь это случилось 24 сентября, наверное, произошло где-нибудь и 25-го, 26 число тоже вместило в себя дробление «косточек»... И за все остальные числа каждого месяца я поручусь... Всегда кости мальчиков дробят... И как это ни странно, как ни

привычно, это всё-таки возмутительно в виду полной беззащитности мальчиков...» («Самарская газета», 1895, №208).

На этом примере ярко видно, что Горький не был бесстрастным провинциальным бытописателем. Нет! Гуманист Горький протестует, гневно бичует весь класс капиталистов, а не одного какого-то «хозяина жизни».

С горькой иронией говорит Горький:

«Мальчик из типографии – совсем особенный мальчик... Жизнь мальчика из типографии вдвое тяжелее жизни всякого иного мастерового мальчика, ибо он имеет дело со свинцом. А свинец очень тяжёлый металл, как известно.

Но я не решусь сказать, что тяжелее – свинец или рука типографщика Грана? Я видел щеку мальчика, на которую упала рука господина Грана... Я могу рассказать, при каких обстоятельствах господин Гран расколол щеку своего мальчика. Суть дела в щётке и в кухарке... Щёткой из кухни строго воспрещается мести пол в типографии и наоборот... Кухарка берёт щётку типографии и хочет мести ею пол кухни. Мальчик из типографии видит в этом явное нарушение распоряжений хозяина, возмущается непочтением к ним со стороны кухарки и щётку ей не даёт. А кухарка идёт к господину Грану и...

Я не знаю уж, что у них там было. Но только господин Гран выскочил в типографию, наскочил на мальчика и залепил ему полновесную оплеуху. От этого щека мальчика страшно вспухла» («Самарская газета», 1895, №184).

Но Горький и тогда верил в лучшее будущее этих «шумных и весёлых, чумазых и оборванных маленьких людей» из типографий, «воспитанников печатного станка, незаметных тружеников слова, весёлые искры которых со временем, может быть, разгорятся в большие огни» («Самарская газета», 1895, №188).

* * *

Фельетоны М. Горького о положении рабочего класса, которые печатались также в «Самарской газете», но в отделе «Очерки и наброски» (с февраля 1895 года под инициалами «А.П.» - Алексей Пешков), мало чем отличаются от фельетонов цикла «Между прочим». Правда, в отделе «Очерки и наброски» есть один фельетон - «Нечто о наборщиках», который, конечно, является шагом вперёд по сравнению с фельетонами Иегудиила Хламиды. Здесь впервые Горький-публицист заговорил о росте самосознания у рабочего класса России, о его первых, пока робких, шагах открытой революционной борьбы.

«...Казанские газетные наборщики поднимают вопрос о тяжести своего положения, - писал М. Горький, – и о необходимости облегчить его посредством праздничного отдыха. Казанским наборщикам сейчас же откликнулись орловские, теперь откликаются киевские (они поместили письмо в газете «Киевское слово»), и следует ожидать, что скоро откликнутся и ещё многие. В этом единогласии есть нечто такое, что, если б оно случилось лет двадцать, тридцать тому назад (намёк Горького на подъём освободительного

движения в 60-х годах, когда царь вынужден был отменить крепостное право), возбудило бы в обществе соответствующие внутреннему значению факта толки и послужило бы для общества того времени источником «подъёма духа» и т.д. Фактец сам по себе довольно оригинален и не малозначителен: он, как бы там ни было, свидетельствует не о чём ином, как именно о зарождении у некоторой части рабочей среды самосознания и сознания своих человеческих прав. И, право, тут есть чему порадоваться: нас не часто дарит судьба такими явлениями... Не народилось ли вокруг нас чего-либо нового за тот период времени, пока мы, отдыхая от жизни, пребывали в равнодушии к ней?» («Самарская газета», 1896, №75).

Сейчас, когда прошло более ста лет со дня написания этих строк, диву даёшься, - сколько верного чутья, прозорливости и глубоких политических мыслей было у М. Горького - молодого тогда провинциального журналиста. Уже тогда он понимал, что царское самодержавие является злейшим врагом трудящихся и победить его можно сплоченной организованной борьбой. Царские вельможи в одном его фельетоне заявляют: «Мы законы сочиняем, мы их и нарушаем... И никому, кроме нас, до всего дела нет» («Самарская газета», 1895, №218). Писатель понимал, что нужна борьба. В борьбе и только в борьбе за лучшее будущее - высший смысл человеческой жизни, утверждал Горький. Он звал к борьбе с окружающей действительностью.

«Что меня всегда удивляет, - писал он, - так это то, что человек, утопая в чистой воде реки, борется с нею более энергично, чем с грязью, в которой он утопает всю жизнь изо дня в день» («Самарская газета», 1896, №47).

«Мы живем, - писал Горький, - в странное время оскуднения энергии, в равнодушные, скептические, тусклые дни, и на нашей обязанности лежит исправить это, расцветить жизнь желаниями, оживить её поступками, облагородить мыслью и всячески сделать её более разумной, живой и разнообразной» («Самарская газета», 1895, №168).

Об этом мечтал молодой Горький, к этому он призывал русский народ.

III

Рассказы, очерки и фельетоны М. Горького о безработных и босяках, воспроизводя жизнь «дна», явились обвинительным актом по адресу общества, выбрасывающего из жизни тысячи и тысячи трудящихся людей города и деревни, делающего их отверженными, лишёнными элементарных условий человеческого существования. Эту тему подсказал писателю его собственный жизненный опыт человека, побывавшего на самом «дне» тогдашнего русского общества и испытавшего на себе плода капиталистической «цивилизации».

В ту пору, когда Горький писал свои фельетоны и рассказы о босяках, в городах России скопилось около пяти миллионов людей, лишённых возможности найти постоянное применение для своего труда. Положение безработных было особенно тяжёлым. У заводских ворот всегда толпились люди, безуспешно искавшие работы. Безработный и его семья обрекались на

голодную смерть. Заводы, фабрики, земля находились в руках «хозяев жизни» и вся власть была в их руках.

Реальным историческим фоном фельетонов Горького было время, характеризующееся, Ленин писал:

«Капитализм... разрывает крепостническую власть земли и заставляет давно уже дочиста обобранного и голодного крестьянина, бросив землю в общество для уравнительного распределения между торжествующими кулаками, уходить на сторону, бродить по всей России, проводя массу времени без работы, наниматься сегодня к помещику, завтра - к подрядчику по постройке железной дороги, потом - в чернорабочие в городе или в батраки к богатому крестьянину и т.д.; когда этот «крестьянин», меняя хозяев по всей России, видит, что везде, куда бы он ни пришёл, он подвергается самому бесстыдному грабежу, видит, что рядом с ним грабят таких же, как он, голяков, видит, что грабит не непременно «барин», а и «свой брат-мужик», раз только есть у него деньги на покупку рабочей силы, видит, как правительство повсюду служит его хозяевам, стесняя права рабочих и подавляя под видом бунта всякую попытку защитить свои элементарнейшие права, видит, как всё напряженнее и напряженнее становится труд русского рабочего, всё быстрее рост богатства и роскоши, — тогда как положение рабочего всё ухудшается...»¹⁹.

Обнищание деревни и выделение ею огромной массы крестьян, постоянно пополнявших люмпен-пролетариат, являлось социальным бедствием, которое не мог не отразить в своём творчестве М. Горький, хорошо знавший нечеловеческие условия, в которых находилась многомиллионная армия безработных и босяков.

Но сначала остановимся здесь на анализе газетных фельетонов М. Горького о положении русских крестьян в 90-е годы, а потом — о всеобщей безработице, о массовом босячестве.

* * *

В раннем периоде творчества Горького, особенно в его журналистике, есть несколько произведений, посвященных описанию деревенской жизни, бедственному положению русских крестьян.

10 января 1896 года в «Самарской газете» Иегудиил Хламида писал: «Вот, например, село Выселки ходатайствует о продовольствии, потому что село Выселки постиг неурожай... Село Выселки хочет кушать, вот узел явления... У села Выселки, которое хочет кушать, есть хлеб, и даже очень много — 9734 пуда хлеба. И вот оно просит разрешения у ставропольской земской управы есть этот хлеб... Ставропольская управа находит нужным предварительно посмотреть, что именно хочет село. Смотрит и видит. Село хочет есть пшеницу. Скажите! Белый хлеб, значит! Но, присмотревшись к пшенице, управа находит её «недоброкачественной, с сильной примесью

¹⁹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т.1, С.333-334.

головни и негодной для продажи»... Управа решает этот вопрос так: «Для потребления порядочных людей - нет, негоден, для потребления мужицкого - да, годен!» И в этом смысле она отписывает губернской управе: «Можно удовлетворить просьбу села Выселок... но всё-таки пусть заплатит за каждый пуд этой негодной для продажи пшеницы пудом хорошей ржи»... И всё это, должно быть, очень человеколюбиво, замечательно гуманно и, несомненно, очень выгодно... С большим трудом постигаются такие махинации».

Но если в этом фельетоне М. Горький ещё робко говорит о грабеже голодающих крестьян, и грабёж-то сам по форме очень скрытый, то в другом фельетоне он смело обрушивается на грубый, ничем не прикрытый грабёж крестьян.

Следует при этом отметить, что фельетоны Горького-публициста, при всей их художественной свободе, строго документальны. Это - критика не только художественно обобщающей силы, но и конкретная «критика на лицо». В этой совокупности - правдивости и художественности - сила и фельетонов молодого М. Горького, всей публицистики писателя.

Остановимся на одном смелом фельетоне Горького, в котором он повествует о том, как однажды крестьяне привезли 151 подводку льняного семени и продали его местному купцу по 14 копеек за пуд. «Ссыпали. А когда ссыпали – купец нашёл, что семена подмочены и скинул по пятаку с пуда... Крестьяне едут к судье и предъявляют иск... Дело назначено на 28 сентября. Выиграют они его? Трудно сказать! Купцы люди умные и весьма ловко «наблоснились» объегоривать крестьян! Уж если человек решается действовать так нахально, как наши самарские толстосумы действуют на ссыпке, - значит, он, этот человек, в успехе своего начинания уверен и для благополучного исхода дела в свою пользу всё припас...

А сам в это время будет вести с мужичками такой разговор:

– Помните, с волком кобыла тягалась – хвост да грива осталась... Бросили бы лучше! Ась?..».

Иегудиил Хламида рассказывает о том, как «мужики чешут затылки», но всё же идут искать себе «ходаталя», чтобы подать прошение в суд.

Долго ищут его мужики, найдут, «нужно его напоить, дать ему за работу, купить марок и так далее, -каторжным трудом добытые гроши так и текут из тощих карманов». Главный расход при этом, конечно, харч. Лошади и люди «живут в городе 3-4 дня, а иногда и больше, и каждый день стоит им около 50копеек. Таким образом, выходит нечто прямо-таки грабительское» («Самарская газета», 1895, №206).

Так резко заканчивается этот смелый фельетон о «крестьянской участи и купецкой счётке».

С болью в сердце писал Горький о несправии крестьян. В городах господствовали фабриканты, купцы, домовладельцы, а в деревнях - помещики и кулаки.

В фельетоне «Операция с «мужичком», опубликованном 8 марта 1896 года в «Самарской газете», Горький рассказывает об «образце грабежа,

выходящего из круга действий, предусмотренных уложением о наказаниях». Фельетонист пишет:

«Наша деревня, уже достаточно обглоданная различными паразитами, тем не менее продолжает привлекать и удовлетворять хищнические аппетиты разных людей «без креста на шее». Операция с «мужичком» всё ещё считается одной из выгоднейших...». Далее рассказ о том, что происходило около Витебска, где объектом «операции» послужили две деревни: Слижики и Трубачи... «Выгодность «облапошивания» деревни главным образом основана, конечно, на её невежестве и на тьме её жизни...» – написал автор в том же фельетоне.

Либералы тех же 90-х годов кричали: «Деревня, - вот он - рай!» Такую и подобную либеральную болтовню, не имеющую ничего общего с реальной действительностью, Горький высмеял с убийственным сарказмом в одном из своих фельетонов, где либералы решили... «завести в деревню музыку - настоящую музыку. Ознакомить мужичков с Чайковским и Бородиным, и чтобы мужичок и пахал под музыку, и молотил под неё, и о податях думал под звуки похоронного марша... Да-с, вы видите, деревне нынче «везёт», как говорится... А как это будет хорошо, когда она введёт у себя разные культурные штуки! Например, телефон. Дядя Сидор звонит к дяде Фоме.

– Эй, ты, корявый чорт, ты дома, что ли?

– Дома, ты что орёшь?

– Я-то? Так, ничего. Лежал, лежал на печи, скучно стало...

– Ну?

– Дай, думаю, Фомку в кабак позову.

– Да ведь денег-то нет?

– А мы мой хомут заложим! Идёт?

И при свете электрического освещения они оба дружески тащат в кабак хомут с шершавого Савраски – животного, питающегося соломой с крыши. Видите – какая отрадная картина?» («Самарская газета», 1896, № 20).

Горький-публицист резко выступал против идеализации народниками крестьянства, против сусальной деревни, которую изображали в своих произведениях либеральные писатели, журналисты.

В отделе «Очерки и наброски» М. Горький напечатал драматический фельетон «О жене, проданной за 40 рублей» («Самарская газета», 1896, №28). Один «бедный и захудалый мужичонка, неудачник» из Таганрогского округа продал свою красивую жену «интеллигентному человеку», помещику, которому она приглянулась. Эта история, по словам Горького, «так проста, кратка и до ужаса ясна... Продают человека... Поймите, продают... как вещь, как животное. Продавец, глупый раб невежества, – одичалое от голода и жизненных неудач существо. Покупатель-«интеллигент»...

И Горький не только обличает, он видит неотвратимый процесс разложения, загнивания такого общества. В этом же фельетоне он пишет: «И всё это творится так просто тихо, незаметно... И ужасна эта тишина процесса разложения».

В другом очерке-фельетоне на крестьянскую тему – «Для мира», опубликованном в «Самарской газете» (1896, № 50), Горький рассказывает о таком факте: «По словам одесских газет, на днях из Владивостока в Одессу прибыли два крестьянина Полтавской губернии... Это уже старики... Дело в том, что оба они «ходоки», искали «свободных земель», и именно ради этого они пешком из Полтавской губернии через всю Сибирь сходили во Владивосток...

– Земля у нас родит плохо, - говорит старик, - да и мало её, не может матушка-землица прокормить всех досыта. Народ обеднел, понакопилось недоимок разных, просто хоть плачь, никак невозможно мужику прожить. А тут на миру «балакают», что есть в сибирской стороне такие места богатейшие, что и земли, и лесу, и всяких тебе угодий много. Вот я и решил послужить миру..., пойти и поразведать про тамошние места. Спросил у мира благословения и пошёл себе с богом в сибирскую сторону, имея в кармане всего Рублёв двадцать денег».

М. Горький в этих немногих строчках нарисовал одну из картин того, как зарождались в России 90-х годов босячество и массовая безработица, о которой Ленин в 1894 году писал, что «безработица становится нормой», что «капитализм...разрывает крепостническую власть земли и заставляет давно уже дочиста обобранного и голодного крестьянина, бросив землю обществу, ... уходить на сторону, бродить по всей России, проводя массу времени без работы...»²⁰.

Особенно тяжёлым было положение безработных в городе. Они всегда толпились на углах улиц, у заводских ворот, ища себе работу. Безработный и его семья обрекались на годную смерть.

* * *

Современная Горькому буржуазная критика совершенно необоснованно пыталась объявить его «певцом» босячества. Но в своей оценке босячества Горький был близок к научному определению этой социальной группы как «порождению отчаяния». Сам Горький неоднократно заявлял, что он обращался к «низам» общества с тем, чтобы заострить свою социальную критику, обнажить язвы буржуазного порядка.

В одном фельетоне из цикла «Между прочим» («Самарская газета», 1895, №233) Иегудиил Хламида ярко изобразил бедственное положение самарских безработных. Вот начало этого фельетона: «Знаете ли вы, читатель, что в Самаре есть «Корневильский рынок»? Настоящий «Корневильский рынок», на котором всегда к вашим услугам:

*Есть блондинки
И брюнетки...*

²⁰ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., Т.1, С. 334.

Предлагающие вам взять их в качестве няnek, кухарок, горничных по цене от трёх рублей за месяц каторжной работы... На них никто не обращает внимания... Место их упорного сидения - угол Алексеевской площади и Дворянской улицы, на тротуаре... Их sprыскивает дождь, посыпает снег, продувает ветер до мозга костей, но они всё-таки сидят и ждут... С шести часов утра они идут дрогнуть на холоде и ветре до шести вечера, и всё безуспешно - на рынке труда перепроизводство рабочих рук... А они сидят день за днём, сидят и ждут работы...».

В другом фельетоне Иегудиил Хламида описывает, как безработные толпами осаждают редакцию «Самарской газеты», как там выдерживают «целый натиск хронически голодающих людей, – людей, чающих куска хлеба и ради него готовых всё делать и всюду ехать...»

– У вас было напечатано, что нанимают людей на сибирскую железную дорогу. Где остановился агент по приёму?

– В Харькове...

– Не знаю такой гостиницы. Где она?

– Это не гостиница, а губернский город на юге.

– Так... Значит, это не в Самаре? Н-да... А зачем же вы это печатали?..

Проходит пять минут без посетителей. Но вот отворется дверь, и снова звучит вожделеющий голос:

– У вас было...

– Харьков!

...Вы приходите в холодное бешенство и внутренне предаёте себя анафеме за то, что позволили себе возбудить путём печати человеческие надежды» («Самарская газета», 1895, № 225).

В большом аналитическом фельетоне «Самара во всех отношениях. (Письма одного странствующего рыцаря)», впервые напечатанном в «Самарской газете» весной 1896 года за подписью «Дон-Кихот», М. Горький писал: «Существует также в Самаре дом трудолюбия, и, как везде, лица, желающие труда, не находят себе в нём места, ибо он слишком скромнен по своим размерам... В то же время в городе существует очень много людей, обладающих миллионными состояниями...».

И как бы продолжая эту мысль, М. Горький в другом фельетоне рассказывает о страшном паразитизме господствующих классов, о коварстве их замыслов. Наступает зима. И «местные владельцы вальцовых мельниц... убавили своим рабочим жалованье на трёшницу в месяц... В сентябре платили 12 рублей, а теперь платят 9 рублей. Расчёт верный. В сентябре ещё навигация не закрылась, и рабочий, чувствуя, что его жмут, мог уйти с мельницы и поехать искать «где лучше». Теперь не уйдёт, шалишь!.. Значит - хочешь не хочешь - работой со скидкой 25 процентов. Рабочие, конечно, будут работать - ничего не поделаешь. Осень, холодно... Купец это понимает. И, подождав, когда будет ещё холоднее, он ещё трёшку скинет. Он не только просто хозяин, но и хозяин всего современного экономического положения. И он, прекрасно

понимая это, стремглав летит к своему идеалу, к такому положению вещей, при котором на его милость работали бы совсем даром. Что ж? С богом!

Сведущие люди говорят, что его успехи подвигают к нему его гибель» («Самарская газета», 1895. № 225).

Этот откровенный вывод человека, «сведущего» уже в марксизме, был крайней смелостью Горького-журналиста в условиях царского самодержавия, когда революционная пропаганда жестоко подавлялась. Следует заметить, что на этот фельетон титулярным советником Вороничем было подано заявление в Главное управление по делам печати. Начальник этого управления Феоктистов 10 ноября 1895 года направил самарскому губернатору такое отношение:

«В № 225 «Самарской газеты» помещён фельетон «Между прочим», в котором указывается на сбавку русским рабочим заработной платы самарскими владельцами вальцовых мельниц. Автор фельетона негодует, что рабочий должен работать на купца, который остаётся хозяином всего современного экономического положения, и при этом высказывает, что представляется отпадным только то обстоятельство, что самые успехи капиталиста, на которого даром трудится рабочий, готовят ему гибель. Принимая во внимание, что подобного рода отличающиеся тенденциозностью направления статьи, согласно циркулярному распоряжению от 28 июня 1893 года за №3138, не должны быть дозволены к печати, Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение, чтобы на будущее время не были разрешены в местные повременные издания статьи, могущие поселить вражду рабочих к хозяевам»²¹.

Уже из этого видно, что молодой М. Горький не ограничивался только обличением капитализма. Рисуя безработицу, голод, нищету, бесправие народа, бесчеловечную эксплуатацию, он указывал и на настроение протеста, зревшее в среде угнетённых, противопоставлял новые чувства и стремления, зарождавшиеся в народных массах, грубой силе эксплуататорской среды. Протест его, как мы видели выше, является протестом уже революционным, осознанным, но в нём есть и черты всеобщего стихийного народного недовольства. Пролетарский писатель - ещё впереди. А тогда «я был несколько знаком с учением Маркса, - писал позже Горький. - «Мораль господ» была мне так же враждебна, как и «мораль рабов», у меня слагалась третья мораль: «Восстающего поддержки»²².

IV

Конец 90-х годов XIX века открывает новую страницу в публицистической деятельности М. Горького. Ширятся его связи с общерусскими газетами, расширяется тематика его публицистических

²¹ Цит. По сб.: М. Горький (Иегудиил Хламида). Между прочим. Фельетоны 1895-96 гг. – Куйбышев, 1942. – с.311.

²² М. Горький. Собр. соч. В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1949-1955. – Т.25. – С. 321

выступлений, крепнет мастерство Горького-литератора. Если раньше он чаще отражал лишь местные явления Самарской или Нижегородской губернии, то теперь он становится журналистом больших обобщений, рисует условия жизни трудящихся людей всей России.

Центральное место в журналистской деятельности Горького конца 90-х годов занимают корреспонденции о Всероссийской промышленной и художественной выставке.

Весной 1896 года М. Горький приехал из Самары в Нижний Новгород в качестве корреспондента газеты «Одесские новости» на Всероссийской выставке. Одновременно он получил приглашение сотрудничать как беллетрист и публицист в газете «Нижегородский листок».

Газета эта издавалась при ближайшем участии писателя В.Г. Короленко. Во второй половине 90-х годов «Нижегородский листок» стал наиболее радикальной русской газетой. В донесении начальника жандармского управления департаменту полиции за 1899 год сообщается: «...Все означенные газеты, кроме «Нижегородского листка», вполне благонамеренного направления, и случаев вредного влияния их не замечалось... В числе сотрудников этой газеты состоят негласно поднадзорные: Пешков Алексей Максимович и Чешихин Василий, а также Николай Ашешов, Скворцов...».

В январе 1886 года стал известен ещё один цикл «Маленьких фельетонов» молодого М. Горького. Фрагменты из него были опубликованы в «Литгазете», а в полном виде были подготовлены тогда для сборника «Горький и его эпоха». Речь идёт о тридцати небольших фельетонов-очерков, написанных и напечатанных с середины октября по конец ноября 1888 года в газете «Нижегородский листок». Они связаны как бы единой кровеносной системой с теми произведениями молодого писателя, которые публиковались в 1895-1896 годах в «Самарской газете». Посвящены они местным делам, но теперь писатель, к которому весной 1896 года, с выходом двухтомника, пришла известность (правда, без денег, и автор бедствовал, поэтому и сотрудничал в газете), теперь он делал более масштабные обобщения и чаще писал о «живой душе», которую с юных лет калечит, губит бедность, мещанское окружение, мещанский быт и т.д.

Делая обобщения, молодой писатель всё чаще обращался к творчеству крупных художников: Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Мопассана, Золя и других. Он всегда считал, что «все большие произведения всегда суть обобщения». Его особенно взволновали свежие произведения Чехова: «В овраге», «Ионыч» и другие.

Так, в фельетоне, опубликованном 22 октября 1898 года, Горький, отталкиваясь от обычных газетных объявлений, где студенты «за стол и квартиру» готовы «репетировать по всем наукам», обнажает скрытую социальную беду, которая сказывается на специалистах российского общества. Горький пишет:

«И вы слышите за всеми этими предложениями готовность работать до изнурения, до полной утраты сил и физических и моральных... Ради крова и

куска хлеба, ради возможности доучиться, люди берут на себя непосильный труд... Теперь подумайте: кто эти люди? Это - будущие общественные деятели, не правда ли? Это - доктора, юристы, это - нужные для жизни, знающие люди - люда, от которых мы обыкновенно требуем энергии, энергии и энергии, неустанного труда...

Наши «общественные деятели» из разночинцев ещё в школе, когда они готовятся вступить в жизнь, растрачивают свою энергию. Вот почему, между прочим, они так мало активны, вступая в жизнь... Вы хотите иметь энергичных общественных деятелей? Помогите же им жить, пока они ещё учатся...

Вот мы видим, как А.П. Чехов рисует нам хмурых, бессильных людей - Ионычей и других... Но что вынесли эти люди, этот Ионыч, перед тем, как вступить в жизнь в качестве доктора? Этого не говорит Чехов. А ведь, может быть, Ионыч-то и есть тот студент, который... гонялся за куском хлеба и в этой погоне потерял всю силу свою, испортил себе кровь и притупил нервы... Он жалок и даже гадок, но кто знает, чем бы он стал, если б вовремя получил помощь? Если б энергия, которой мы от него требуем, не была изломана и растрочена раньше, чем жизнь потребовала её от Ионыча?».

К этому герою Чехова возвращается Горький в заметке памяти адвоката С.С. Баршева, отмечая, что «он не был одним из тех нудных, хмурых людей, которых с таким трагизмом изображает Чехов и к которым мы близки - как ни горько сознаться в этом».

Несколько статей Горького посвящено теме «Женщина на дне», мимо которой он не мог пройти ни в публицистике, ни в художественной литературе, напечатав такие рассказы, как «Однажды осенью», «Болесь» и другие. Напомню, что в 1899 году появился на эту тему и роман Толстого «Воскресение» - «рассказ гения о проститутке», как писал Горький.

В одном фельетоне Горький рассказал о судьбе, покушавшейся «на самоубийство проститутки, в одном из местных домов терпимости». Здесь же автор в подробностях рисует то, «как живут эти «жертвы общественного темперамента»... В конце фельетона Горький замечает, что такое уже «описано... у Мопассана в его рассказе «Заведение Телье». Через два дня, в газете от 6 ноября, автор даёт короткий, но с обобщением эпилог этой драмы: «Покушавшаяся на самоубийство проститутка по требованию полиции отправлена хозяйкой заведения на родину... Вот и всё. Что это такое – отправить на родину? Что же мы, собственно, достигаем таким перемещением героя драмы? Да ничего, кроме того, что в драме нарушается «единство места», ибо что такое «родина» для проститутки, босяка, для всякого человека, выкинутого за борт жизни? У этих людей нет родины, как нет у них сил бороться с жизнью, нет друзей, ничего нет у них».

На следующий день, 7 ноября, Горький пишет о том, как оскорбительная пошлость посягает на святые имена отечественной литературы, – как «гг. водочные заводчики» выпускают бутылки, изображающие то бюст

Тургенева, то московский памятник Пушкину. С язвительной улыбкой автор восклицает: «Милые люди! Жалкие люди...». И тут же: «Кстати вспоминается, что именем Тургенева была названа в Ростове-на-Дону улица, на которой сосредоточены дома терпимости. Это уже похоже на иронию циника – именем творца лучших женских типов назвать улицу, в которой живут «жертвы» порока и разврата».

В двух фельетонах, опубликованных в «Нижегородском листке» 11 и 14 ноября, Горький пишет о том, как равнодушно, «холодно и сухо», отнеслась публика в городском театре к 70-летнему юбилею Л.Н. Толстого – «гениального художника страны». Глубоко задетый этим, молодой писатель взволнованно говорит: «Его есть с чем поздравить и есть за что поклониться ему. Его семидесятилетие - наш праздник, и пусть он узнает, что те, кого он учил почти полвека, – живы духом, глубоко чтут и любят его, шлют ему свой горячий привет, верят в благотворность его жизни и силу могучего духа великого автора и надеются, что ещё долго он будет волновать сердца людей громким и смелым словом истины и справедливости».

В газете от 15 ноября, «говоря о благотворительной роли местного музыкального Общества», о «роли музыки... в наше время оскудения духовного», Горький высказывает свою главную эстетическую мысль, которой подчинил своё творчество и к которой звал всех деятелей литературы и искусства: «Музыка... будит душу, будит ласково, нежно и горячей... Она оживляет душу, смягчает её и зовёт к лучшему. В ней так много красоты, и она возбуждает желание красоты. Но самое важное и главное для наших дней это то, что она возбуждает бодрость...».

Не утешение, не примирение, а бодрость, призыв к Действию! Горький говорил: «Гуманизм мещан, проповедуя сострадание, учит примирению... Церковь «утешала»? Не отрицаю. Но утешение это – один из приёмов угашения разума. Нет, проповедь любви бедного к богатому, рабочего к хозяину – не моё ремесло. Я не способен утешать». В этих словах – высочайший пример воинствующего гуманизма.

Сотрудничество М. Горького в «Нижегородском листке» продолжалось с перерывами до 1902 года. В этой газете он напечатал много статей, рецензий и целый цикл фельетонов о Всероссийской выставке под названием «Беглые заметки». Эти заметки стали появляться в «Нижегородском листке» с 1 мая 1896 года под псевдонимами: «Некто Х», «Н.Х.», «Л.М. РасаЪиз», «М. Гий» и «М. Горький». Почти все статьи из цикла «Беглые заметки» содержат много текстуальных совпадений со статьями «С Всероссийской выставки» в газете «Одесские новости» за 1896 год.

В 1895-96 гг. эта газета издавалась либеральными деятелями. Предложение о сотрудничестве в «Одесских новостях» было сделано Горькому в конце 1895 или в самом начале 1896 года. 15 апреля 1896 года М. Горький сообщил редактору «Одесских новостей» о своем согласии, и 28 мая того же года в газете появилась первая статья из серии «С Всероссийской выставки. (Впечатления, наблюдения, наброски, сцены и т.д.)» с

редакционным указанием «От нашего специального корреспондента» и объявлением: «В настоящее время помещаются талантливые письма нашего специального корреспондента с Нижегородской выставки А. П-ва».

Начиная работать над очерками о Всероссийской выставке и замечая «недостаточную объективность» в описании её со стороны многих русских и иностранных журналистов (а всего их на выставку в Нижний Новгород съехалось около 400 человек), М. Горький писал: «Лучшее, что может сделать обозреватель выставки, – это изображать её возможно более детально и вполне беспристрастно с чисто внешней стороны, показывая, что на ней есть и как оно представлено, чего на ней нет и почему нет. Я именно так и постараюсь сделать» («Одесские новости», 1896, №3651).

И вот Горький описывает выставку: «Вчера вечером была устроена примерная иллюминация... С Волги - это нечто сказочное. На тёмной массе гор, поросших пышной зеленью, вдруг вспыхнули тысячи разноцветных огней – точно на город упали звёзды с неба. Решено увеличить количество лампочек. Всюду в городе устраиваются транспаранты, щиты, арки и прочее. Декораторы завалены работой, пиротехники тоже; хоры певчих репетируют какую-то кантату. Город чистится, моется, красится, работает и днём, и ночью» («Одесские новости», 1896, № 3691).

На первый взгляд может показаться странным: что общего у этой «сказочной» картинки с трезвой установкой М. Горького, приведенной выше? Но стоит повнимательнее прочитать все остальные фельетоны и станет ясным, что эта картинка сделана Горьким лишь для того, чтобы резко показать контрасты выставки. Вот что пишет он об этой же выставке в другом фельетоне:

«Со всех сторон вас окружают разные архитектурные деликатесы, всюду много стиля, много красоты, из хаоса то и дело возрождаются различные возбуждающие изумление диковинки, – а между ними, на той же самой земле, на которой стоят и они, вздымая свои красивые купола к небу, – согнувшись в три погибели грязные и облитые потом рабочие возят на деревянных тачках и носят «на хребтах» десятипудовые ящики с экспонатами. Это слишком бьёт в глаза... Неприятно видеть на художественно-промышленной выставке – выставку изнурительного подённого труда чернорабочих. Это портит общий ансамбль праздника промышленности и даже как бы иронизирует над праздником» («Нижегородский листок», 1896, № 138).

Содержащиеся у М. Горького в корреспонденциях подробные описания условий работы на выставке не являются самоцелью. Автор рисует здесь измученных непосильным трудом рабочих, чтобы показать этот труд, калечащий людей физически и морально.

М. Горький сразу же вскрыл антинародный характер Всероссийской выставки, на которой не был отображён труд миллионов трудящихся России. На примере сибирского павильона он смело показал, как обходят, замалчивают труд сотен тысяч простых тружеников. Вот это описание:

«...Подходишь к павильону Сибири... Прямо перед вами два стола, и на них вылеплены рельефные карты Нерчинского и Алтайского горных округов... По обеим сторонам этих карт два громадных шара показывают количество добытого металла... Наверное, где-нибудь показаны условия добычи руды, приёмы её обработки, жизнь шахтёров, устройство шахт и всё, что нужно показать для того, чтобы все эти вещи - куски металлов и минералов в сыром и обработанном виде были понятны. Очень хочется знать, кто, чем и как вытащил из земли эти 10.000 пудов золота и дал государству за 30 лет почти 300.000.000 золотых рублей, не считая серебряных и медных, не принимая во внимание драгоценных камней. Кто они, эти добрые гномы, снабжающие отечество презренным, но необходимым металлом? Как это они делают и как они при этом поживают?»

Далее Горький говорит: «...Всюду куски руд за стёклами витрин, в углу – уголь. И ничего, чтобы поясняло все эти образцы горной промышленности двух громадных районов Сибири, чтобы рассказывало, как добывается и обрабатывается руда, - нет. Впрочем, высоко на стене помещены пейзажи сибирской природы, в одном месте изображено даже, как «старатели» промывают золото. Но - и только. Это всё, что дано... к образцам трудов сотен и тысяч населения горных округов Сибири» («Нижегородский листок», 1896, №155).

Как бы обобщая всё вышесказанное, М. Горький в другой статье, напечатанной уже в «Одесских новостях» (1896, № 3651), пишет, что выставка «по существу своему неудачна... Мы хотели устроить выставку национального труда, - войдите в главный отдел..., там есть всё, - и не видно одного, - кем, как и из чего всё это делается...».

В той же статье Горький с дерзкой для тех лет смелостью заявлял, что капиталисты «усвоили себе взгляд на выставку единственно как на рекламу их фирмам, как на громадную ярмарку». Публицист клеймит их за «жадность к наживе, которая сквозит во всём этом рекламном шике витрин. Ведь всё, что они затратили на своё участие в выставке, они непременно возместят из кармана потребителя, непременно возместят, набросив тут же, на ярмарке, лишнюю копейку на аршин ситца, лишний пятак на пуд железа. Ведь вещи выставляют Савва Морозов и Асаф Баранов, Циндель и Гюбнер, а не их ткачи, и всеми барышами от выставки воспользуются эти господа, а не их ткачи». И Горький пишет далее, что «труд народа – действительный труд» отсутствует на Всероссийской выставке.

Нижегородская выставка 1896 года была названа Всероссийской промышленной выставкой и поэтому центральное место на ней отводилось машинному отделу. Этому отделу М. Горький посвятил несколько статей и в «Одесских новостях» и в «Нижегородском листке».

«Прежде всего, - писал Горький в «Нижегородском листке» (1896, № 226-229), – машинный отдел поражает отсутствием в нём русских фамилий». «Я не националист, не апологист русской самобытности», – заявлял Горький на страницах «Одесских новостей» (1896, № 3651), – но, когда я прохожу по

машинному отделу, мне становится грустно. Русские фамилии отсутствуют в нём почти совсем... Но однако какой-то, Людвиг Цол вырабатывает железо «по системе инженера Артемьева»... Это производит колющее впечатление».

Говоря о развитии промышленного капитализма в России, Горький подчёркивал: «Машиностроение развивается, – предположим, что это очень отратно и весьма желательно, – но всё-таки не будем забывать, что оно развивается на русских заводах, основанных иностранцами, работающих иностранными орудиями, при помощи техников-иностранцев и во главе с директорами-иностранцами, перерабатывающих русский чугун русскими руками».

Мы видим, что речь идёт у Горького о хозяйственной отсталости России, о её зависимости от иностранного капитала. Россия вступила на путь капиталистического развития позже многих европейских стран и отстала от них в своём экономическом развитии. Многих важных отраслей промышленности в России совсем не было. Значительная часть оборудования для заводов и фабрик ввозилась из-за границы. Важнейшие отрасли российской промышленности находились в руках иностранных капиталистов, а те беспощадно эксплуатировали рабочих России. Они наживали в нашей стране ежегодно не менее 200 миллионов золотых рублей чистой прибыли.

Таким образом, политика царского правительства вела к тому, что Россия попадала во всё большую зависимость от иностранных государств, становилась полуколонией.

М. Горький видел всё это и понимал, что спасение России - в свержении царизма, и власти капиталистов – злейших врагов трудящихся. Открыто в печати Горький-журналист об этом писать не мог, но говорил так: «...Прогресс в сфере русского машиностроения есть...

Было бы, впрочем, странно, если бы его не было. Причины, задерживающие более быстрое развитие этой отрасли промышленности, кроются, главным образом и прежде всего, в общих... условиях жизни страны, а не в специальных условиях производства» («Нижегородский листок», 1896, № 226-229).

Рассказывая о машинном отделе Всероссийской выставки, М. Горький во многих своих корреспонденциях затронул и другие острые в условиях капитализма вопросы: о рабочем человеке – приатке машины, о росте самосознания и боевых сил пролетариата о неизбежной борьбе.

В газете «Нижегородский листок» (1896, № 200), описывая машинный отдел выставки, Горький в статье «Среди металла» писал:

«Когда по утру войдёшь в машинный отдел – это царство стали, меди, железа, – увидишь спокойный, неподвижный и холодно блестящий металл..., присмотришься ко всем сложным организмам, каждый член которых создан человеческим умом и сработан его рукой, – чувствуешь гордость за человека, удивляешься его силе, радуешься его победе над бездушным железом и с глубокой благодарностью вспоминаешь имена... людей, ожививших

бездружные массы, из которых раньше делалось гораздо более мечей, чем плугов».

Как ни подчеркнуть здесь глубокий гуманизм Горького, певца мирного труда на земле.

Гордясь человеком труда, Горький боролся за него, выступал против его рабского положения: «Всюду чудеса из металлов, и всюду всё молчит и не движется, ожидая команды человека, своего создателя и владыки. А он - этот творец и владыка – тут же, около своих стальных детищ. Он ползает вокруг них и под ними, весь в грязном масле, в поту, в рваной одежде, с грязной тряпкой в руке и с утомлением на эфиопски чёрном лице, глаза у него странно тупы, он неразговорчив, малоподвижен, автоматичен, в его фигуре нет ничего, что напоминало бы о нём, как о владыке железа. Он просто жалок и ничтожен в сравнении с блестящим, сильным, красивым металлом, созданным для облегчения человеческой жизни и человеческого труда... Уходишь из отдела с чувством удивления пред машинами, с чувством смущения и обиды за человека... Разве все эти гиганты из металла... облегчают его труд? Он всецело в их власти».

Заканчивая статью «Среди металла», М. Горький пишет: «Кажется, что ты присутствовал при чём-то глубоко ироническом, что ты был в царстве, где железо главенствует, а человек служит ему, служит рабски, притупляя свои нервы автоматизмом...».

Читая эти строки (и всю статью «Среди металла»), нетрудно догадаться, что М. Горький в те годы уже знал труды К. Маркса по политэкономии и умело использовал их в своей журналистской деятельности, боевой публицистике.

Показывая в своих ранних произведениях жизнь российского капиталистического общества с разных сторон, М. Горький искал ростки нового среди народных масс, искал тех героев эпохи, революционеров-борцов, которых он позже описал в «Матери» и «Врагах», в этих значительных художественных произведениях.

Определяя роль и значение ранних произведений Горького, литературный критик-марксист В. Боровский в 1910 году писал, что они пробуждали в людях «те смелые, сильные, свободные чувства и мысли, которые неизбежно сопутствуют всякому революционному перевороту, без которых психологически немислима сама революция»²³.

В этой же статье «Максим Горький» Боровский с марксистских позиций разъяснял:

«С половины 90-х гг. в русской общественности начал обнаруживаться давно подготовлявшийся перелом. Это был переход от земледельческой, деревенской, барско-крестьянской Руси к Руси промышленной, городской, буржуазной. Экономический переворот постепенно выдвинул на видное место новый общественный класс – пролетариат, занявший сразу характерное для

²³ В.В. Боровский. Литературно-критические статьи. – М., 1956, с. 257, 255, 256.

него обособленное и самостоятельное место в капиталистическом обществе. С первых же дней своего выступления на историческую арену этот класс провозгласил себя носителем революционного начала и в социальной и в политической жизни. В воздухе запахло грядущей бурей.

Эти глубокие социально-экономические превращения, в свою очередь, воздействовали на умы тех слоев, которые более или менее тесно связали свою судьбу с судьбой рабочего класса. И прежде всего они отразились на революционной части интеллигенции. Начала складываться характерная идеология пролетарского движения».

Горького тех лет Боровский назвал «выразителем ещё слабо дифференцированной пролетарской массы».

Как бы продолжая мысль, высказанную в статье «Среди металла», М. Горький позже в рецензии на книгу Эд. Эстонье «Жульен Дарто» («Нижегородский листок», 1900, № 261) писал:

«Я не хочу быть только орудием», – говорит личность современному обществу, которое строит фабрики, делает машины, исподволь стремится обратить человека в машину, всё меньше ценит его... Общество развивается, давит людей, и растет в нём тот яд, от которого оно погибнет... «Ничто в природе не пропадает бесследно!» И даже запах трупов, запах раздавленных тяжелыми колёсами технического прогресса людей, – и этот запах имеет свою творческую силу! Он не только отравляет жирное тело капитала, он носится в воздухе, питает собою цветы идей человеколюбия, и они растут, они цветут – украшают жизнь и возбуждают в человеке ненависть к тому, что поработает его дух, его творческий дух, свободный дух!»

Конец этой рецензии звучит ещё смелее и оптимистичнее:

«И всё то, что унижает человека, низвергая его в грязь и, как раба, уродуя его, и всё то, что мешает человеку жить согласно желаниям духа его, – всё это падёт пред силой справедливости, которая действует в жизни медленно, как ветер и дождь, уничтожающий высокие горы, – но верно действует и – восторгается!»

V

Исследователи публицистики раннего Горького, ссылаясь на его журналистскую деятельность 90-х годов, указывают на некоторые противоречивые стороны творчества молодого писателя. Так, например, указывают на встречающиеся иногда в его газетных статьях «либеральствующие» обращения к «хозяевам жизни» или подмену критики капитализма лёгким «щекотанием селезёнки» у отдельных хозяев.

Полностью отрицать этого не станем. Наоборот, приведём такую выдержку из самого Горького. В одном из фельетонов цикла «Между прочим» Иегудиил Хламида пишет о купцах: «А что они жадные – это точно. И что они плохие христиане – это тоже верно. Для них жизнь – купля-продажа, бог их – целковый, и ему они – верные дети. И никакой добродетельной моралью их не

прошибёшь. А всё-таки иногда нелишне пощекотать им селезёнку – пусть позеленеют немного» («Самарская газета», 1896, № 7).

В другом, новогоднем, фельетоне Иег. Хламида обращается с тонким намёком: «Местным купцам – я желал бы умыться, – нехорошо быть очень уж чумазыми людьми» («Самарская газета», 1896, №1).

Но мне кажется, что уже эти примеры, подтверждают мысль о том, что такие обращения М. Горького напоминают щедринскую сатиру. Слово-то само «чумазыи» принадлежит Щедрину. Этим словом, великий сатирик, окрестил народившегося российского капиталиста.

Приведём ещё пример горьковского смеха в подобных обращениях:

«Добрейшая управа! Твори добрые дела! Пора!

Дни выборов близки – чем помянут тебя преемники после того, как большинство твоих членов помрёт гражданской смертью, убитые чёрными шарами? Прикрой крышей «Корневильский рынок» на Алексеевской площади! Дай где-нибудь приют корневильский брюнеткам и блондинкам (безработные женщины -В.К.), ничем не защищенным от капризов самарской осени! Сунь их куда-нибудь в уголок!» («Самарская газета», 1895, № 233).

Не следует забывать, что Максим Горький, видя все «несообразности в бытии богачей и помещиков», понимал сам бесплодность своих попыток такого «либеральниченья» с богачами. «Никакой добродетельной моралью их не прошибёшь», - говорил он, а в газете писал:

«Я не хочу, конечно, говорить о том, что, если б миллионеры были добрыми христианами, они бы выстроили городу и ночлежный дом, и дали бы ему несколько школ, и озаботились бы расширением деятельности дома трудолюбия - одним словом, сделали бы всё то, что повелевает делать человеку долг христианина и гражданина, любящего свою родину. Я не говорю о всём этом, «в камень стрелять – только стрелы терять» («Самарская газета», 1896, № 47, 59). Литературный критик - марксист А. Луначарский как-то заметил, что в начале своего творческого пути, в отличие от зрелых пролетарских публицистов, «по своей марксистской подготовке, по непосредственной близости к фабрично-заводскому пролетариату Горький им уступал. Основные линии общественной ситуации интеллектуально были ему менее ясны. Но его огромная, единственная, немеркнущая слава заключается в том, что творческие волны, шедшие от растущего пролетариата, он с необыкновенной чёткостью воспринял своим художественным аппаратом и, придав этим волнам художественную звучность, включив их в свой ответ художника на окружающий мир, стал на самой заре нашего движения могучим пролетарским художником»²⁴.

VI

Публицистическое мастерство молодого писателя

²⁴ А.В. Луначарский. Статьи о литературе. – М., 1957, с.330.

Новаторство ранних газетных очерков и фельетонов М. Горького сказалось не только в их идейном содержании, но и в своеобразном художественном раскрытии этого содержания. Молодой писатель обнаружил высокое литературное мастерство в изображении человека и окружающей его действительности. Язык и стиль Горького-публициста был обусловлен новизной и значительностью содержания. Фельетоны и очерки его имели большое идейно-воспитательное и художественно-эстетическое воздействие на читателя-современника. Они не утратили и сегодня своего значения.

Так, например, пейзаж выполняет активную функцию в горьковской публицистике, являясь одним из важных идейно-художественных элементов. Горький преодолел то безразличие к пейзажу, которое было характерно для журналистов и для писателей – эпигонов народничества и натурализма, и как бы возвращает читателя к лучшим традициям русской классической литературы. В горьковских зарисовках природы, например, встретим элементы поэтического одушевления природы, свойственного, скажем, Гоголю. Вот Горький пишет: «Ночь... грозит дождём. Ночь так грустна, и эта песня, гармонируя с ней, отдаётся в сердце странно щемящим его эхом»²⁵. В произведениях М. Горького, как верно заметил А. Луначарский, «природа зовёт жить, бороться, наслаждаться...»²⁶. На фоне природы оттеняются уродливые картины жизни тогдашнего общества, серость и тусклость мешанского прозябания.

С немалой силой художественное мастерство Горького сказалось в использовании словарного богатства русского языка. Писатель почти устранил в своей публицистике разрыв между народным, разговорным, и литературным языком, характерный для буржуазной, особенно декадентской литературы. В его реалистических рассказах и фельетонах во всём блеске передан живой язык народа, густо пересыпанный метафорами и афоризмами. М. Горький, в отличие от натуралистов, никогда не «копировал» язык людей, он был чужд всякого рода провинциализмов, избегал злоупотребления «блатной» терминологии людей «дна».

Прекрасный знаток пословиц и поговорок, народных изречений, М. Горький умело вводил их в свои произведения. Так, заканчивая фельетон об одном суде – комедии над богатыми, он пишет: «А на нет и суда нет! Суда и не было...»²⁷, в другом месте: «Вот люди, которые убеждены в том, что своя рука – владыка!». Купец-хищник заявляет ограбленным мужикам: «Вам со мной не тягаться. Помните, с волком кобыла тягалась – хвост да грива осталась...». Мещане успокаивают себя ежедневно: «Бог не выдаст – свинья не съест». Говоря о мещанском литературном вкусе читателей, писатель верно использует поговорку: «У всякого свой вкус – кто любит арбуз, иные же предпочитают свиной хрящик».

²⁵ «Одесские новости», 1896, № 3673.

²⁶ А.В. Луначарский. Воспоминания и впечатления. – М., 1968, с.266.

²⁷ «Самарская газета», 1895. № 218.

Иногда Горький использовал пословицы и поговорки, идя дорогой великого баснописца Крылова и великого сатирика Гоголя. Так, клеймя в одном фельетоне купечество, он пишет: «И зачем нужно на зеркало пенять, коли... Кому много дано, с того много и спрашивают». Следует отметить здесь и такую художественную особенность, как использование Горьким в своих фельетонах образов из фольклора. Смело бичуя диких купцов-самодуров, он повествует: «Был в Новгороде в старинное вечевое время удал-добрый молодец В.Б. (Василий Буслаев. - В.К.), и, по словам былин, он очень любил и умел драться. Наберёт себе приятелей, ходит с ними по улицам, всякого встречного в ус да в рыло, недругов своих до смерти забивал - и так верховодил делами Новгорода, пока не был укрощен каликой-перехожим. Но всё это было давным-давно, и какое нам дело до В.Б. «со товарищи»? Я бы и не вспомнил о этом добром молодце, кабы у него в Самаре не было тѣзки и однофамильца, желающего подражать своему прототипу вечных времён»²⁸.

Молодой Горький показал себя также незаурядным мастером сарказма, уничтожающего смеха, по адресу «хозяев жизни». Вот, например, типографшик Гран избил мастерового мальчика, и Горький пишет: «Лучше бы господину Грану упражняться в боксе на своих собственных щеках. Поставить против своей фигуры зеркало и колотить себя, глядя на свое отражение. А в случае, если господин Гран утомился бы от такого занятия, можно рекомендовать ему пригласить дворника. Давши сему последнему на чай, - можно получить от него весьма поучительный урок бокса. Но необходимо дать на чай, ибо дворник, как бы он ни был груб, не станет бить человека даром»²⁹.

Сколько сарказма вложил Горький в эти слова!

К особенностям художественного мастерства Горького-публициста надо отнести и его умение вставлять в газетные статьи живые диалоги, целые сцены. Вот один из многочисленных примеров: «У городских судей наступило страдное время. Почти ежедневно к ним являются толпы крестьян и слѣзно жалуются.

– Сделайте божескую милость, ваше благородие, рассудите!

– В чём дело?

– Было у нас сорок три воза пшеницы, и в кажинном возу по двадцать четыре пуда. Привезли, запродали - всё хорошо. Стали ссыпать, хватъ - ан в каждом возу по четыре пуда убыло... Разор, ваше благородие!

– Неверно взвесили, значит?!

– Истинно так - по-грабительски взвесил!

– Зачем же это вы?

– Да али это мы, ваше благородие! Мы - вот вам крест! - фунт в фунт, по двадцать четыре пуда в телегу насыпали - и каждый ещё мерку на утечку накидывал... А ссыпать стали - по четыре пуда с телеги и просыпалось.

²⁸ Все цитаты из «Самарской газеты» за 1895 год.

²⁹ «Самарская газета», 1895, № 184, № 206.

– Это уж у купца весы так устроены... Подавайте прошение!»³⁰.

Газетные произведения М. Горького отличаются публицистической заостренностью. Это достигается то риторическими вопросами и восклицаниями («Бедные шестьдесят богачей! Что-то предпримут они теперь?»³¹; «Миллионеры-недоимщики! Громко звучит – не правда ли?.. Своего рода – подвиг!.. Какая высокая гражданственность! Я миллионер, не препятствуй моему нраву!.. Это уже прямо-таки самодурство!»³²), то прямым обращением автора к читателю-собеседнику («Ну, скажите же, разве это не гуманно? Не хорошо? Не вызывает слёз умиления на ваши глаза? Нет? Так это потому, сударь мой, что у вас чёрствое сердце и вы не умеете ценить гуманизма вашего начальства!»³³), то другими художественно-публицистическими приёмами.

К особенностям языка и стиля Горького-публициста надо отнести и то, что наряду с художественно-образным языком он нередко строит фразы в форме сугубо научных определений. Например: «На рынке труда перепроизводство рабочих рук»³⁴; «Это однако в нравах почтенного класса, в данное время чуть ли не доминирующего над жизнью и, кажется, всё более расширяющего район своего влияния в ней»³⁵; «Делу развития литературного вкуса у средней читающей публики могло бы сильно помочь устройство популярных лекций по истории литературы...»³⁶.

Я касаюсь здесь лишь некоторых особенностей художественного мастерства Горького-публициста. Речь идёт только о газетных произведениях 90-х годов.

И, конечно, их главной чертой является строгая документальность, абсолютная достоверность фактов, фамилий. Один из своих фельетонов М. Горький начинает так: «Сегодня, например, у меня нет иной темы, кроме оскорбления городского весёлой и буйной женщиной и господином Б»³⁷. В другом фельетоне он пишет: «Крестьяне Гусев и Платошин привезли 151 подводу льняного семени, весом 2281 пуд, и запродали его местному купцу Николаю Шашкову по 14 копеек за пуд. Ссыпали. А когда ссыпали – Шашков нашёл, что семя подмочено, и скинул по пятаку с пуда. Хорошая скидочка – чуть-чуть не 40 процентов... Крестьяне едут к судье и предъявляют иск»³⁸.

Смело клеймил Горький грубых властителей бесплатных мальчиков-учеников: типографщика Грана и хозяина чугунолитейного завода Лебедева. Последний попытался написать в «Самарскую газету» опровержение на

³⁰ «Самарская газета», 1895, № 184, № 206.

³¹ Все цитаты из «Самарской газеты» за 1895 год.

³² Все цитаты из «Самарской газеты» за 1895 год.

³³ Все цитаты из «Самарской газеты» за 1895 год.

³⁴ Все цитаты из «Самарской газеты» за 1895 год.

³⁵ Все цитаты из «Самарской газеты» за 1895 год.

³⁶ Все цитаты из «Самарской газеты» за 1895 год.

³⁷ Все цитаты из «Самарской газеты» за 1895 год.

³⁸ «Самарская газета», 1895, № 206, № 213.

фельетон Иегудиила Хламида о порядках на его заводе. М. Горький опубликовал это опровержение, снабдив такими комментариями: «Ему (Лебедеву), на мой взгляд, следовало уплатить мальчику за раздробленный палец рублей этак сто, хоть, что ли, и сообщить об этом поступке редакции. Я бы печатно сказал ему за это спасибо. Но он предпочёл доказать мне, что я солгал и что я пишу - неприлично... Вот оно, его «Опровержение»...

Дальше идёт текст этого невежественного опровержения. После него М. Горький продолжает: «Не правда ли, господин Лебедев и вполне приличный и очень остроумный мальчик? У него есть стиль. Но как мне ни жаль господина Лебедева, а одним стилем меня не опровергнет. Ибо у меня есть факты»³⁹.

Не трудно заметить, что в этой моей статье довольно много цитат. Это потому, что короче, чем у Горького, не скажешь. Начнёшь пересказывать - больше наговоришь. Да и сам М. Горький в подобных случаях поступал так же. Например, рецензируя новый рассказ А.П. Чехова «В овраге», он писал: «Чехов, как стилист, единственный из художников нашего времени, в высокой степени усвоивший искусство писать так, «чтобы словам было тесно, мыслям - просторно». И если бы я начал последовательно излагать содержание его рассказа, то моё изложение было бы больше по размерам, чем самый рассказ»⁴⁰.

Сказанное Горьким о Чехове вполне применимо и к нашему случаю.

Подробные цитаты из газетных фельетонов М. Горького мы приводим ещё и потому, что содержание этих произведений мало известно нашим читателям. А при таких обстоятельствах приходится широко цитировать. Так поступали, между прочим, Белинский, Чернышевский, Добролюбов и другие великие русские критики, у которых мы обязаны учиться.

Наконец, полные цитаты из фельетонов М. Горького позволяют нам прямо, без оговорок, убедить читателя в большом художественном и публицистическом мастерстве молодого Горького и указать на некоторые особенности его литературного творчества, которые могут быть использованы и развиты молодыми современными писателями и журналистами.

VII

В 90-е годы XIX века и в начале 900-х годов XX века, то есть в годы активной творческой деятельности М. Горького, классовая борьба в России приобретала особенно острый характер. Начиналась борьба и нового реалистического искусства против декадентского искусства. Своеобразие творческой позиции молодого Горького заключалось в том, что он был не только свидетелем этой борьбы, но и её активным участником. Достаточно вспомнить здесь известную статью «Поль Верлен и декаденты» («Самарская газета», 1896 год), корреспонденции с Всероссийской выставки («Нижегородский листок» и «Одесские новости» за тот же год) и другие

³⁹ «Самарская газета», 1895, № 206, № 213.

⁴⁰ «Нижегородский листок», 1900, № 29.

публицистические произведения жизни, людям, что оно может помочь жить им. Жизнь тяжела - оно даст возможность отдохнуть от неё; люди грубы - оно облагородит их; они не особенно умны - искусство им поможет развиваться. Искусство нужно публике, а не художникам». И тут же Горький громил тех, кто умаляет значение искусства, «суживая роль искусства до служения только избранным, которые дают алчущим вместо хлеба камень» («Нижегородский листок», 1896, №215).

В другом месте Горький писал: «Публика предпочитает лучше смеяться над топорными фарсами, чем плакать над драмой, лишённой всякого социального значения» («Нижегородский листок», 1896, № 271).

К началу творческой деятельности М. Горького в русской литературе и журналистике выдвигается и становится центральной тема трагической судьбы простого человека в окружающем его обществе. Своими первыми литературными опытами молодой М. Горький как бы делает «творческую заявку» на эту тему и поэтому сразу же оказывается в основном русле передовой публицистики той поры. Но задача писателя не могла исчерпываться изображением только лишь страданий человека, в котором все мысли и чувства, вся творческая энергия убиваются обществом, государством.

Русская литература и раньше изображала страдающего человека, «униженного и оскорбленного» существующим строем. Да, передовая литература первой половины XIX века в силу исторических условий была сильна преимущественно своим отрицанием. Образ человека-борца и сама борьба за установление нового общественного порядка не нашли - да и не могли найти - широкого отражения в литературе критического реализма. Только в самом конце XIX века и начале XX века, когда в жизни России появилась сила, способная разрушить старое государство и установить новый социальный строй, русская литература, связанная с революционным движением пролетариата, смогла решать эту задачу, создавать образ борца, героя-революционера.

Сближение с пролетарским революционным движением и непосредственное участие в нём определили новое содержание и горьковского творчества. Он явился новатором в русской литературе, основоположником нового, или социалистического реализма. Горький потому и является родоначальником новой (советской) литературы, что в его творчестве идейно-художественные принципы литературы и журналистики получили самое раннее и яркое выражение. Горький указывал, что новая литература может быть создана лишь на базе «фактов социалистического опыта». Но надо помнить, что этот опыт возник задолго до 1917 года. Когда в России возникло революционное движение пролетариата, тогда в самой российской действительности и возникли реальные предпосылки создания новой реалистической литературы. Именно потому М. Горький, как художник, воспитанный рабочим классом, смог ещё в те далёкие годы создать прообраз новой литературы.

Всем своим жизненным опытом А.М. Пешков (М. Горький) был подготовлен к восприятию идеологии революционного марксизма. В конце 90-х годов он остро переживал борьбу марксистов с народниками, однако его симпатии были на стороне марксистов. После раскола социал-демократии на большевиков и меньшевиков М. Горький встал на сторону большевиков. Позже, вспоминая прошлое, Горький писал: «Подлинную революционность я почувствовал именно в «большевиках», в статьях Ленина, в речах и в работе интеллигентов, которые шли за ним. К ним я и «примазался» ещё в 1903 году»⁴¹. Особенно сближается Горький с ними в период революционного подъёма 1905 года. Но ненадолго... Были серьёзные колебания.

Но это уже выходит за рамки этой статьи, которая возникла из насущной потребности время от времени обращаться к богатейшему опыту нашей литературы, её классика М. Горького - к его художественному и публицистическому наследию, ко всему огромному опыту его жизни.

Творчество Максима Горького - обширно, многомерно. Оно, в общем-то, уже неплохо изучено, но далеко ещё не до конца, и поэтому каждый новый виток общественной истории помогает высветить новую грань его жизни, творчества, даже одной, но гениальной мысли... Время убеждает, что вся деятельность Горького, в том числе и публицистическая, – это не архив, а боевой арсенал, пусть «старое, но грозное оружие» в борьбе за светлое будущее России, её народа.

«Продолжая дело, начатое ещё Радищевым и Пушкиным, – пишет профессор А.И. Овчаренко в книге «От Горького до Шукшина», – он широко распахнул двери в литературу перед миллионами. Со страниц его первых же произведений встала сама Россия, находящаяся на распутье, страдающая и вопрошающая, уповающая и бунтующая, мучительно ищущая дорогу в светлое будущее»⁴².

Пусть в основе его публицистической деятельности 90-х годов XIX века лежит материал старой российской действительности, но нас и сегодня волнует глубокое горьковское понимание социальных отношений, критическое изображение частнособственнического общества, многосторонний охват действительности, ясное видение перспектив развития жизни, избавление от всех форм гнёта.

...Наступил XX век, 1917 год. Грянули в России сразу две революции. Но М. Горький назвал их тогда «несвоевременными».

Но об этом – в следующей статье. «Несвоевременные мысли» М. Горького.

Время не только главный судья и ценитель, но и основной хранитель всего ценного в истории литературы и искусства. Это оно возвращает нам время от времени отторгнутые или забытые на время книги, статьи и письма

⁴¹ М. Горький. Собр. соч. В 30 т. – М.: ГИХЛ. – Т.24. – С.439.

⁴² Александр Овчаренко. От Горького до Шукшина. – М., 1982, с.5.

великих художников. Например, М. Горького и М. Шолохова, о чём мы поговорим в этой книжке, в главах об их публицистике.

Ровно через 70 лет, в конце 1988 года, в журнале «Литературное обозрение» (№№ 9, 10 и 12) появились публицистические статьи и заметки М. Горького, публиковавшиеся впервые в газете «Новая Жизнь» в бурное время двух русских революций (апрель 1917 июнь 1918 года). Сотрудниками газеты были сторонники О. Мартова, а не В. Ленина - В. Базаров. В. Десницкий, Н. Суханов, А. Тихонов и другие, а одним из редакторов М. Горький, который не сразу принял и Октябрьскую революцию, и политику большевиков, что нашло отражение в цикле его статей «Несвоевременные мысли». Я говорю цикл, так как из 80-ти горьковских статей в «Новой Жизни» большая часть (57 статей) - из цикла «Несвоевременные мысли».

За полемику с большевиками о путях революции, о судьбах культуры, о жестокости и насилии в отношении народа, о всём, что мешает движению России к социальному прогрессу, газету дважды закрывали в 1918 году: один раз (временно) в феврале за статью Н. Суханова «Капитуляция», направленную против позорного Брестского мира с немцами и призыву в ней к «ниспровержению советской власти», а второй раз (окончательно) летом за общее направление газеты. В октябре 1918 г. М. Горький говорил: «Ежели бы закрыли «Новую Жизнь» на полгода раньше и для меня, и для редакции было бы лучше».

Что отличает этот цикл статей великого писателя? Гуманистический пафос. Публицистическое творчество писателя-гуманиста без изъятий и купор даёт возможность посмотреть на него другими глазами, увидеть, сколь мучительным был его путь к пониманию переломных исторических событий нашей эпохи, свидетелем которых он был. «Несвоевременные мысли» позволяют глубже понять мысли и чувства М. Горького в те годы, его борьбу за общечеловеческие ценности, культуру, ощутить драму великого художника-революционера, который отстаивал свою точку зрения на революцию, на её трагические ошибки и уроки.

Разговор о «Несвоевременных мыслях» стоит, видимо, начать с отношения Горького, писателя и редактора газеты, к гласности, свободе печати, свободе слова, особенно в переломные для общества годы, ибо революция предполагает, прежде всего, торжество этих свобод. Бесстрашно, несмотря на угрозы, в полной мере используя в газетной практике эти свободы, писатель-редактор не допускал «свободы клеветы», «свободы искажения правды», заботился о духовном здоровье нации: «Что правда для человека, как лица, то пусть останется правдой для всей нации». При этом вспоминал слова Достоевского: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, а потому надо желать одной правды и искать её, несмотря на все выгоды, которые мы можем потерять из-за неё, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за неё...».

Со страниц своей газеты М. Горький встаёт перед своими читателями и перед нами, далёкими его потомками, величественным и бесстрашным гением русской литературы в смелой, сознательной борьбе за Правду с большой буквы: «Та художественная литература, которой справедливо присвоено имя «великой», никогда не пела хвалебных песен явлениям социальной жизни... В чьих бы руках ни была власть, за мною остаётся моё человеческое право отнестись к ней критически».

Одновременно Горький пишет о неумении современной ему русской прессы пользоваться свободой слова: «...Расплодилось множество газет, которые изо дня в день поучают людей вражде и ненависти друг к другу, клеветуют, возятся в пошлейшей грязи, режут и скрежещут зубами, якобы работая над решением вопроса о том, кто виноват в разрухе России?.. «Свободное слово» постепенно становится неприличным словом». Размышляя о «педагогическом» значении «свободного слова», Горький задаёт вопрос: «А не захлебнёмся ли мы в грязи, которую так усердно разводим?»

Это сказано почти девяносто лет назад, а звучит, согласитесь, очень своевременно и в наши дни.

Великий писатель не побоялся говорить в своих якобы «Несвоевременных мыслях» горькую правду о революции, о её вождях и, конечно, о самом народе России, о рабочих и крестьянах.

М. Горький связывал с Октябрьской революцией 1917 года свои надежды на завершение ненавистной народом, не только солдатами, Первой мировой войны, на уничтожение всякого насилия над личностью, на строительство в России новой культуры. Он понимал, заявляя, что «наследство, оставленное революции монархией, – ужасно», однако почти в каждой статье утверждал, что в крестьянской России социалистическая революция преждевременна или «несвоевременна», так как крестьянская стихийная масса к коренному переустройству жизни не готова и потому погубит рабочий класс и прогрессивную интеллигенцию: «В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же по щучьему велению сделать социалистами 85% крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников».

Горький считал, что социалистической революции должна предшествовать культурная революция, «развитие интеллектуальных сил страны», ибо «сознание единства чувств, мыслей - основа культуры человека, признак общечеловеческого стремления к радости, счастью – к созданию на земле праздника».

В небольшой книжке «О русском крестьянстве» (Берлин, 1922 год) Горький наиболее полно аргументировал это так: «Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма... Русский крестьянин сотни лет мечтал о каком-то государстве... без власти над человеком... Среда, в которой разыгралась и разыгрывается трагедия русской революции, – это среда

полудиких людей». А в «Несвоевременных мыслях», ещё в 1918 году, он решительно писал: этот «народ» должен быть «прокалён и очищен от рабства... огнём культуры».

Горький не раз затрагивал в своих статьях (и книгах) крестьянский вопрос, он с недоверием относился к русской деревне, «органически враждебной психике, идеям и целям городского пролетариата», говорил о «медвежьих объятиях» русского крестьянства, от которых может «зареветь рабочий класс» (1918г.). В то же время писатель признавался: «Да, я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ». Он знал и достоинства этого народа: «И надо удивляться, что при всех этих условиях народ всё-таки сохранил в себе немало человеческих чувств и некоторое количество здорового разума».

И тем не менее многие явления русской жизни впервые революционные годы вызвали принципиальную критику М. Горького. Ещё весной 1917 года он запальчиво заявлял, что «всё дурное, что есть в человеке..., особенно ярко и богато разрастается именно на почве политической борьбы». Это, конечно, спорно и вызвано теми картинами насилия, которые вошли в русскую жизнь вместе с двумя революциями 1917 года. «У демократии два врага: т.т. «коммунисты», которые разбили её физически, и кадеты, которые уже начинают работу убиения духа демократии» (М. Горький). Раз революция свершилась, то её развитие, по Горькому, немислимо уже с первых шагов без строительства культуры, основанной, по мнению писателя, на уважении к личности, ибо «истинная суть и смысл культуры - в органическом отвращении ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать». Вот ещё несколько горьковских фраз тех лет:

«Великое счастье свободы не должно быть омрачаемо преступлениями против личности, иначе мы убьём свободу своими же руками».

«Если не способны, если не можем отказаться от грубейших насилий над человеком - у нас нет свободы».

«Идеи не побеждают путём физического насилия».

«Где слишком много политики, там нет места культуре».

«В борьбе за классовое не следует отменять общечеловеческое стремление к лучшему».

«Человечество имеет силу бесконечно создавать из хорошего - лучшее».

Главным, наряду с культурой, для великого писателя на протяжении всей его жизни был труд. Поэтому не случайно через все статьи цикла «Несвоевременные мысли» проходит тема труда, воспитания у человека уважения к труду. Вот что волнует Горького в те годы:

«Я издавна чувствую себя живущим в стране, где огромное большинство населения - болтуны и бездельники, и вся работа моей жизни сводится, по смыслу её, к возбуждению в людях дееспособности».

«Всем мало-мальски трудоспособным людям необходимо взяться за чёрную, будничную работу строительства новой жизни».

«Наше спасение - в труде, да найдём мы и наслаждение в труде».

«Мир создан не словом, а деянием», это прекрасно сказано, и это неоспоримая истина».

«Надо работать – только в этом наше спасение и ни в чём ином».

Есть у М. Горького в «Несвоевременных мыслях» много оценок деятельности руководителей революции, отдельных большевиков. Особенно резко о революционном авангарде – в статье «Нельзя молчать!» и других.

Писатель отвергал демагогическую практику Г. Зиновьева, который утверждал, что, «осуждая творимые народом факты жестокости, грубости и т.п.», Горький тем самым «чешет пятки буржуазии». Такая демагогия, отвечал ему писатель, может только развратить рабочих. Он назвал Зиновьева «профессиональным демагогом». В таком же духе Горький писал о других «гг. комиссарах»: Луначарского назвал «лиричным, но бестолковым комиссаром», террор Троцкого сравнил с террором Ивана Грозного... «Конечно, «кто ничего не делает – не ошибается», – писал Горький, – но у нас ужасно много людей, которые что не сделают – ошибаются».

Стоит ли удивляться, что в конце мая 1918 года писатель эмоционально восклицал: «Всё, что я говорил о дикой грубости, о жестокости большевиков, восходящей до садизма, о некультурности их, о незнании ими психологии русского народа, о том, что они производят над народом отвратительный опыт и уничтожают рабочий класс – всё это и многое другое, сказанное мною о «большевизме» – остаётся в полной силе».

Очень сложным было отношение к Ленину, но именно он был главным оппонентом Горького. Это был спор двух великих людей эпохи. В одной из самых резких статей цикла – «Вниманию рабочих», где писатель даёт отрицательную характеристику сподвижникам Ленина, он всё же счёл нужным оговориться: «Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы: двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он является одною из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии...»

В другой статье писатель рассуждает о двух типах революционеров: «вечных революционерах» и «революционерах на время». Характеристика первых напоминает слова Сатина о Человеке из пьесы «На дне», а вторых писатель развенчивает, называя их «анархо-коммунистами» из Смольного, которые относятся к России как к «материалу для опыта», и предостерегая против «жестокого и заранее обречённого на неудачу опыта».

Чуть позже в статье «Интеллигенция и революция» (Берлин, май 1922 года), Горький писал; «Они решились сделать это для того, чтоб, разрушив отжившее и гнилое, воссоздать на месте его и в поучение миру государство равенства и социальной справедливости. Поступок – безумный, если принять во внимание инертность массы крестьян, слабое развитие промышленности и целый ряд других условий, которые - в общем - делают Россию страной очень оригинальной – к сожалению». Далее Горький пишет, что «всё это совершалось и совершается в крови, в атмосфере бесчисленных драм, с жестокостью часто бессмысленной и не имеющей оправдания». И в качестве

примера приводит варварское отношение к интеллигенции: «уничтожение ценнейших работников культуры и науки», «уничтожение мозга самого драгоценного вещества в мире».

В январе 1918 г., в одной из статей цикла, писатель решительно спрашивал вождей российского пролетариата: «С кем вы будете творить социальную революцию с крестьянством? С солдатом? Штыком и пулей?» И утверждал, что подлинным союзником пролетариата и рабочей интеллигенции является демократическая интеллигенция, «которая терроризируется тёмной массой и тонет в ней, не имея сил влиять на неё».

В апреле 1918 г. Горький выражает уверенность что русская демократическая интеллигенция «возьмёт на себя великий труд духовного врачевания народа».

В июне того же года, говоря о том, что надо объединить усилия демократии и рабочей интеллигенции «на почве культурной работы», Горький предупреждал: «Но для успеха этой работы следует отказаться от партийного сектанства, следует понять, что одной политикой не воспитаешь «нового человека», что путём превращения методов в догматы мы служим не истине, а только увеличиваем количество пагубных заблуждений, раздробляющих наши силы». И тут же: «Мы должны позаботиться, чтобы рядом с политическим воспитанием народа непрерывно развивалось его моральное и эстетическое воспитание только при этом условии наш народ будет освобождён из-под гнёта своей несчастнейшей истории...».

Писатель мучительно переживал своё расхождение с вождями революции, с основными направлениями социал-демократической мысли. Ещё в мае 1918 г. в статье «О полемике» он писал: «Уже 17 лет я считаю себя социал-демократом, по мере сил моих служил великим задачам этой партии, не отказывая в услугах и другим партиям, не брезгуя никаким живым делом. Люди, которые деревенеют и каменеют под давление веры, исповедуемой ими, никогда не пользовались моими симпатиями. Я могу теоретически любоваться их строгой выдержанностью, но я не умею любить их. Скажу более: я считаю себя везде еретиком. В моих политических взглядах, вероятно, найдётся немало противоречий, примирить которые не могу и не хочу».

В 1922 г. в статье «Интеллигенция и революция» он более чётко сказал об этих расхождениях, указав:

«Вожди русской революции сделали немало крупных ошибок и сами неоднократно признавали это. Их ошибки поучительны как нельзя более для реформаторов и творцов будущего... Ошибкой всей русской интеллигенции является партийный раскол внутри неё... Для меня это разрыв одной и той же - по существу энергии на несколько частей различной скорости движения. Общая цель этой энергии - возбудить активное, сознательное отношение к жизни в массе народа, организовать в ней закономерное движение и тем предотвратить анархический распад её... Думаю, если б Ленин и его группа не взяли власть в свои руки, крестьянская анархия разразилась бы в России с ужасающей силой, и вместо гражданской резни при благосклонной помощи

европейского капитала мы имели бы в России бесчисленные битвы деревни с городом...

Тяжёлой ошибкой Советской власти я считаю неправильную оценку ею значения квалифицированной интеллигенции в процессе революции..., ибо люди науки и техники по существу своему такие же – если не более – революционеры, каков Ленин, Троцкий, Красин и другие вожди величайшей революции мира».

Надо заметить, что вожди революции, в том числе Ленин и Троцкий, печатались в газете «Новая Жизнь» ещё до революции. Известно, что один из руководителей газеты, не М. Горький, а меньшевик Н. Суханов, очень симпатизировал Л. Троцкому. После революции в ответ на статьи писателя в защиту русской культуры Троцкий обозвал Горького «достолюбезным псаломщиком» этой культуры. В 1924 году он «хамовито» (по словам Горького) отозвался на его воспоминания о Ленине. С непозволительной иронией написаны Троцким в 1936 году некоторые абзацы в некрологе на смерть великого писателя.

Не ровными, если не сказать хуже, были отношения к Горькому у И. Сталина на протяжении почти двадцати лет. Впервые о писателе, а точнее о «Несвоевременных мыслях», он высказался в партийной печати в 1918 году так: Горького «смертельно потянуло в архив».

Дружескими, как принято считать, были на протяжении двух десятилетий (1905-1924) отношения между Горьким и Лениным. Однако известно, что Ленин не раз до революции и после выражал сожаление, что «великий художник берётся за политику, повторяя предрассудки мелкой буржуазии» или «горькое чувство испытываешь, читая» написанное Горьким, «насквозь пропитанное ходячими обывательскими предрассудками».

Наиболее полно идейные расхождения Ленина в ходе революции с горьковской газетой «Новая Жизнь» отражены в большой статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в сентябре-октябре 1917 года и дважды напечатанной в этом году в партийной печати. Имя М. Горького в ней не упоминается, но это во многом о нём, о его взглядах. Ленин пишет:

«Новая жизнь»... выступает на этот раз в более идущей к ней роли адвоката буржуазии, чем в явно «шокирующей» эту даму приятную во всех отношениях роли защитника большевиков». «Господа из «Новой Жизни», кричащие об изолированности пролетариата, выражают этим только свою субъективную запуганность буржуазией... Писатели «Новой Жизни»... вполне пригодны были бы в министры при кадетях. Ибо от таких министров требуется именно умение говорить благовидные и благоприлизанные фразы, в которых нет ровно никакого смысла, которыми можно прикрыть всякую гадость и которым обеспечены хлопки...».

Указывая на «теоретические ошибки и политическую слепоту «Новой Жизни», Ленин пишет, что «писатели «Новой Жизни» все считают себя если не марксистами, то знакомыми с марксизмом, образованными социалистами»,

а на деле «обнаруживают самое крайнее невежество и нежелание считаться ни с фактами жизни, ни с соображениями, указанными давно в большевистской литературе».

Заканчивая статью, Ленин клеймит руководителей газеты: «Новая Жизнь» боится диктатуры пролетариата и отказывается от неё из-за возможного будто бы поражения пролетарской власти буржуазией... Бояться сопротивления капиталистов и в то же время называть себя революционером, желать числиться в социалистах - какой позор». И заканчивает статью знаменитой фразой, ставшей со временем широко известной: «Идеи становятся силой, когда они овладевают массами».

В марте 1928 года, в дни, когда отмечалось 60-летие А.М. Пешкова (Горького), в газете «Правда» были опубликованы воспоминания Б. Малкина о Ленине и Горьком: «В памяти встаёт ряд фактов, бесед и эпизодов, связывавших Владимира Ильича с Горьким в первые годы революции... Вспоминаю, как перед Владимиром Ильичом встал вопрос о Горьком в 1918 году. Шёл вопрос об издававшейся им «Новой Жизни», полу враждебно к нам относившейся, ставшей центром леворадикальной интеллигенции, усмотревшей в большевизме угрозу культуре. За окончательным решением обратились к Владимиру Ильичу. Перед нами стоял идейно беспощадный вождь рабочего государства...

– Конечно, «Новую Жизнь» нужно закрыть. При теперешних условиях, когда нужно поднять всю страну на защиту революции, всякий интеллигентский пессимизм крайне вреден. А Горький - наш человек... Он слишком связан с рабочим классом и рабочим движением, он сам вышел из «низов». Он безусловно к нам вернётся... Было это с ним в 1908 году, во время «отзовистов»... Случаются с ним такие политические зигзага...

И Владимир Ильич действительно в нём не ошибся. Уже к концу года Горький вплотную начал с нами работать, и памятный 19-й год застал Алексея Максимовича в кипучей, напряжённой работе в ряде культурных областей».

Однако нам остаётся удивляться глубине политического анализа и одновременно предвидения гениального русского писателя М. Горького, который в марте 1918 года обратился к людям, готовым превратить (и превратили!) Россию в опытное поле:

«Вожди народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленьев костёр, огонь которого осветил бы западный мир, тот мир, где огни социального творчества горят более ярко и разумно, чем у нас, на Руси... А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишён сентиментализма. В этом мире дело оценки человека стоит очень просто: вы любите, вы умеете работать? Если так - вы человек, необходимый миру, вы именно тот человек, силою которого творится всё ценное и прекрасное... А так как россияне работать не любят и не умеют и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем».

В последней фразе есть и справедливая, и несправедливая, на мой взгляд, оценка. Но пусть лучше об этом скажет сам М. Горький (май 1922 г.):

«В начале разрушительной работы вождей русской революции я выступил в печати против них со всей присущей мне резкостью. Я не верил, что такой маленький рычаг способен сдвинуть с мёртвой точки огромную, свинцовую массу русского народа, боялся расширения и углубления жестокости и полной гибели в хаосе крестьянской анархии всех зародышей оригинальной русской культуры. Кроме этого я – немного – марксист, верил в детерминизм, в неодолимую силу исторической необходимости, которая – как учил Маркс – и не один он – сводит почти к нулю роль личного начала, личной энергии в процессе истории. Но сейчас для меня самой великой заслугой русской революции перед культурным миром является именно тот не опровержимый – на мой взгляд – факт, что русская революция с поражающей силой выдвинула на первый план всё решающее и всё творящее – личность, индивидуальность, Человека...».

Так в публицистике Горького тех лет, даже в «Несвоевременных мыслях» 1917-1918 годов, возникает оптимистическая вера великого писателя – гуманиста в будущее России: «Надо помнить, что революция не только ряд жестокостей и преступлений, но также ряд подвигов мужества, чести, самозабвения, бескорыстия». В этом он видел залог того, что Россия «не погибнет теперь, ибо народ – ожил и в нём зреют новые силы, для которых не страшны ни безумия политических новаторов, слишком фанатизированных, ни жадность иностранных грабителей, слишком уверенных в своей непобедимости».

В 1919 году Горький, упоминая сына-большевика Максима, писал жене Е.П. Пешковой: «Максим крепко верит, что жизнь и может и должна быть перестроена в том духе, теми приёмами, как действует Советская власть. Я не верю в это...». Но тут же пишет: «А в то, что Россия не погибнет, всё-таки не погибнет - верю!».

Горький знал: «Труд, совершаемый с любовью, становится творчеством. Только бы человек научился любить свою работу, – всё остальное приложится». И еще: «Новые люди создаются новыми условиями бытия – новые условия создают новых людей».

Список используемой литературы.

1. Горький, М. Собрание сочинений : в 30 т. / Акад. наук СССР; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1949-1956 . – Т. 29 : Письма, телеграммы, надписи : 1907-1926 . – 1954. – 672 с. : 8 л. ил.
2. Гордеева, Н. М. Литературный Ростов 20-х годов / Н. М. Гордеева. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1967. – 160 с. : ил. ; 21 см.
3. Руманова, Д. И. Писатели советского Дона : био-библиогр. справ. / Д. И. Руманова; под ред. доц. Л. П. Громова; Рост. гос. науч. б-ка им. К. Маркса. – Ростов-на-Дону : [Б. и.], 1958. – 160 с. : портр. ; 20 см.
4. Максимов, П. Х. Воспоминания о Горьком : (переписка и встречи) / П. Х. Максимов. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Ростов-на-Дону : Кн. изд-во, 1968. – 182 с. : ил. ; 16 см.
5. Котовсков, В. Славные имена родной литературы: статьи / В. Котовсков. – Ростов-на-Дону: РостИздаТ, 2006. – 336 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I		
1	Популяризация имени Максима Горького в библиотеках: методические рекомендации	3
2	Указ Президента РФ от 13 июля 2015 г. N 360 «О праздновании 150-летия со дня рождения Максима Горького».	6
3	Час литературного портрета «М. Горький – «Писатель великий, чудовищный, трогательный, странный и совершенно необходимый сегодня».	7
4	Опыт работы библиотеки по популяризации личности и творчества писателя «Имя Горького звучит в Ростове часто».	15
5	Сценарий торжественной передачи мемориальной доски дома, где жил М. Горький «Именем Горького названа...».	29
Часть II		
6	Максим Горький и Ростовская писательская организация.	32
7	Павел Максимов – писатель, публицист.	38
8	Илларион Стальский – драматург.	41
9	Встреча с А.М. Горьким	42
10	Горький – грузчик Ростовского порта (1891г.)	45
11	Горький на Сельмашстрое (1929г.)	54
12	М. Горький и М. Шолохов – классики литературы XX века.	59
	Список используемой литературы	115